

От ветра головы

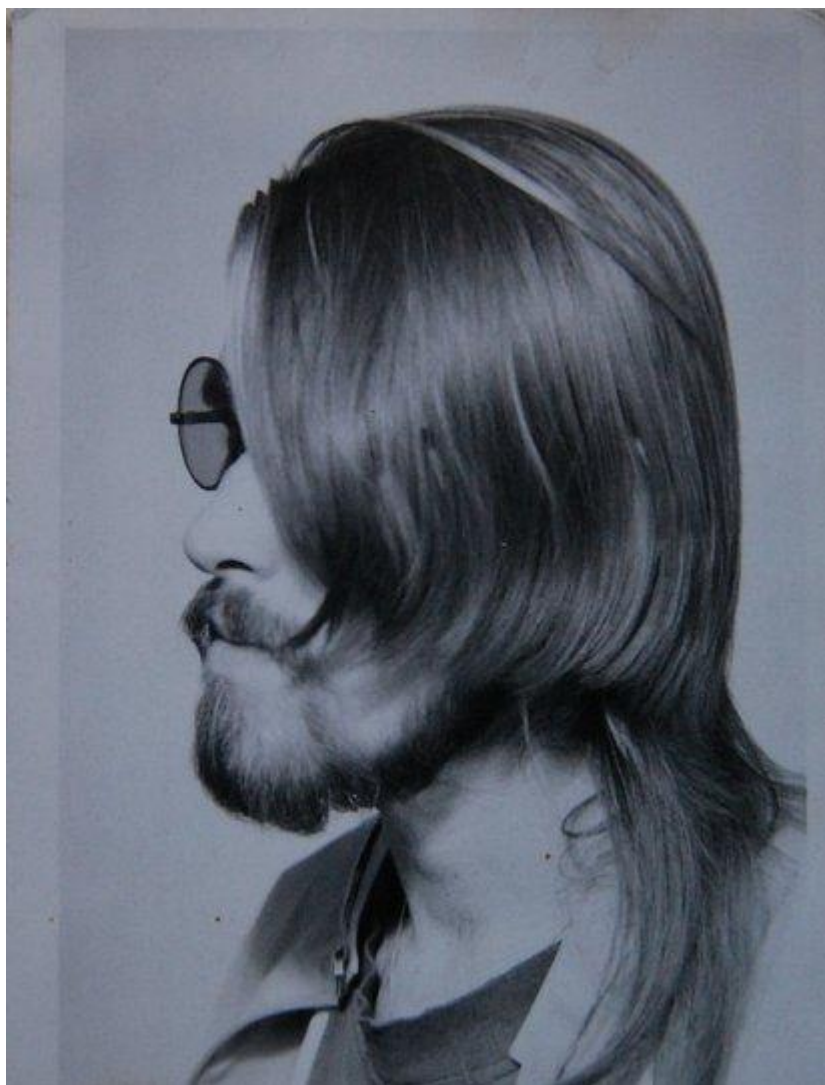
Вадим Булычев

Аннотация: Герой книги – рок-н-рольщик: Когда-то рок был квазирелигией, иным не тепло-хладным способом жизни. Но в начале 90-х рок-н-ролл стал вырождаться в разновидность попсы. Герой

книги, с присущим настоящему рок-н-роллешику радикализмом, рвёт с псевдодуховностью андеграунда и отправляется на поиски Истины. Окультисты, харизматы, "богородичники" – вот далеко не полный перечень тупиков в лабиринте пути к Самому Главному.

Записки «неформала»

Иван

Ещё неделю назад я представлял мир просто и ясно: «совок» рухнул, продажная попса заполонила собой все. Вместо долгожданной свободы скотский, материалистический

пофигизм. Всем на всех плевать. А потому, что все стало можно. Мельчает, мельчает обыватель! Стремительно превращается в законченного жлоба. Последнее прибежище моего творчества и свободы – андеграунд. Рок-н-ролл. Сколько раз говорил я себе в минуты депрессии: пусть завтра все станут жлобами, пусть по «ящику» с утра до вечера попса будет – я не сдамся! Пусть я стану полностью нищим, и новоиспеченные националисты заклеят меня «клятым москалем». Пусть! Я не сдамся!..

И тут появляется Иван. Лидер экстремальной, неудобоваримой группы – Редкая Религия. В каком стиле играет группа, даже не берусь и близко судить. Какая-то неординарная жгуче-несовместимая смесь роккабили, треш-металла и панка. С неповторимым налетом местного колорита.

Иван худощав. Слегка сутул. Одет в мятую «аляску». На голове у него черная вязаная шапочка. На ногах огромные сапожищи – «дерьмодавы». Лицо узкое, бледное. Прямой римский нос. И очень живые, немного бегающие, умные глаза.

Таким я впервые увидел Ивана неделю назад. Иван пришёл к нам на репетицию. Мы познакомились. Помню, здороваюсь с Иваном и сразу чувствую – свой. Говорю:

– Я здесь только два года живу. Приехал из России. Из Новгорода.

А он говорит:

– У меня бабка из Сибири. Алтайский край. И мать на Урале родилась. А я уже здесь.

– Отрадный факт, – отвечаю. – А то я тут себя москалём клятым уже почувствовать потихоньку начинаю.

Он смеётся:

– Да брось ты! Здесь интернациональный город. Здесь большинство из России, или предки оттуда. Или болгары и евреи. Так что национализм тут не приживется.

– Приживется, не приживется, - не сдаюсь я, - а у меня на работе все с ума сошли. Сразу после отделения Украины от Москвы. Буквально за одну ночь все «хохлами» сделались. А у меня всё никак российский акцент не проходит. Тётки на работе достали просто. Представляешь, подсаживаются специально ко

мне и начинают своих же собственных родственников в России грязью обливать. Мол, готовить не умеют, в хатах грязь, только водку пьют. Ты не представляешь, недавно одна бабка вахтёрша, с виду «божий одуванчик», набросилась на меня в общаге пединститута. Паспорт не хотела отдавать. Орала, как зарезанная: «Москали! Понаехали тут! Всё сожрали!» Я смотрю, а у неё буквально пена со рта. Тут мне страшно стало. Блин, куда я приехал?!

– В правильное место приехал, дружище, – весело восклицает Иван. – А это, что на работе у тебя, пройдет. Вся эта муть, политика, все на нет сойдет... Ладно, - Иван обводит беглым взглядом нашу тесную творческую «каморку». – Я к вам, собственно, вот по какому поводу...

Повод мне уже известен. Был предварительный разговор по телефону. Иван хочет со своей Религией провести на нашей «базе» несколько репетиций. Именно столько им нужно, дабы сделать какую-то запись. До этого ребята репетировали в совершенно дичайшем месте. В самом жутком и криминальном районе нашего города. В деревянном сарае, в самом настоящем деревянном сарае! Сарай им любезно предоставил некий знакомый, что там проживает, в частном доме (иных домов там нет). «Да, - подумал я, - надо быть окончательно «отмороженным панком», что б в «Ялтах» в сарае репетировать». В общем, кончилось тем, что местные гопники этот сарай сожгли. Хорошо хоть аппаратуру из сарая успели вовремя убрать. Но репетировать теперь негде... Что ж, мы были не против того, что бы такая легендарная группа, как Редкая Религия, на нашей скромной базе немного поиграла. Но за это мы попросили Ивана что ни будь спеть на гитаре. Это для начала. А там решим.

Иван нехотя взял гитару. Побегал пальцами по струнам. Наконец на довольно большой скорости напел скороговоркой:

– Пою не для Ялты и не для Одессы,
Пою не для лохов, пою не для прессы,
Пою по-русски и по-украински,
Что, в общем, не портит роковый принцип

Пою о том, о чем петь нельзя,
Пою о том, о чем петь невозможно.
И все же:

Радость полета, счастье мое
Хоть и в пропасть, но это оно
Лучше не жить, я знаю стойко,
Но все начинается только-только...

– Твоя песня? – Спрашиваю Ивана.

– Моя.

– Круто.

– Рок-н-ролл.

– Да, рок-н-ролл – круто. Слушай, – спохватываюсь я, – а что, правду говорят, что ты с музыкой подвязываешь?

– Да. – Просто отвечает Иван. И смеётся. Как обдолбанный. Нет, не похож он на человека, раздавленного реалиями жизни. Правда, про Ивана мне некоторые говорили, что он только с виду весёлый. На самом же деле Иван – человек мрачный. Квартиру в склеп превратил. На религиозных идеях с ума сошел. Но мало ли что говорят. О ярких личностях всегда много лишнего болтают.

– Почему ты решил с музыкой завязать? У вас же неплохая рок-группа. И название красивое, неординарное: Редкая Религия. Почему?

Иван пожимает плечами.

– Проблемы с творчеством? Негде репетировать? Почему? – допытываюсь я. И тут Иван выдаёт:

– В какой-то момент я понял, что ничего мы своим рок-н-роллом в мире не изменим. Всё! Праздник кончился! Мы немного опоздали... На полпоколения... Минимум. Когда я это понял, у меня руки опустились – лицо Ивана стало печальным. – Я теперь по инерции играю.

– Неужели ты не веришь в новую волну русского андеграунда? – С тоской в голосе говорю я. – Я слышал ваши записи. У вас все шансы пробиться.

– Куда? Зачем? – смеётся Иван. – Будем реалистами. Если даже пробьёмся, нас все равно включат в общемировой

попсовый спектакль под названием «массовая культура». Да ты не хуже меня знаешь всё это.

– И все равно, – не сдаюсь я. – В проигранной войне сопротивляйся до конца. А вдруг произойдет чудо!

– Я прагматик, – отрезает Иван, но, немного подумав, добавляет, – и максималист. Если что-то делать, то делать до конца. Меня половинчатый, одомашненный рок не устраивает. Даже если это панк-рок.

– Логично, – мрачно соглашаюсь я, чувствуя пустоту под сердцем.

Вот так мы и познакомились.

Товарищ «Никто»

Мелкий ледяной дождь, подгоняемый промозглым, студеным ветром сеется, вскипает на лужах. Холодно, неудобно и главное очень сыро. Впрочем, обычная февральская погода для этого климата. Вокруг меня равнодушная мокрая толпа. Тягостную сырость картины довершают несколько тусующихся гопников, буквально в пяти-семи метрах от меня. На гопниках одинаковые болоньевые куртки и ужасные «аэродромы» на головах.

Аэродромами здесь называют огромные кепки, или фурики, на манер тех, что носят лица кавказкой национальности. Здесь же эту дикую моду переняла местная гопота. Ровно два года я в этом городе, а все никак не могу привыкнуть к этим аэродромам. По привычке, стараюсь сильно не смотреть в сторону гопников, хотя гопники последнее время присмирели и уж, по крайней мере, в центре города неформалов не трогают. А это и есть почти центр. Административная «пуповина» города отсюда всего в нескольких кварталах – городская река, на живописном берегу которой площадь Ленина с городским и областным

начальством. Всё как положено. Только вот главная городская артерия, проспект Ленина, проходит в стороне от городского центра. На месте пересечения центральной городской улицы, идущей от административного центра с проспектом Ленина, расположено тяжеловесное «сталинское» здание гостиницы «Украина». Перед парадным гостиничным фасадом большая троллейбусная остановка. На ней вечно толпится народ. Вместе с народом «толплюсь» на остановке и я. В мучительном ожидании Ивана.

Наконец-то подошел битком набитый троллейбус. Обколотые «ширкой» гопники очнулись и, толкая всех и вся, устремились к нему. «Гопники, как и мы, вид вымирающий, - подумал вдруг я. - Скорее всего, скоро все заполнят равнодушные ко всему, кроме денег, мажоры. И город приобретет окончательно жлобское лицо...» В этот момент я едва не испытал чувство братской симпатии к гопникам. Но наваждение прошло быстро. Я увидел пробивающегося ко мне через толпу Ивана. Наконец-то.

– Привет.

– Привет.

Почти не говоря, почувствовав друг друга на интуитивном уровне, огибаем парадный вход в гостиницу. Идём к украинскому казаку. Силуэт казака, вырезанный из фанеры, трепещется на сыром зимнем ветру. Бьётся о стальную решетку. Казак висит почти на углу гостиницы. У казака огромный чуб. В вытянутой руке огромная пивная кружка. Кружка указывает на вход в кафетерий «Украина» в подвале гостиницы. Туда-то нам и нужно.

Спускаемся. Разбитая входная дверь. Народу полно, несмотря на середину рабочего дня. Тяжёлыми, неподвижными клубами висит сигаретный дым. Тусклый дневной свет сочится в окна.

Окна на уровне асфальта. Это чтобы бухать и смотреть на мир отстранённым взглядом. Снизу вверх. В окнах мелькают ноги прохожих. Двухмерная плоскость асфальта уходит в бесконечность. Чем не андеграунд? Наши сюда заходят часто. А вот гопников здесь почти не бывает. Основной контингент – потрёпанные жизнью мужички. Тихо спиваются.

Под «Украиной» почти без перемен. Нет, вру! Отмыли замызганные зелёные стены. Повесили несколько плакатов с бразильскими футболистами. Пиво перестали водой разбавлять. И «бутылочное» теперь нескольких сортов. Капитализм, однако.

Взяли с Иваном пиво, и я опять завел старый наш разговор. Мол, зря ты музыку бросаешь, «Редкая Религия» – на мой взгляд – самая нестандартная группа в нашем городе. (А может и на всём Юге Украины). Экстремальная.

– У вас есть будущее, – говорю я Ивану. – Я верю, что будет новая русская волна. В противовес попсе, пришедшей с Запада. Тому же рэпу.

– Будем реалистами, – настаивает Иван. – Откуда взяться этой волне, если всё теперь деньги решают?

– Так ты считаешь ничего уже изменить нельзя? Рок-н-ролл мертв? Мы ничего не добьёмся? Надо бросать всё и идти сдаваться? Становиться примерными обывателями?!

– Ни в коем случае не сдаваться, – почти кричит Иван – если есть силы идти до конца! Но я вам не попутчик. Я исчерпался как рокер. Мне это не интересно. Понимаешь, интересно было, когда праздник был. Когда был кураж. Был полный отрыв. Не было коммерции. Всё искренне и честно. Да, немножко наивно. Но в этом была религия.

– «Редкая Религия» – шучу я. – И она есть. Слушай, – я делаю паузу, затягиваюсь сигаретой – у тебя самая обычная депрессия. Это пройдет.

– Не пройдёт. Много хуже. – Иван раздражённо крутит в руках пустую пивную кружку: он не курит.

– Как бы тебе объяснить, чтобы ты ни счёл меня тусовочным понтовиком, «под Морисона»... Я много лет хочу порвать с миром. У меня было две попытки суицида. Ребята из группы могут подтвердить.

– Серьёзно? – оживляюсь я. – Расскажи.

– Брось, это не интересно, да и не приятно вспоминать. Суть не в этом, – Иван делает порывистое движение руками. – Почему я хотел и сейчас хочу навсегда порвать с миром? Понимаешь, я как никто иной чувствую в этом мире свою проклятость. Пойми, это не поза. Я чувствую себя в этом мире, как в непрерывном дурном сне. И только разрубив цепи мира, я могу прервать сон. Сон, что приносит одни страдания. Опять же, это не понты. Это так с самого моего раннего детства. Не повезло крайне с предками, с окружением. Пришлось и из дома сбежать и голодать пришлось. А вокруг одна босота. Разборки, повальное пьянство, убийства. Гопота на гопоте. И все норовят выместить свое зло на тебе. Понимаешь, я как никто иной, познал зло этого мира. Я всеми фибрами души чувствую свою проклятость в мире. Брат, мне надо бежать пока я не сошёл с ума и что-нибудь не натворил.

– Да, у тебя серьёзно. – Соглашаюсь я. Но Иван меня не слышит. Он побледнел. Смотрит в одну точку под потолком. И продолжает говорить:

– Не хочу ничего. Понимаешь, вся проблема в том, что я ничего не хочу больше. Кроме одного. Уйти. Так, чтобы мир как можно быстрее обо мне забыл. Я товарищ «Никто» для мира. Мне бы скорее домой. На небо!

Я давлюсь сигаретой.

– Ну, ты даёшь! Ещё говоришь, что с рок-н-роллом завязываешь. Ну, прямо, прямо... Башлачёв.

– Считай, что я маленький Башлачёв... Всё, больше не могу. Давай чего ни будь крепче возьмем. Например, водки.

Я не против.

Иван скрывается в облаках табачного дыма. Я держу столик.

«Джайнисткий метод»

Сидим под «Украиной» долго. Улицу уже заливают зимние сумерки. В кафе зажигают свет. Мир за окнами тает, теряет очертания. Мы хорошо выпили, но это не имеет значения. Главное, что Иван, наконец-то, поведал мне свой план ухода из мира. На мой взгляд – изощрённое самоубийство. Иван спорит. Говорит, не самоубийство, а «джайнисткий метод». С точки зрения джайнизма, голодная смерть во время поста и молитвы не есть самоубийство.

– Да, в чём разница. Объясни? – Язык мой немного заплетается. Я на той стадии опьянения, когда голова ещё работает, вроде бы, нормально. А вот мир вокруг совсем «розовый».

– Результат же один: смерть. Не проще ли из окна прыгнуть, как Башлачёв.

– Проще, – соглашается Иван. – Но это будет совсем другая смерть. Понимаешь, важно не то, где умрёшь и когда, важно, как умрёшь. Мне версия Башлачева не подходит. Я Бога боюсь.

– Вот как?! – Я едва не трезвею. – Как ты сказал: Бога боишься. Что-то я не совсем понимаю. Ты сказал, что боишься

Бога и в то же время хочешь покинуть этот мир. А ведь самоубийство, насколько я слышал, грех. Да и что значит - Бога боишься. Ты вроде не похож на религиозного фанатика. Поясни... Скажем, я тоже Бога не отрицаю. Я всегда верил и в жизнь после смерти, и в то, что есть над нами некая благая сила, то есть Бог. Короче, всегда помнил, что что-то там есть, что всё не просто так в нашем грёбаном мире... Но, из-за боязни Бога себя таким изощренным способом убивать! Иван – это слишком! Этот твой страх Божий...

– Ты меня не понимаешь! – Перебивает меня Иван с мучительной гримасой на лице, – меня никто не понимает... Увы, брат, мы говорим на разных языках.

– Вот как? Ну, тогда поясни. Может, я что-то действительно не понимаю.

– Страх Божий – не страх в обычном понимании. Это особое состояние. Это трудно объяснить, пережить надо. – Иван машет в спертom воздухе кафетерия руками, как птица. – Понимаешь, Бог везде, везде, Он, Он всюду, всюду, Он ближе ко мне, чем моя сонная артерия!...Он... да, что тут говорить... просто... самоубийство – грех, трусость, бегство от своего Творца!

«Фанатик», – проносится в моей голове.

– Иван – стараюсь тщательно подбирать слова. – Я понял тебя так: выпрыгнуть в окно – это самоубийство. Грех. Трусость. Бегство от Творца. Самоубийц, кажется, и в Церкви не отпевают. В общем Бог, если по Библии, запрещает самоубийство. Говорит – терпи до конца. А ты, ну не можешь терпеть. Выход – покупаешь палатку. Билеты в один конец. Едешь в Киев. Оттуда в Алма-Ату. Карабкаешься в горы. Выше. Ещё выше. Наконец

падаешь. От бессилия. Сил нет даже палатку поставить, которую в горы на себе волок. Лежишь и умираешь. Не знаю, с какой молитвой. Иван, ты что, хочешь Бога обмануть?

– Попал, – смеётся Иван. – Нет, брат, нет и ещё раз нет. Как раз наоборот. Я предаю себя в руки Бога Живого. Если Он меня любит, Он сделает чудо. Даст, какой-нибудь знак. Что-то должно произойти. Если нет, Его воля мне умереть. В любом случае, я предаю себя в руки Бога. Как он захочет, так и будет. Может, меня мулла какой-нибудь спасёт. Может, раньше бандиты пристрелят.

– Ага, басмачи. Хорошо, – не сдаюсь я, – как ты совмещаешь веру в Библейского Бога с джайнизмом? Что, как я понял, тот же индуизм.

– Брат, все мировые религии ведут к Иисусу Христу. – Иван делает страдальческое лицо. – Просто не все об этом прямо говорят. Как христианство. Согласись, бред считать, что только христиане спасаются. Остальные в ад.

– Это точно, – соглашаюсь я с очевидной для себя истиной. Всё логично. Иван теперь не кажется фанатиком. Это мы мертвецы. И наш андеграунд почти труп. А живой человек в нынешнем мире идёт в горы, умирать! Иного выхода у него просто не остается. Если быть честным перед собой до конца...

Смутно помню, как вышли на воздух. Помню снег, да, пока пьянствовали, снежок выпал. Это мы ещё сочли хорошим знаком. Помню, как ехали с Иваном в одну сторону. Живём где-то рядом.

Утро следующего дня. Выглянуло солнце. Снег тает. Тепло. Болит голова после вчерашнего. В голове обрывки фраз. Постепенно из фраз складывается следующая картина:

Иван предаёт себя в руки Бога Живого. Из-за этого кончает с музыкой. Потом с собой. Изощрённым, джайнистским методом.

Вот это рок-н-ролл! Такое надо запечатлеть на бумаге.

К вечеру похмелье проходит. Приходит тоска, вперемежку со смутной тревогой. Надо срочно увидеть Ивана. Хотелось бы о многом его расспросить. Только о чём? И как? Я опять не взял у Ивана номер телефона.

Рождается идея описать мои разговоры с Иваном с самого начала нашего знакомства.

Может быть, от нечего делать, а скорее, спасаясь от самого себя, пишу эти записки.

Тусовка

Вчера были первые «весенние крокодилы». Большой рок-концерт. Глобальный «сейшен» на местном уровне. Были представлены разные группы нашего города. Все некоммерческие проекты. Все городские «неформалы» подтянулись вчера в один из «Д/К». Гопники могли бы покончить с нами одной бомбой.

Детали концерта помню смутно: был пьян. Хорошо помню ощущение огромного, всеохватывающего праздника. Очень чёткое чувство: все братья и сестры. Народ тусуется в зале, за сценой, в фойе, на двух лестницах, на втором этаже. Короче, везде. Льётся рекой спиртное. На лестнице куриться трава. Люди подходят и запросто знакомятся друг с другом. Никакого

расстояния между «своими-чужими». Между музыкантами и народом. Вот это впечатляет больше всего! Где же Иван? Где его глобальный пессимизм? «Редкая Религия» тоже должна играть!

Кстати, вот первая яркая картинка, которую помню:

Просторная пустая комната. На первом этаже, где-то недалеко от фойе. В комнате куча людей. Музыканты тусуются с народом. Как говорится; «мир, дружба, жвачка». Естественно, почти все либо пьяные, либо обкуренные, либо то и другое. Я со стаканом водки в руке. Произношу тост:

– За рок-н-ролл уже пить надоело. Лучше выпьем за то, что Бог сегодня на нашей стороне.

Почему с моего языка сорвались слова о том, что «Бог сегодня на нашей стороне», и сам не знаю. Видимо таким образом подействовало на меня общение с Иваном.

Еле живое от спиртного «тело» рычит мне в ответ:

– И сатана. Уе-е-е-е, у-е-е-е!

Фигня-то какая! – Проноситься в моей затуманенной голове. И сразу меркнет праздник. И в душе непонятное гадливое чувство. – Нет! Только тупых клоунадных сатанистов мне не хватало. Весь тост о Боге испортили. Везде лезут со своим дес-металлом и сатаной...

Поворачиваюсь к «телу». Оказывается «оно» не одно. «Тело», чтобы оно не рухнуло, держит ещё какой-то косоглазый. С виду совсем не металлист. И почти трезвый.

– Без сатаны никак, – развивает реплику «тела» косоглазый.

– Если вдруг на земле исчезнет зло, то как тогда определить, что есть добро?... Правильно, добро без зла невозможно. Так же и Бог без сатаны невозможен... Death.

Косоглазый протягивает мне потную, вялую ладонь. Я не сразу и сообразил, что он так знакомится.

– Всё относительно, чувак, – продолжает Death. – Можно служить Богу, можно сатане. Я служу сатане. Сейчас его время на земле. Время разрушать.

– А он-то хоть знает, что ты ему служишь? – Мне жаль косоглазого. Какой его облом ждет. Нет, не перевариваю доморощенных сатанистов. Они тупые. Весь их сатанизм – это

просто мода, кич, дань тяжёлому року. Не больше. И никакой философии нет у наших провинциальных сатанистов. А мистика – сплошная американская бутафория все эти их дурацкие вампиры, могилы, мертвецы и прочая банальщина. Нет, не люблю сатанистов. Но, все братья-сестры. Что делать...

– ...Сатана всё знает. Это не немощный Бог христиан. – Death продолжает гудеть над ухом, как назойливый комар. – Приходи 15 марта ко мне домой. Я телевидение, журналюг приглашаю.

Это интересней. Спрашиваю:

– По какому случаю пресса?

– Я «Третий Завет» пишу. От сатаны. Там всё объясняется.

Ну, почему мы так хреново живём. И прочее. Журналисты хотели бы репортаж сделать на эту тему. Приходи. Не пожалеешь. Будет море водки.

Косоглазый даёт мне мятую бумажку с адресом и телефоном. Встряхивает «тело».

– Рашен водка, водка дай. Дьявол водка, водка дай, – рычит сквозь забытье «тело».

– Пойдём, – говорит Death «телу». – В гримёрке пару часов полежишь. Отойдёшь.

Парочка удаляется. Я брезгливо вытираю ладонь. Жаль, что Ивана не было. Вместе бы мы нашли, как этого придурка опустить. Ладно, все люди – братья. Одно скажу, долбанутый на всю голову, этот Death...

Дальше в памяти некоторый провал, затем, следующая яркая «картинка»:

Второй этаж ДК. Зал бальных танцев. В зале фуршет для избранной части народа. Музыкантов. (Событие, по всей видимости, происходит уже после концерта). Столы ломятся от водки и лимонада «Буратино». А вот с закуской плохо. Совсем плохо. Тощие бутерброды съели с ходу. Дальше водка запивается лимонадом. Шум. Гам. Вдруг мне делается плохо. Подкатывается тошнота. Тело слабеет. Сердце словно в пустоту проваливается. Отчаянно стучит. На мгновение обостряются звуки. И запахи. Пахнет невыносимо блевотиной. Пахнет перегаром. Табаком. Травой. Звуки приобретают резкий,

металлический оттенок. Кажется, что толпа вокруг не говорит, а стонет, или рычит с металлическим оттенком в голосе. В воздухе обрывки фраз. Телячий восторг. Вязкая пустота. На мгновение приходит смутная мысль, что так будет в специальном аду, для неформалов. (Тошнота, блевотина, перегар с травой, пустой телячий восторг). Это длится секунды. Тошнота постепенно откатывается. Унимается сердцебиение. Становится даже хорошо.

«Переутомился и перепил немного», – говорю я себе с оптимизмом. Вижу: в углу человек на гитаре играет. На человеке длинная белая копна волос. Рваные джинсы. Рваная куртка с нашивкой «Гр.Об.». Рваные кеды. Вот, думаю, настоящий панк, «системщик»!

Подхожу.

– Летова играем?

«Системщик» поворачивает ко мне своё лицо, узкое и худое. С маленьким носом и огромным открытым лбом. Благодаря такому лбу копна волос кажется париком. А лицо – чуть зловещим, отталкивающим. «Системщик» в доску пьян.

– Чувак! – Орёт он мне, – сыграй «Русское поле экспериментов»!

– Аккордов не знаю, – говорю я.

– Я покажу, – «Системщик» икает, склоняется над гитарой.

– Слушай, если ты аккорды знаешь, ты и сыграй.

«Системщик» обиженно пыхтит:

– Я бас-гитарист. Витамин. Я не играю на акустике.

– А что ты сейчас делаешь? – я разочарован. Странный тип, проблемы на ровном месте создаёт.

– Это, – Витамин морщинит свой огромный лоб, – это мои сублимации. Чувак, сыграй «Русское поле экспериментов»! – «Системщик» близок к истерике. Держу в руках гитару. Перебираю в уме, что бы ему из Летова сыграть. Только не «Русское поле экспериментов». Параллельно думаю, как бы вежливо откланяться и ненавязчиво «свалить».

«Спасение» приходит неожиданно. На моем затуманенном алкоголем «тусовочном горизонте» появляются девушки. Точнее, две девушки. Одна черная. Черные волосы, черная

кожаная куртка. Худенькая. Другая, напротив, светленькая. Пополнее черненькой.

Лица девушек плывут. У «черненькой» черные, ведьмовские глаза и круглое, симпатичное лицо. У «светленькой» лицо узкое и худое, как у меня, и огромные голубые глаза.

– Слушай, выйдем в коридор, – «черненькая» без лишних церемоний хлопает меня по плечу, – нам тебя спросить нужно.

– Выйдем, – отвечаю я.

С облегчением отдаю гитару Витамину. Мы выходим. Я приятно польщён. Девушки на нашей провинциальной тусовке на вес золота. Что им взять с нас; бесперспективных?

– У тебя Янка Дягилева есть? – Спрашивает меня «светленькая».

– Есть, – гордо отвечаю я. – А вам, что, Дягилева нравится?

– Да, – отрезает «черненькая».

Я делаю изумлённое лицо. Отпускаю пространный комплимент, мол, какие продвинутые «тётки»! Никто из прекрасной половины человечества в нашей провинции не интересуется сибирской волной. Депрессивной русской струёй. Панк-роком.

Меня жестоко «обламывают».

– Все бабы дуры, – говорит «светленькая» и смотрит на меня большими невинными глазами.

– Самокритично, – выдыхаю я.

– А мы себя, может, не причисляем к женщинам, – продолжает «светленькая»

– Может, мы в женских телах условно, – перебивает её «черненькая».

– Может мы, в прошлой жизни были запорожскими казаками... Шутка. – Ставит точку «светленькая».

Мне нечего добавить. Даю им свой телефон и адрес. Девушки уходят... А у меня опять провал в памяти.

Евангелие

Праздник закончился у Ивана дома. Только я этого не помню. (У Ивана ещё самогон пили). Помню только, как бас-гитарист «Редкой Религии» упал между сортиром и ванной комнатой. Облевался. А барабанщик его за ногу ухватил и на кухню приволок. Дальше пить. Иван просто ухахатывался.

Безумные ребята! Весело!

* * *

Голова раскалывается. Ужасно плохо. Тошнит. Надо меньше пить! Что же мы так травим себя? Сволочи!

Я в собственной квартире. На полу. В верхней одежде. В ботинках. Праздник кончился.

К вечеру с трудом пришёл в себя. В голове обрывки мыслей. Во рту тошнотворный привкус. Праздники дорого стоят.

На полу, где я валялся, пакет с книгами. Наверное, Иван дал. Так и есть: «Новый Завет», канонический, издано какими-то Гедеоновыми братьями; «Краткое Евангелие» Льва Толстого. Совсем такая детская книжка. В книжке записка:

«Прочти эту книгу в первую очередь. Ты вчера нёс нам про Гитлера. Про то, что всё относительно. Добро и зло. И Гитлер в каком-то высшем смысле был прав, уничтожая жидов и дегенератов. Таких, как нынешние правители. Может эта книга тебя убедит в обратном. Потом поговорим.

Товарищ «Никто».

Ладно. Поговорим. Я ему записками отвечу.

* * *

Евангелие пока читать не начал. Не хватает «внутреннего толчка».

Жара

Духота невыносимая. Тридцать девять в тени (а может и все сорок). Чувствую себя в городе как в раскалённом каменном мешке. Кто мог, уехал на дачу или на море. А мне ехать некуда.

Пытаюсь продолжить записки. Но что-то пишется не очень. Зато читается хорошо. Читаю Федора Михайловича Достоевского. «Братья Карамазовы». Гениальное произведение! Читаю роман и на время забываю про духоту.

Иван Карамазов мне близок. Алёша Карамазов мне мил. Мил, потому что кроток. Своей кротостью Алёша будит во мне недобитого «непротивленца». И старший брат, пьяница, мне понятен. По-русски понятен. Но ближе всех ко мне Иван, брат средний. Только я бы иначе вопрос поставил, на месте Ивана: не мира Божьего я не приемлю, а не могу поверить в то, что зло, в мире совершаемое, санкционировано свыше Богом, по Его воле, по Его попущению. Идея, что «зло – есть гнев Божий» мне глубоко противна. Ну не могу я Бога в образе карающего-милующего вселенского прокурора представлять. Не могу и точка!

Федор Михайлович бы меня понял. Христос в его гениальном «Великом инквизиторе», воистину, сама Всепрощающая Любовь, Бог! С каким смирением Сын Божий слушает дерзкую речь великого инквизитора. И не проклиняет, хотя инквизитор, втайне, именно этого и ждёт. Но Сын Божий, вместо того, чтобы отправить инквизитора в вечный ад, целует его в «бескровные девяностолетние уста». Вот это Бог! Как жалок, как смешон, по сравнению с Ним, булгаковский Иешуа Га-Ноцри....

Голова кружится. Жарко.

* * *

Четкое ощущение безысходности. Вокруг уже не торжество, а апофеоз жлобизма. Смердяков теперь герой нашего времени. На тусовке новый анекдот. Некий чувак, по кличке «Пропеллер», собрался в Америку. Его спрашивают, что ты там делать-то будешь, ты ж ничего не умеешь? Он удивляется:

– Как шо? Жвачки жевать буду, колу пить. Вы шо! Это ж Америка. В натуре.

Тусовка гниёт изнутри. На тусовке всё больше мажоров. Фирменных мальчиков. Им по-фиг всё и вся.

* * *

Духотища. Бредовые сны. Недавно снилась бабка-националистка из общаги. Бабка намазывала на бутерброд с салом «москалей». Хотела намазать и меня. Но я убежал. Потом меня поймали какие-то люди, выходцы с Западной Украины. Я кричал, я умолял, я доказывал этим людям, что имею право жить на Украине. Я рассказывал им про своего деда и про то, что моя фамилия не Булычев, а Шевченко. Слава Богу, что это только сон!

У меня на работе разговоры на тему «москали съели моё сало» постепенно сошли на нет. Все были убеждены – отделимся от Москвы и заживём. Зажили: полупустые прилавки магазинов. Вместо нормальных денег какие-то отрезные купоны. Чертыхаясь, кассирши режут ножницами «ценную» бумагу. По «ящику» прикалывается Хазанов: «Господа, эту реальность выбрали мы сами».

Депрессия

Видел страшного черного человека. Человек был необычайно грязный, худой, и от него воняло. Двигался он как зомби: от одного мусорного бака к другому. Прохожие старались не замечать страшного человека. И я прошел мимо. Как все. И я превращаюсь в жлоба.

Витамин говорит, что я видел бомжа. Не знаю. Ни с чем подобным я раньше не встречался. Страшный человек долго стоял у меня перед глазами.

* * *

Иван исчез. Ещё в конце августа. А я узнаю об этом только сейчас, в конце октября. Я ловлю себя на мысли, что мне ни холодно, ни горячо оттого, что он исчез. Последнее время я с Иваном виделся редко. При встречах мы всё спорили. Иван вёл себя как религиозный фанатик. А я доказывал Ивану, что Бог Библии, точнее, Бог Ветхого Завета, – это диктатор Вселенной.

Вот Христос (здесь я цитировал Костю Кинчева), – это хороший Бог. Я его люблю. А Он меня почему-то нет. Грустно.

Непротивление злу насилием – полная фигня. В лучшем случае, недостижимый идеал. Что же касается Библии, так там и не пахнет непротивлением. Вот, Иван, так и не доказал мне почему евреи, верующие в благого Бога Библии, с абсолютно невыносимой жестокостью вырезали всё население Палестины.

Да, плохо я с Иваном расстался. Теперь он, наверное, в горах Памира. А я здесь. У каждого свой суицид. Может, мне вечерний город ближе и дороже Бога Библии? Как у Блока: «...нет исхода из вьюг, и погибнуть мне весело..» Хочется крикнуть на весь мир и так, чтобы могучим эхом прошло по пыльным закоулкам голубого шарика:

– Пошли вы все на...Не лезьте в мой рок-н-ролл. Панки, хой!!!

«Роза Мира»

Конец света

Вокруг холодная и сырая зима. Зима никогда не кончится. Кажется, время остановилось. Ничего не происходит, ничего не меняется и не изменится никогда.

Недавно в журнале «Контркультура» прочитал про конец света. Так вот, он уже наступил. Конец света. Вот почему ничего не происходит и не меняется. Конец света может длиться тысячу лет. Это ничего не меняет. Живой творческий дух (Дух Божий) уже покинул землю. Яркие творческие личности с планеты срочно эвакуируются: кто с собой кончает, кто спивается, кто, как Иван, в горы.

Завидую Ивану. Жив ли он там ещё? Или давно Богу душу отдал? Эвакуировался с планеты. А я? Покончить с собой – кишка тонка. Уйти в леса тоже не могу. А что могу? Ныть могу:

– Это конец света, конец света, конец света!

* * *

Вру я всё! Вру сам себе. Основная причина моей затянувшейся депрессии – несчастная любовь к светленькой Яне.

Да, пожалуй, так и есть – несчастная любовь. А потом уже конец света и прочие идеи.

Яна

Моё общение с Яной началось после первых «весенних крокодилов». Девчонки, как и обещали, пришли ко мне в гости. Тогда-то я и разглядел вторую, светленькую. Вернее, как бы заново её увидел. Не красавица, как первая, черненькая, но весьма симпатичная, и главное – чем-то на меня похожа: узкое лицо, голубые глаза, темно-русые волосы. Даже чуть сутулится, как я. Среднего роста и телосложения. Весьма приятных женственных форм. В общем, интересная.

С первого же нашего общения я почувствовал в Яне родственную душу. Она – светлая язычница. Пишет неплохие песни. Что-то среднее между Башлачёвым и «Калиновым

мостом». Говорит о буддизме. Не так заумно, как крымская Таня, но интересно. Про тибетских лам мне рассказывала. Рассказывала, как медитацией занималась. Ложилась на диван и представляла как тело постепенно заливает темная вода. От ног к голове. Видела Кинчева в астрале. Кинчев скакал на коне. Спасался от преследовавшей его толпы.

Яна – человек начитанный. Но не книжный, как крымчанка. Характер у неё импульсивный, взрывной. Ещё в первое наше общение Яна показала мне свои ладони, сплошь усеянные мелкими, ломаными линиями:

– Загадка для хиромантов, – гордо сказала Яна. – По их мнению, я должна быть истеричкой, ходячим неврозом.

В другой раз Яна закатала рукав спортивной кофты. На тыльной стороне левой руки, немного не доходя до локтевого сгиба, я увидел целую цепочку шрамов:

– Следы порезов, – сказала Яна. – Когда мне было лет 15, пыталась покончить с собой. Потом ещё с болью экспериментировала. Глупая была. Помню, ещё ходила по самым злачным местам города.

– Это ещё зачем? – говорю я.

– Зачем, зачем! Хотела не сама, а чтобы кто-то убил.

– Не убили?

– Как видишь, – смеётся Яна.

– И долго это у тебя продолжалось?

– Мне исполнилось 16. Я услышала группу «Наутилус» и «Алису». И всё: появился смысл жизни, и я стала писать стихи. Потом поехала в Питер учиться. Но в Питере вообще круто было. Там я с буддизмом познакомилась.

С Питера Яна вернулась со своей лучшей подругой. Черненькой Ирой. Девчонки повели себя перед местной тусовкой столь высокомерно и отстранённо, что вскоре по тусовке пошел слух: «тётки, того, лесбиянки кажись». Яна с Ирой ничего не имели против того, что они «кажись лесбиянки». Даже напротив, всячески это подчёркивали. Но я-то знал: это совсем не так.

Постепенно я влюбился в Яну. Влюбился «по уши», прямо как школьник. В начале октября прошлого года решил, наконец, признаться ей в любви.

Дело было на берегу реки в тёплый осенний день. Слова, поначалу, выдавливались с трудом. Но потом меня «понесло». Помню, наговорил кучу всего. Мол, я тебя люблю, мне с тобой очень хорошо, это очень глубокое чувство, не секс, выходи за меня замуж, мы созданы друг для друга, мы родственные души и т.п. Она очень внимательно меня выслушала. Помолчала чуть и говорит ровным, спокойным, каким-то механическим голосом:

– Извини, ничего у нас не выйдет.

Ответ был как удар грома. Мир сразу стал ватным. Пустым. Тело обмякло. В ушах противный шум.

– Почему? – Только и смог пискнуть я.

– Потому что я не хочу быть с тобой, – с садистской откровенностью ответила Яна. И добавила, испугавшись, видимо, моего бледного вида, – ты не расстраивайся. Ты найдёшь себе человека лучше меня. Не расстраивайся. А мы будем друзьями.

«Друзьями» – горько подумал я. – «Сыт я по горло этой мнимой дружбой между мужчиной и женщиной».

Вечером этого же дня со мной случился припадок одержимости. В «доску» пьяный я бегал по берегу речки. Что-то истошно вопил. Матерился, как последний гопник. От меня шарахались здоровенные мужики, удившие рыбу. На следующий день было смертельно стыдно. Стыдно за своё нелепое признание в любви. За своё поведение. Всё – подумал я. – Всё! К Яне больше ни ногой. И что же. Уже через неделю был у неё в гостях! Моя любовь к Яне не умерла. Она наоборот окрепла! Приобрела страдальческий ореол. Это расплата за моё легкомысленное отношение к противоположному полу – размышлял я. – За то, что уходил от серьёзных отношений с дамами. Чересчур ценил свою мнимую рок-н-рольную свободу. Ничего. Она поймёт – она моя «вторая половина».

Последние месяцы нахожусь в фазе депрессии. Последние полторы недели даже не звоню ей. Но это я виноват. Полторы недели назад были вторые «весенние крокодилы». Я пьяный

наговорил ей кучу гадостей. Но сегодня с утра почувствовал внезапный прилив сил. Решил все-таки позвонить. Предлог нашёлся быстро: попрошу-ка я у Яны «Розу Мира» почитать.

«Роза Мира».

Книга Даниила Андреева взорвала мой маленький рок-н-рольный мирок. Начало книги далось с некоторым трудом. Размышление Андреева об опасности третьей мировой войны показалось даже старомодным. «Какая третья мировая, если Советского Союза больше нет»? Но дальше книга пошла как по маслу. Было такое ощущение, будто всё это я уже смутно знал. Но не мог выразить в таких словах. Двадцать четыре года я провёл в тесной и душной комнате материализма. И вот вырвался в ослепительный простор Шаданакара (это слово очаровало меня с ходу, в нем слышалось нечто индуистское и нечто всеобъемлюще человеческое). «Боже мой, какое многомерное, многослойное разнообразие жизни, какая насыщенность и полнота - В доме Отца Моего обителей много!»

Разрешился мой проклятый «карамазовский вопрос». «Бог – абсолютно благ. Абсолютно!» – Утверждает «Роза Мира».

«Богу ложно и кощунственно приписывать злые законы мира. Законы возмездия и смерти». Да, особенно вечные муки за временную жизнь. Всё это «творчество Великого Мучителя». Дьявола. Именно бесы хотят вечно мучить.

На многие вещи смотрю новыми глазами. То, что я считал белым, стало черным. И наоборот. Я восторгался «ницшеанскими типами». «Свободными сверхчеловеками». (За исключением фразочки: «Бог умер»). А по Андрееву, Ницше был носителем тёмной миссии. Да и что есть «сверхчеловек»? Вот, например, Цеппелин. Поклонник Ницше. Отпустил «бюргеровскую» бородку. Принял надменное выражение лица. Всех ненавидит. Кончил дружбой с сатанистом Death-ом. Теперь разглагольствует о Гитлере. Как я когда-то. Но даже самому смертельному врагу не стоит желать посмертной судьбы

Гитлера. К тому же Гитлер, по Андрееву, кандидат-неудачник в антихристы.

Я ратовал за освобождение от комплексов. Но по «Розе» именно нарушение нравственных общепринятых принципов приводит в действие закон кармы. Закон, кстати, демонический. И демонические сущности его контролируют. А Таня из Крыма, помню, мне доказывала, что, мол, карма – естественный космический закон.

Теперь о белом. О Православии.

Никогда против Православия не был. Но и ничего о нём толком не знал. С каких высот изливается духовность на Церковь – это отдельный разговор. Здесь, по Андрееву, и Небесная Россия (Святая Русь) и Небесный Иерусалим и наивысочайшие сферы Богоматери и Христа. С другой стороны, прими князь Владимир католичество, и не было бы сверхнарода российского с его планетарной миссией. Суть миссии я понял так: в России Небесной должна родиться Звента-Свентана, личностное воплощение Софии Премудрой, женской ипостаси Троицы. Тогда в России земной затеплится огонёк Розы Мира. Всемирной «Церкви Итога». «Роза Мира» объединит все христианские церкви. Со всеми же религиями светлой направленности (ислам, буддизм, индуизм, иудаизм), будет заключено нечто вроде «светлой унии». Задача «Розы Мира» проста – спасение как можно большего числа душ перед грядущим приходом антихриста...

От депрессии давно и следа не осталось. Жизнь обрела новый, ослепительный смысл. Я человек «Розы Мира».

Переборщил с Христианством

Оказывается, Яна толком не читала «Розу Мира». Разве что главу об антихристе. Увы, Яна осталась верна язычеству, буддизму, рок-н-роллу. А в последнее время увлеклась ещё и Карлосом Кастанедой. Я удивлён.

– Яна, ты такой мистический человек, – говорю я, – неужели не понимаешь, что в Кастанеде нет понятия добра и зла. А если этого понятия нет – это магия.

– Ну и что? – Отвечает Яна. Смотрит на меня прищуренным взглядом. Снизу вверх.

– Тебе не понять, – продолжает Яна. – Ты мужчина. У тебя воображение не так ярко развито. Больше логическое мышление... Понимаешь, я могу закрыть глаза и представить себя, например, оленем в тайге. Вплоть до того, что запахи трав начну ощущать. Андреев же всё о глобальных вещах пишет. Всё это далеко от земли. Метаистория, иерархии. И вообще. Эта его терминология. Можно же всё это было по-русски назвать.

– Ну, не знаю, – пожимаю я плечами. – Я как-то об этом не думал. Мне терминология «Розы» далась легко...

Нет. Яна не человек «Розы Мира». Да, я её по-прежнему люблю. Но теперь мои чувства к ней гораздо спокойней, без нервных припадков, депрессии.

Второй облом. Витамин. И у него есть книга. На днях купил её у него, за набор струн и литровую банку вина «Приморское». С ним же вместе вино и выпили. В «витаминовской» «Розе Мира» я нашёл листочек бумаги. На листочке, тесным рядком, были выписаны непонятные слова из словаря в конце книги.

– Что это? – Спрашиваю я.

– А, это, – ухмыляется Витамин. – Это я армию косил.

– ?!

– Чувак, за мной военкомат уже три года охотится. Ну, я и подумал, вызовут меня, я приду и расскажу им про историю Шаданакара, уицраоров, Планетарный Логос и прочию муру. Хе-хе. Меня и, того, на дурочку. Армию «закошу».

Грустно. Впрочем, что с Витамина взять? Витамин, он и в Африке Витамин.

Ещё видел крымскую Таню. И Таня с «Розой Мира» знакома. Листала. Говорит:

– Андреев молодчина. Такую метафизическую систему создать. Столько угадать. Самому! Без помощи учителей. Без

посвящения. Без мистической практики. Да, Андреев молодчина!

Таня заговорчески смотрит мне в глаза, – я тебе ещё советую Блаватскую с Рерихами почитать. Особенно письма махатм.

– «Тайную Доктрину» что ли? И «Агни-Йогу»? – Уточняю я.

– Именно, – радостно говорит Таня, – на порядок выше уровень, чем у Андреева. Андрееву были даны знание на планетарном уровне, Блаватской же и Рерихам, особенно Рерихам, на уровне Солнечной системы. Понимаешь, Андреев так и не смог до конца преодолеть некоторые aberrации средневекового сознания.

– Чего?

– Пардон, – отвечает Таня и снисходительно улыбается, – сейчас поясню. Имеется в виду материалистический характер страданий в аду, черти, игвы и прочая инквизиция. Отсталые представления о добре и зле.

– Меня это то же поначалу покорило, – говорю я. – Но ответь мне; с какой это стати демоны, создавшие ад и питающиеся страданием несчастных, в ад угодивших, должны руководствоваться нашими гуманными настройками?

– Глупенький, – смеётся Таня, – никак не можешь понять: ад находится здесь и только здесь.

С этими словами она легонько стучит указательным пальцем правой руки по моему лбу. Общаться дальше мне расхотелось.

Да, порой Таня говорит удивительные вещи. Возможно даже, что обладает неведомым мне эзотерическим знанием. Но я ей не верю. Потому что почти то же самое говорит сатанист Death. Андреев, мол, «переборщил с христианством».

На тусовке странное отношение к «Розе». Где-то человек пять наших имеют эту книгу. Но серьёзно никто над ней не работал. Спрашиваешь:

– Как тебе «Роза Мира»?

– О, да, чувак...

Начинаешь подробней «Розу» обсуждать, сразу кислые физиономии. И повторяют вслед за Death-ом:

– Знаешь, Андреев переборщил с христианством. То ли дело... Карлос Кастанеда. А Андрей Кутерьма (ярый поклонник Кастанеды) вообще сказал, что «Андрееву до Кастанеды, как московской улитке до Пекина». Но это, типа, юмор.

Настоящий демократ

Яна всё-таки решила ехать в Сибирь. Витамин подбивает к ней «клинья». Просит Яну с собой его взять.

– Ты будешь в таёжной избушке жить, а я буду тебе дрова рубить, – говорит Витамин.

Я спокоен. Никуда он не поедет. Он дрова колоть не умеет.

Витамин был и остаётся моим другом. Однако вынужден заключить о нём следующее: Витамин склонен к мертвой мистике – магии. А магия абсолютно утилитарна и корыстна по самой своей сути. Говорю так не потому, что Витамин собирается на биоэнергетические курсы поступать. Нет. Сам склад мышления у него магический. Он всех подозревает, всех стебёт. Всех считает тайными коммунистами.

Я спокоен. Перечитываю «Розу Мира». На жизнь стараюсь смотреть светлым взглядом. Трагические отношения с Яной воспринимаю как карму за прошлые грехи. Недавно говорю ей:

– Яна, если нам не суждено быть вместе здесь, в земной жизни, верю, что будем вместе там, в России Небесной. Если, конечно, будет угодно Всевышнему.

Яна очень мило улыбается и отвечает:

– Вадим, ты настоящий демократ. Ты, наверное, свою будущую жену куда угодно отпускать будешь. Хоть автостопом по трассе.

Да, – думаю я. – Человек «Розы Мира» должен быть, в какой-то мере и демократом. В самом высшем смысле этого слова.

Опять возле «Украины»

Ослепительное утро! Брожу по центру города. Зашел в книжный магазин. Есть «Агни-Йога» в нескольких толстых томах. Дорого. Не купил. «Тайной Доктрины» нет. Зато есть те самые письма махатм Елене Рерих. Небольшая такая книжица. И стоит недорого. Всего 12500 купонов. Купил не задумываясь.

Иду к гостинице «Украина». Довольный. Надо бы обмыть покупку. Ноги сами меня несут под «Украину». В кафетерий. Больше просто идти некуда.

Показалось массивное сталинское здание гостиницы. И «вечный» городской пустырь сбоку. Пустырь всё так же обнесен низким щитовым забором. Только забор этот покосился и в нём понаделали дыр. Сквозь дыры виднеется одинокий строительный вагончик. По виду совсем необитаемый. Метрах в пятидесяти от него экскаватор. Как какое-то исполинское чудище. Вокруг вагончика и экскаватора высятся горы выкопанной земли. Там, в центре пустыря, должен быть чудовищный котлован. В ярких лучах солнца перепаханный пустырь кажется фантасмагорией. Инопланетным пейзажем. На фоне пустыря любят фотографироваться поклонники тяжелой психоделической музыки. Любители попеть о Конце Света. С чем только не сравнивают пустырь. На мой взгляд, самое лучшее сравнение дал Витамин. Он называет пустырь, а точнее, сам котлован, городским чистилищем. Да, похоже. Очень похоже! У Андреева есть описание верхнего чистилищного слоя. Там гигантские котлованы. В котлованах бараки. Несчастливые души, обитающие в бараках, лишены сновидений и осмысленного, творческого труда. Например, что-нибудь строят, а потом разбирают. Потом опять строят. Потом опять разбирают.

Строительство американского супер-магазина заморозилось. По каким причинам, Бог весть. Вероятно, ещё сильна в головах городских чиновников «совковая» ментальность.

Пересекаю проспект Ленина. Огибаю парадный вход в гостиницу. Иду к фанерному силуэту запорожского казака. Спускаюсь под

«Украину». Та же разбитая дверь. В кафетерии на удивление малоллюдно. То ли народ пить перестал, то ли в такую погоду предпочитают пить на природе. Осматриваюсь. Больше года я здесь не был. Атмосфера, вроде бы, прежняя. Только стены теперь сплошь завешены плакатами. Пока продавщица цедит мне в бокал пиво, разглядываю плакаты: футболисты, футболисты, опять футболисты. Реклама заграничного пива. На плакатах старушка Европа. Счастливые упитанные бургеры. Пиво в запотевших ледяных бутылках. На соседней стене постер группы «Кармен». Рядом Филипп Киркоров. И опять футболисты, футболисты, футболисты...

Беру пиво и иду за свой любимый столик. Под окошком. И здесь плакаты: один футболист, одна запотевшая бутылка импортного пива, президент Украины Кравчук. За портретом президента следуют плакаты на политическую тему. Вот два президента Кравчука сидят в одной лодке. Спиной друг к другу. С вёслами в руках. Лодка посередине разломана голубым лучом. Надпись на плакате: «Україна – європейська країна, і не розриваючи зв'язку на Сході, вона торуватиме шлях до Європи». Если я правильно понял, Украина идёт в Европу, не разрывая связей с Россией. Вот уж брехня! Родственники в России пишут нам реже и реже. Связи уже оборваны! Мы хохлы, они – москали. И главное, инициатива разделения и ненависти между русскими и украинцами исходит сверху, от националистического правительства в Киеве. Вот так-то!

Ещё один плакатик. Что-то вроде комсомольской агитки. Пестрят фотки молодых людей на киевском майдане. Август. Год 1991-й. Молодые люди сидят, едят, спят, стоят и протестуют, Держат в руках транспарантки: «Скажем Союзу нет», «Союз – это новый Карабах, Баку, Тбилиси, Литва».

Последний плакат самый интересный. Сказочный старик с огромной белой бородой. Сверху надпись: «М.С.Грушевський – перший президент України, обраний 29 квітня 1918 року.» Как следует из плаката, история «незалежной» Украины начинается с 1918-го года.

С Грушевского. На следующий год после Октябрьской революции. Странно. Видно большевикам не до Украины было. В любом случае – молодое государство. И по «Розе Мира», помню, у Украины юный дух народоводитель. Вот только одно «но» – перевозжу взгляд с Грушевского на кусочек весеннего неба за пыльным стеклом – там, в небесах, Украина – часть России Небесной, Святой Руси. И там сейчас Гоголь и Достоевский. И Тарас Григорьевич Шевченко там. Андреев немало удивился, но ему было четко сказано «друзьями сердца»: Шевченко в Небесной России. А вот о Грушевском Андреев не писал ничего... Нет. Ничего не писал.

Снова Иван

Кто-то хлопает меня по плечу. «Гопники», – молниеносно проносится в голове. Медленно оборачиваюсь и не верю своим глазам. Иван! Жив-здоров. Заметно похудел, но всё так же весел и бодр. Так же настороженно смотрит на мир. В общем, Иван и всё тут.

– Где бы ещё встретились, – смеётся Иван.

– А, ты, стало быть, спустился с гор?

– А я там был? – Вопросом на вопрос отвечает Иван.

Спыхватывается:

– Ах, да, ты ж ничего не знаешь, братишка.

– Ну, дак, расскажешь, буду знать.

– Да, ты, понимаешь, – Иван корчит мучительную гримасу на лице, – понимаешь... тут в двух словах... непросто.

– А ты Расскажи в трех-четырёх. В общем, давай, колись!

Рассказ Ивана

Иван рассказал следующее:

В конце июня прошлого года (а не августа, как мне говорили), к Ивану вернулась мать. С очередным сожителем. Это и стало толчком к осуществлению «джайнистского плана». Всё было готово заранее: палатка, сухой спирт и т.д. Два дня Иван не ест, не пьёт. Ночует по знакомым. Взвешивает «за» и «против». А на третий день поста выезжает в Киев. Поздно ночью автобус

приходит в столицу. До рассвета бродит Иван по центру города. Дивится на невиданные в провинции рекламные щиты, на бомжей, лежащих прямо на тротуаре. Утром выезжает в аэропорт. В кармане у Ивана билет до Алма-Аты. И вот тут происходит самое главное:

– ...Это было как сгущение воздуха, – рассказывает Иван, – воздух в автобусе, который нас в аэропорт вез, как бы ожил, наэлектризовался. И вот внутри меня голос: сдай билет и иди в Лавру

– То есть, ты услышал голос?!

– Нет-нет. Не совсем так. То есть, где-то так, но... понимаешь. – Иван, от напряжения, щелкает пальцами, – голос, конечно, был. Но он звучал просто как бы на уровне мысленном. Четкая такая команда: «иди в Киево-Печерскую Лавру». Я думаю: «как же я в Лавру пойду? Я уже пытался раз в Лавру попасть. Не взяли. Полно народа». Что ты думаешь, только я в аэропорт приехал, ко мне парень подбегает: Продай билет до Алма-Аты. «Ну», – думаю, – «всё не просто так. Надо повиноваться голосу...»

Продав билет, Иван возвращается в Киев. Идет в Лавру. Доходит до настоятеля. Что-то сбивчиво ему объясняет. Чудо! Настоятель благословляет Ивана остаться в Лавре послушником. Так заканчивается для Ивана «джайнисткий метод смерти».

– Ну а дальше-то, что? Что ты в Лавре делал?

- В лавре?...Послушание нёс.

- И что за послушание у тебя было?

– Знаешь, сколько в Лавре иностранцев? – спрашивает меня Иван.

– Сколько?

– Везде, брат, везде они. Для иностранцев уже специальные магазины строят. Везде они ходят. Всё снимают, фотографируют; мол, православная экзотика, мол, «рашен крейзи». В самое святое суют свои слепые объективы. Всюду лезут.

– М-да, – процедил я и подумал о Западной бездуховной цивилизации.

Иван продолжает:

– Послушание я нес в дальних пещерах. Там есть такие закрытые коридоры, тупички. Вот. Я должен был охранять их. От любопытных.

– А в пещерах-то, что?

– Как, что? – Удивляется Иван. – Мощи, мощи святых!

– И как они выглядят, – не унимаюсь я.

– Ну, они в саркофагах таких лежат. Рака называется. Лица и тела закрыты, но у некоторых руки видны. Кожа на руках высохшая, пергаментная. То есть тела не гниют, как у обычных людей. Они усыхают. Получаются нетленные мощи. Понимаешь? А некоторые мощи ещё и благоухают.

«Православие – сильная религия», – думаю я. – «Нетленные мощи, пожалуй, второе чудо после трансформы, телесного вознесения с земли».

Иван продолжает:

– Вечером, когда пещеры от туристов закрыли, ко мне послушника одного прислали. Долго мы с ним воск от свечей соскребали. С пола, со стен, с рак. Везде были капельки воска. Отскребли, и на вечернюю службу. В храм. А я еле на ногах стою. Рядом с нами один монах в инвалидной коляске сидел. Непростой такой монах. Может, затворник, может, и старец. Личико у монаха такое маленькое, птичье как будто. А глаза добрые-добрые. Монах говорит:

– Устали, деточки? А вы не стесняйтесь. Прямо на пол садитесь. Садитесь, деточки.

Мы взяли и сели. Нас человек десять было. Послушников. Только сели, мне так хорошо стало, приходит монах. Говорит:

– Братья, надо мебель разгрузить.

Пошли мы мебель разгружать. Тут я чуть веру не потерял. Брат, отродясь такой шикарной мебели не видел. Всё из красного дерева. Всё аккуратненько так сделано, по индивидуальному заказу. А мебель мы грузили в покои митрополита. Да, тут церковная политика. Старого митрополита, Филарета, за что-то анафеме предали. Он съехал. Со дня на день ждут нового митрополита. Владимира. К его приезду мы и грузим мебель. Что-то в роскошные покои, что-то прямо в сад.

Сад выходит на крутой берег Днепра. Весь левобережный Киев, как на ладони. Грузим, я думаю: блин, мы тут как собаки, а здесь такая роскошь. А как же Евангелие: «кто хочет стать господином, стань всем слуга»?

– Потом я опять чуть веру не потерял, – продолжает Иван. – Закончили с мебелью, я отпросился в туалет сходить. Ну, там, умыться, носки постирать. А идти надо было в корпус, где семинаристы обитают. Так вот, брат, захожу я, а там бурса, чистая бурса! Представь себе: толпа юношей, кругом киль-дым. Юноши режутся в карты. У одного уже нос сине-красный. Это ему нос картами набили. Везде западно-украинский говор. Я думаю: «Это будущие, блин, попы?» Ничего себе! Пока я носки свои стирал, ко мне привязались: кто ты такой, чего нам по-русски отвечаешь, чего ты такой бледный, постишься, кто благословил?... Короче, я не стал с ними много говорить. Постирал носки и как можно быстрее оттуда. Прихожу, а мне говорят:

– Брат, там картошку привезли, надо разгрузить.

Пошел я. А там целая, целая машина картошки! В общем, как картошку разгружали: не помню. Был на автопилоте. Только помню, была ночь, когда закончили. Положили нас спать. В каком-то здании. Прямо на полу. Легли. Кто на что. Рано утром подъём. Я еле живой. Только ж заснули, только ж легли! Монах, что нами керует, говорит:

– Идите в ближние пещеры. На литургию.

Приходим. Какая-то монахиня у входа стоит. Спрашивает нас: «чего пришли?» Мы говорим: «На литургию». Она: «литургии не будет, идите в дальние пещеры, там литургия». Идем, как стадо баранов, в дальние пещеры. Приходим. Никакой литургии и в помине нет. Возвращаемся обратно. На литургию, естественно, опаздываем. Монах, над нами старший, говорит:

– Кого вы слушаете, вы меня слушайте, а не первую попавшуюся бабенку. Которая, вдобавок, в прелести.

Отстоял я литургию. Исповедовался. И постится меня благословили. И даже причастили! Так хорошо стало, брат, так хорошо! Силы вернулись. Радость такая. Ну, думаю, попались

бы мне вчерашние семинаристы: кто благословил, кто благословил... да.

Потом послушание. Опять дальние пещеры. Но теперь всё было по-другому. Всё было осмысленно. Напарник мой, с которым мы опять воск от пола отскребали, киевлянином оказался. Представляешь, он в свой законный отпуск у себя на заводе несёт добровольное послушание в Лавре. Вот это вера!

Да, потом был, получается, шестой день моего поста. Опять послушание в дальних пещерах. Приходит самозваная монахиня, та самая, что нас в пещеры отправила. Без облачения, правда. Но, я её узнал. Ходит она со свечкой в руках. Что-то там делает. А во мне такая дикая страсть к ней запылала. Лютая страсть! Ещё немного и сойду с ума. И тут опять воздух сгущается и мысленный голос: «иди, отправь телеграмму другу». Ну, моему бывшему барабанщику. Я пошел и отправил. Вернулся – дамы нет. А на следующий день приехал мой друг. И так же внутренний голос: «поднимись из пещер». Я выхожу, а там мой друг... Ну и всё... Наливай.

– Что, этим кончилось?

– Лавра, да.

– А после Лавры что?

– После Лавры? – говорит Иван.

– После Лавры мы в город гулять пошли.

– И, что, настоятель отпустил?

– Ну, да. Отдал воинский билет, сумки. Мы пошли. Взяли билет на поезд. А поезд только вечером. Ходили по Киеву. А я всё ещё в посте. Не ем, не пью. У меня слабость колоссальная. Помню, опускаю руки в киевские фонтаны, и так хорошо, так хорошо. Ходили, ходили и пошли на порнографический фильм.

– Куда-куда?!

– На фильм с порнографическим содержанием.

– Зачем это?

– Не знаю, просто взяли и пошли. Сами собой.

– Ну ты, блин, экстремал, – говорю я.

– Не знаю, – говорит Иван, – только помню, закрываю глаза, а перед глазами раки с мощами. Кстати, фильм так и не кончился.

Лента раз порвалась, потом ещё раз, потом ещё. Наконец, выходит дама и говорит: «Извините, кина не будет».

– Дак, из-за тебя что ли, фильм оборвался?!

– Не знаю, но что-то произошло. Ну, а потом я домой вернулся. Смотрю: ни матери, ни сожителя. Я с облегчением вздохнул. И вышел с поста. Итого девять дней в посте.

– М-да, – многозначительно говорю я, наблюдая как Иван разливает остатки самогона.

– А ты-то как, – спрашивает Иван, – не спился ещё?

– Не дождётесь, – говорю я.

И вдруг меня «прорывает»:

– Да, Православие сильная религия. Вера наших отцов. Религия нашей земли... Ну и что, что семинаристы, дорогая мебель. Пусть, на сегодня, Православие погрязло в фарисействе и догматизме. Скоро всё изменится. Я верю: за Россией великое будущее. Великое, понимаешь!

– Сомневаюсь, – скептически роняет Иван, – а к чему ты это? При чём здесь Лавра, Православие и будущее России. Какая связь? К чему?!

– Как к чему, – восклицаю я с пьяным жаром, – ты... ты не веришь, как ты можешь не верить в Россию!... ты... ты читал «Розу Мира»?!

– Нет, – простодушно отвечает Иван.

Что такое «Роза Мира», я излагаю Ивану долго и во всех подробностях. Под вторую бутылку. Иван слушает не перебивая. Чуть ли не раскрыв рот. Идём ко мне домой за «Розой». Жалуюсь Ивану на Яну. Мол, я её люблю, а она меня – нет. Вот вчера, например, прекрасно провели время. И все равно, между нами стена. Я её почти физически ощущаю. Она меня не любит. Впрочем, нельзя сказать, что полностью равнодушна. В общем, такая «ботва». Иван советует:

– Расстанься с ней. Она же над тобой просто издевается.

– Ох, да, – говорю я и качаю головой, словно старый раввин.

Работа

Раз в четыре дня хожу на работу. Работаю в охране порта. На работу иду мимо стандартного «совкового» магазина. В магазине – шаром кати. Захожу на рынок. Всё, чего нет в магазине, есть на рынке. Но втридорога. На рынке я покупаю сигареты. Потом, обязательно, прохожу по аллее. Аллея замечательна тремя не загаженными скамейками. И огромными пирамидальными тополями. На скамейки можно нормально, по-человечески, сесть. А это в наше смутное время роскошь.

Пересекаю дорогу, троллейбусную остановку, большой парк, наполовину запущенный. Парк обрывается огромным пустырем. Перехожу через него, как через пустыню. Позади меня город. Белёвые коробки высоток. Справа – лиман. По другую сторону фантастические руины бывшего керамзитного завода. Прямо – стрелы портовых кранов. Вот и проходная порта. Место моей работы.

У меня замечательный начальник. Ключевский Дмитрий Давыдович. Наидобрейший еврей, до удивления безотказный. Росточка Дмитрий Давыдович маленького, телом худенький. И вид у него такой печальный-печальный, как у мультяшного ослика Иа-Иа из Винни-Пуха. Последний месяц Ключевский особенно печален: его покинула жена, сбежала с детьми в Америку. На работе сочувствуют Дмитрию Давыдовичу. Не понимают его только, когда он тяжело вздыхает и говорит:

– Если бы в Израиль сбежала, я б её ещё, может быть, простил. А так, в Америку...

– Да шо она, дура?! – Возражают Ключевскому его подчиненные, – в Америке жизнь о-го-го, всё есть. А шо Израиль?.. Сплошная война с палестинцами.

– Так историческая Родина, ты не понимаешь, – обиженно пыхтит Дмитрий Давыдович и умолкает.

Дмитрий Давыдович – добрейшей души человек. Например, сегодня я забыл купить сигареты, когда утром шел на смену. Звоню по внутреннему телефону Ключевскому:

– Дмитрий Давыдович, тут такое дело, сигареты забыл купить. Вы меня не подмените? Я сбегая за сигаретами. Полчаса туда-обратно.

– Конечно, сходи, – раздаётся в трубке грустный голос начальника караула, – о чем разговор, я за тебя посижу.

Озарение

Иду за сигаретами. Стремительно пересекаю пустырь, потом парк и троллейбусную остановку. Покупаю сигареты, но в порт не иду. Иду к аллее, сажусь на одну из скамеек. Прекрасный солнечный день! Ещё не жарко, ещё небо над головой без белёсой летней дымки. Синее-синее! Настроение в душе совсем нерабочее. В голове – обрывки вчерашней «вечеринки» с Яной. «Ну», думаю, «покурю, и в порт». Мысли как-то сами по себе летят в светлые миры «Розы Мира». Думаю о России Небесной. Представляю Её себе так: ослепительное, лучезарное небо, неподвижно стоящие облака, величественные, насквозь пронизанные светом. Облака белые-белые. И бело-золотой город на вершине холма. Купола храмов. Сказочный благовест разлит в воздухе. Под холмом излучина реки. Над рекой туман, туман сияет, дышит – он живой! Туман – это душа реки.

Представляю как из непостижимого Отчего Лона, из непредставимых просторов Духовной Вселенной нисходит в Святую Русь «Вечная Женственность». Я представляю её в виде солнца. Но Дух, от Бога исходящий, не может быть безликим. В центре солнечного диска постепенно вырисовывается узкий овал женского лица. Это лицо Яны, светлое и чистое. «Небесная» Яна смотрит мне прямо в душу голубыми бездонными озерами глаз. И тут со мной случается нечто, чему я не в состоянии подобрать слова. Случается внезапно. Волна самого настоящего, а не фантазийного блаженства накатывает мне на сердце. Дыхание прерывается. Исчезает гудящий рынок за моей спиной. Троллейбусная остановка. Громада «десятиэтажки». Всё исчезает. Остаётся одна аллея. И океан солнечного света. Свет

мягко струится. Ниспадает с небес на землю. Наполняет душу едва выносимым блаженством.

Ничего подобного никогда не переживал. Очнулся. Так и сижу с нераспечатанной пачкой сигарет в руке. В воздухе тонкий, еле уловимый запах. Кажется, так пахнет в Церкви. Как на крыльях лечу на работу. Что со мной было – не знаю. Одно несомненно – что-то духовное вторглось в мой маленький, материальный мирок.

Извиняюсь перед Ключевским за опоздание. На мои извинения Ключевский машет руками:

– Что ты, что ты. Сколько надо, столько и сходил. Я тут посидел, подумал. Ну, дежурь. А я...

Ключевский зевает, не спеша ковыляет к себе. Смотрю ему вслед. Сгорбленная маленькая фигурка. Идёт, чуть прихрамывая. Умиляюсь, какой замечательный у нас начальник караула!

* * *

Вчера уехали Яна с Ирой. Двинули в Питер к старым знакомым. Оттуда уже в Сибирь. Признаюсь честно – мне ни холодно, ни горячо оттого, что Яна уезжает, уезжает навсегда. Никуда она не денется от меня! Здесь не встретимся, так встретимся там, после смерти. Сейчас же я понял одно – прошлая страничка моей жизни исписана. Всё! Закрыта вместе с отъездом Яны.

Всё у меня теперь будет по-другому. Как, я ещё не знаю. Мечтаю познакомиться с духовными людьми. Мечтаю встретить людей «Розы Мира».

Из миссионерского центра

Михаил

Михаил у нас художник. Роста он чуть ниже среднего. Слегка коренаст. С вечно нечесаной копной волос на голове. Узким овалом лица. Михаил чем-то похож на Джима Морисона. Но совершенно не похож на наших провинциальных «Джим Морисонов». Наши «Морисоны» любят напяливать на себя мрачный образ. Смотрится это комично. Сидит такой «Морисон» весь вечер в какойнибудь компании. Молчит. Вдруг дико смеётся. Начинает вещать: «Я – Бог, ты – Бог, она – Бог. И вообще, главное – это убить кролика внутри себя». Все над ним смеются. Но потом надоедает. Наконец, человека посылают куда подальше. Тогда обиженный гений закатывает истерику. Идёт сводить счёты с жизнью. Все бросаются его успокаивать. Говорят ему, что он умный, хороший и стихи гениальные пишет. «Морисон» доволен: какое-никакое, а признание. Однако, всем своим видом показывает: жизнь и смерть для меня – пустые слова. Свести счёты с жизнью мне так же просто, как муху на оконной раме придавить.

Таковы наши провинциальные «Джимы Морисоны». Актеры, а не нормальные люди. Михаил, может быть, тоже актёр. Но тогда его роль прямо противоположна. Михаил криклив, жизнерадостен, энергичен. Кажется, какая-то особая, своя Вселенная бурлит вокруг него в солнечном водовороте. Тысячи проектов одновременно носятся в воздухе: концерты, вечеринки, дружеские сейшены, выставки для художников и т.д. Всё хочет организовать Михаил. Всех «построить», чтобы ни один «неформал» без дела не шатался.

Познакомился с Михаилом в середине мая у Яны (недели за две до её отъезда в Питер). Помню, как он влетел с грохотом на кухню. Долго жал мне руку. Мы всё выясняли, где могли видеться. Михаил настаивал на том, что мы общались на вторых «весенних крокодилах». Честно сказать – не помню, с кем я там общался. Был преизлиха пьян. Но, чтобы не обидеть Михаила, я сделал вид: как же, помню, виделись, очень хорошо пообщались.

Михаил тут же успокоился и сел к столу пить кофе. Выпив кофе, Михаил стал шумно благодарить хозяйку. Звучало это так:

– Покорнейше благодарю за кофе, прекрасная Яна Владимировна. Просто нет слов: чудесный напиток.

– Ой, спасибо, – сказала Яна и хихикнула.

Михаил поднес правую руку к сердцу и, слегка привстав на стуле, продолжил:

– Прекрасная Яна Владимировна, не откажите ли мне в просьбе отведать ещё чашечку этого прекрасного, обоюдоострого напитка?

Хихикая, Яна ответила:

– Не откажу, Михаил, э-э-э как по батьке Вас?

– Вячеславович, Вячеславович, – ответствовал сияющий Михаил.

Пока Яна ставила кофе, Михаил извлек из пакета что-то большое, аккуратно завернутое в бумагу.

– Вот, – сказал Михаил и сразу стал грустным, – «Журавля» закончил.

– Покажешь? – спросила Яна.

– Конечно, – ответил Михаил и стал разворачивать бумагу. «Журавлём» оказалась картина, писанная на холсте. Холст был аккуратно заправлен в рамку. «Журавль», собственно, – большой темный овал в центре холста. В середине овала телеграфный столб с оборванными проводами. На столбе распята большая птица. Журавль. Вокруг столба безрадостный багрово-коричневый фон – холмики, холмики наподобие барханов в пустыне, какие-то грязные разводы, что-то вроде болота, вдали какое-то мрачное полуобрушенное сооружение.

«Вот оно, чистилище», – подумал я. «А птица, конечно же, символизирует распятую душу... Да, тема картины вопиюще не вяжется с жизнерадостностью автора».

– Ну, как? – спросил нас Михаил и нервно засопел носом.

– Здорово, – сказала Яна. Подумав, добавила:

– Только безрадостно как-то. Слишком депрессивно.

– Вот-вот, – продолжил я. – Прямо душа распятая в чистилище получилась, в образе птицы, журавля.

- Душа в чистилище! – Подхватил Михаил. И осекся:
- Но, ведь, идея чистилищ еретична. Это у католиков. А у православных... мытарства.
- Пусть будут мытарства, – согласился я. – Это же одно и то же.
- Нет, не одно и то же! – взорвался Михаил. Подумав, сказал:
- Слушай, ты меня извини, но тебе надо обязательно с отцом Олегом познакомиться.
- А кто это? – говорю я. Сам думаю, что не зря меня судьба свела с Михаилом. Через него выйду на «духовных» людей.
- Ну, ты даёшь, не знать отца Олега! – Гремит Михаил. – Это же известный батюшка. У него в двадцати км. от города миссионерский центр.
- Он православный? – Осторожно спрашиваю я.
- Ну естественно! – почти кричит Михаил. – Так, вы едете к отцу Олегу?
- Я нет, – отрезает Яна, – я в Сибирь еду.
- Жаль, очень жаль. А ты? – спрашивает меня Михаил.
- А когда ехать? – говорю я.
- Ну, я поеду летом. Может, даже через месяц – отвечает Михаил.
- Хорошо, давай телефонами обменяемся. Я поеду.
- Прекрасно, – говорит Михаил, – прекрасно!

Святое место

9 утра. Я и Михаил покидаем палубу пассажирского катера. Сзади нас безбрежная водная гладь. Лиман плавно переходит в море. По ту сторону, за песчаной косой, ничего, кроме далёких берегов Турции. Даже не по себе.

Спереди большое село. Крутой берег реки. На берегу небольшая церковь.

– Вот и приход отца Олега, – говорит Михаил.

Церковный двор. Михаил крестится. Я тоже крещусь. Михаил говорит:

– Ты неправильно себя крестным знаменем осеняешь. Надо справа налево. А ты слева направо.

- Точно справа налево? – уточняю я.
- Точно, – серьёзно говорит Михаил.
- А, я-то почему-то думал, что креститься надо от сердца, к правой стороне...

Стоим посреди церковного двора. По одну сторону храм, по другую – какое то длинное одноэтажное здание, похожее на барак. Сбоку от «барака» хозяйственная пристройка. Целый дом. Появляется церковная бабуля. Словно из ниоткуда. Платок на голове, лицо красное и злое. Наверное, из-за жары. 9 утра, а уже плюс тридцать в тени.

Приезжает сам отец Олег. Пыхтя, выбирается из «Жигулей». Роста отец Олег среднего, телосложения тучного. Лицо у отца Олега круглое, добродушное. Интеллигентное. Солидная рыжая борода. Волосы рыжевато-русые.

Михаил подсакивает к о. Олегу. Смешно по-утиному кланяется. Батюшка его крестит. Благословляет, значит. Наконец, Михаил представляет меня:

– Вот, батюшка, Вадим. Желает приобщиться к Православной вере.

– Ну, здравствуй, Вадим, – говорит о. Олег и расплывается в улыбке. Я не знаю как себя вести. Почему-то коротко, по-военному, киваю головой.

– Нет желания у Вадима, – продолжает о. Олег и лукаво щурится, – начать приобщение к нашей святой Церкви с маленького послушания? Чуть-чуть на храм Божий потрудиться? У нас тут небольшое строительство.

– Конечно, есть, – отвечает за меня Михаил. Я молча соглашаюсь, кивая головой.

– Замечательно, – говорит о. Олег. Смотрит на часы:

– Я сейчас Игоря с Андреем пришлю. Ну, Михаил, разберётесь. Я в епархию. К вечеру буду. А вы уж до обеда потрудитесь. А потом загорайте, купайтесь, книжки читайте. Приобщайтесь, в общем. А вечером пообщаемся. Ну, с Богом.

Кряхтя о. Олег лезет в машину. Усевшись, вытирает платком лоб.

– Батюшка благословите, – радостно кричит Михаил.

– Бог благословит, – отвечает о. Олег и уезжает.

Приходят Игорь с Андреем, с ног до головы перепачканные цементом.

– Это наши труженики, – шепчет мне на ухо Михаил, – готовятся в монастырь ребята, а сейчас на послушании у батюшки.

Игорь небольшого росточка. Крепкий, жилистый, подвижный. Весь как будто бы из комочков, из сгустков нервной силы. У Игоря пышная кучерявая борода, черные глаза. Андрей, напротив, голубоглазый великан, с окладистой, русой бородой. Бледным, словно из сна взирающим лицом. Весь такой медлительный, бесстрастный, неземной. Андрей больше похож на будущего монаха, чем Игорь.

– Спаси, Господи, – говорит Игорь.

– Спаси, Господи, – отвечает Михаил.

По мирской привычке жму перепачканные цементом руки тружеников.

Андрей тих и немногословен. Игорь резок, но тоже немногословен. Переходим сразу к делу и выясняется, что дел-то особых и нет. Со слов Игоря, на объекте утром кончился цемент. Андрей сегодня идёт в сельсовет по этому вопросу. Так что делать сегодня нечего. Ну, разве что яму за сараем выкопать. Батюшка давно просит.

Идём копать яму. Разговорчивый Михаил представляет меня Игорю как рок-н-рольщика. Я уточняю:

– Рок-н-рольщика на перепутье. Может уже и бывшего рок-н-рольщика... Кто знает.

– Почему так? – спрашивает Игорь и хитро щурится.

– Потому как тот стиль, в котором я играл, меня сейчас полностью не устраивает.

– Панк-рок, – корректирует меня Михаил.

– Но совсем бросать творчество не собираюсь, – продолжаю я, – хотелось бы, конечно, что-то светлое записать.

– В общем, у тебя середина на половину, – говорит Игорь.

– Как это? – спрашиваю я.

– Как-как, ты же не собираешься рок свой бросать, хотя и понимаешь сатанинскую тьму рока. Вот, говоришь, хотелось бы, что-то светлое записать. Брат, возможно ли в роке светлое, Божье?

– Возможно, Игорь, возможно, – отвечает вместо меня Михаил.

– Не обольщайся Михаил. Впрочем, со временем сам поймешь, что весь рок от дьявола. Когда церковным человеком станешь.

– Категорически не согласен, – эмоционально возражает Михаил, – да, не считаю себя воцерковленным, но никогда не соглашусь с утверждением, что весь рок от сатаны. У того же Гребенщикова есть песни о Боге.

– Да, ложка меда в бочке с дёгтем. – Игорь обводит нас суровыми, черными глазами:

– Я шире скажу: всё искусство от сатаны! В лучшем случае, от человеческого тщеславия и суетного ума.

– А Достоевский, а Лесков, что у батюшки на книжной полке стоят, тоже, по-твоему, от сатаны?! – Кричит Михаил.

– погоди, не кипятись, – говорит Игорь тихим, но очень жестким голосом, – вспомни лучше наш прошлый разговор. Искусству сродни слово искусственный. Это раз. Ещё, словечко это близко к слову искушать. Это два. А, Михаил, слово-то само за себя говорит. А ты говоришь: «Не соглашусь никогда».

Михаил с силой втыкает лопату в землю. Хочет веско возразить, но не находит сразу слов.

– Вот и Башлачёв тоже считал, что искусство сродни искусственному, – вклиниваюсь я в спор, – потому свои песни называл не искусством, а естеством.

– Кто такой Башлачёв? – спрашивает меня Игорь.

– Гениальная личность, – говорю я. – Поэт в полном смысле слова был. Правильней рок-поэт. Писал гениальные, просто гениальные песни!

– А почему был? – интересуется Игорь.

Тут я опрометчиво выдаю:

– А, да он с собой покончил. В 88-ом из окна выпрыгнул. Думал, телом разобьётся, а душой улетит с грешной земли.

– Что я говорил?! – Гремит Игорь, – что я говорил, а, Михаил? Вот живой пример того, куда ваш рок ведёт! Это надо, до чего бесы человека довели. Полетит. Ага. Как же. Вверх тормашками. Прямо в ад. К чертям на сковородку.

– Игорь, что ты несёшь, прости Господи! – Кричит Михаил, – нет в аду никаких сковородок!

– Может и ада, по-твоему, нет? – Спокойно вопрошает Игорь. – Греши, сколько хочешь. Ничего не будет.

Всё. У Михаила лопнуло терпение.

– Я не говорил, что ада нет, – обиженно роняет Михаил. Отправляется быстрым шагом курить. Я иду за ним. Почти бегу. В голове вертится строка из песни Башлачёва: «нету Рая, нету ада, никуда теперь не надо». За воротами Церкви Михаил стремительно остывает. Закуриваем.

– Зря я о Башлачёве сказал, – говорю я.

– А-а-а, – машет рукой Михаил, – Игорь тоже, по-своему, прав. А я разнервничался, раскричался. Дурак.

– В каком смысле прав?

– Игорь судит как будущий монах. Как аскет. С аскетической точки зрения искусство, естественно, помеха на пути к Богу. Зачем монаху Достоевский? Достоевский нужен тому, кто ещё только двигается, только начал движение к Богу. А монах читать романы Достоевского не будет...

«Да, к мирскому искусству в Церкви не очень хорошо относятся», – размышляю я, прокручивая в голове слова Игоря. – Только теперь начинаю понимать, чем меня взяла «Роза Мира». Оправданием творческого начала. Одним словом, есть Пушкин, а есть Серафим Саровский. Оба полюса, по Андрееву, бесценны.

Возвращаемся. Михаил просит Игоря простить его за резкость. Игорь просит прощения у Михаила. Михаил с Игорем обнимаются. Умилительная сцена.

Молча копаем яму. До обеда.

Обед. Короткая молитва на церковнославянском. Вроде бы понятно, и в то же время не совсем понятно, о чем молитва. Обильная трапеза. Постная, но очень обильная. Дома я так не ем. Напились с Михаилом горячего чая. Жара под сорок. Пот с нас

течёт ручьями. Не знаем, куда себя деть. Идём на речку. С Андреем. Андрей рассказывает нам своим грустным голосом, как через Гребенщикова пришёл в Церковь. Михаил толкает меня в бок:

– Видишь, Игорь был не прав.

Я приобдряюсь. Есть среди православных люди рок-н-ролла. Искупались. Сидим на берегу. Метрах в пятидесяти от нас загорает весёлая компания. Несколько сельских парней и какая-то бабёнка. Все пьяные (и это в такую жару). Трёхэтажный мат вперемежку с «суржиком». Гогот.

– Ох, ох, ох, – вздыхает Андрей, – последние времена...

Вечером приезжает о. Олег. Идем к о. Олегу в гости. Батюшка живет в полукилометре от Церкви. В здоровенном двухэтажном доме. Во дворе дома куча ребятишек. Двор просторный. В другом конце двора что-то ещё и строят грандиозное. Какой-то дом. Да, батюшка крепко пустил корни. Располагаемся на летней кухне. Приносят огромный пузатый самовар. Идиллия. 19-й век. Кажется, время остановилось. Остановилось в хорошем смысле слова. Чайная церемония. Во главе стола батюшка. Рядом его супруга. Матушка, значит. Потом старший сын. Игорь с Андреем. И я с Михаилом.

– Ну, как приобщение к Церкви. Нравится у нас? – спрашивает меня о. Олег.

– Угу, – киваю я головой, – жарко только.

– Да-а, – философски тянет о. Олег, вытирая пот со лба.

– Поработали?

– Батюшка, яму почти выкопали за сараем, – бойко отвечает Игорь, чуть привстав и наклонившись вперёд всем корпусом.

– Цемент закончился на объекте, – грустно говорит Андрей, – Степаныч разводит руками, говорит, что ничем пока помочь не может. Вот если б недельку подождать, говорит.

– А-а-а, – машет рукой о. Олег, – разберёмся. С Божьей помощью.

И снова ко мне обращается:

– Покушали?

Киваю головой.

– И на речку сходили?

Киваю головой.

– Первый раз оно, конечно, непривычно, – задумчиво говорит о. Олег. – А как у нас с молитвой?

С молитвой у меня плохо. Говорю:

– Не молюсь, не знаю молитв.

– Надо, надо навыкать к молитве! – Вдохновенно говорит батюшка. – Молитва должна стать как дыхание. Только с молитвой откроется полнота Православия. А без молитвы всё у нас противоречиями да средневековыми предрассудками кажется. Поэтому надо, надо молиться!

«Молитва, как дыхание», – думаю я. «Что-то из области медитации. Да, духовная практика важна. Батюшка прав».

– Вы крещены? – спрашивает меня о. Олег.

– Да, крещён, но в Церкви после крещения не разу не был.

– Почему? – допытывается батюшка.

– Понимаете, крестился я в очень несознательном состоянии... после службы в армии... вообще не серьёзно отнесся к своему крещению.

– Понимаю, – говорит батюшка, – дань моде.

– Именно, – приободряюсь я, – четыре года назад это было. В России ещё я жил. Все вокруг крестились, и я решил: «покрещусь-ка на всякий случай». Пошел и покрестился, вместе с другом. Естественно, из обряда ничего не понял, помню только, что в Церкви очень хорошо пахло свечами и ладаном.

– Значит, вы ничего не знаете о Церкви? – вопрошает батюшка.

Я пожимаю плечами. Идиотски улыбаюсь. Батюшка начинает рассказывать о таинствах Православной Церкви. Говорит долго, путано. Я перестаю понимать, о чем он говорит. Потом Игорь что-то спрашивает по поводу изгнания бесов. Оказывается, есть такая практика в монастырях. Но батюшка вопрос Игоря игнорирует. Батюшка отвечает Михаилу. Михаил спрашивал, как ему, православному, понимать мироточение статуй Богородицы на Западной Украине. Батюшка что-то говорит о полуправославной, полукатолической вере «западняков». И заключает:

– Пускай они там себе мироточат. Полнота истины все равно у нас.

Хочу спросить, что думает о. Олег по поводу «Розы Мира». Но язык словно к гортани присох. А ну, как сейчас батюшка рассмеётся и скажет: «Дерьмо, твоя «Роза». От бесов. Полнота истины у нас». Спрашиваю о НЛЮ.

– Инопланетяне – это бесы, – говорит о. Олег.

Согласен. У Андреева – это игвы. То есть те же бесы.

Михаил спрашивает:

– Может ли сатана творить миры?

Батюшка отвечает:

– Не может.

В высшем, транцидентном смысле о. Олег прав, – думаю я. Но на планетарном уровне, православные, кажется, недооценивают силы зла. Есть целые миры и цивилизации зла. Да, творить, в смысле, как Бог творит, сатана не может. А вот захватывать и переделывать Божье творение, превращать миры в ад, может.

Стемнело. Собираемся с Михаилом в дорогу. Батюшка нас, поначалу, отпускать не хочет. «Куда вы, на ночь глядя. Катера может не быть». Но, в конце концов, благословляет. Просто не знает, что мы идем в город пешком. Так бы не благословил. Игорь дает мне в дорогу книгу иеромонаха Серафима Роуза «Жизнь после смерти». Спасибо ему. Михаил выклянчивает у батюшки Флоренского. Что-то об иконах.

Ну, вот и всё. Вышли на пустынную трассу. Идем в сторону города. Вокруг непроницаемая южная ночь. Душная и безлунная. Всё земное в кромешной мгле. Трасса угадывается по слабым темным контурам лесопосадки, по краям дороги. Зато разверзлись небеса. Над нами ярчайший шатер звёзд. Отчетливо виден Млечный Путь. Меня посещает восторженное, философское настроение.

– ...Батюшка говорит, что Роуз принадлежит к консервативному крылу Церкви, – рассказывает мне Михаил.

– А сам батюшка? – спрашиваю я.

– Вроде бы, либерал, – отвечает Михаил, подумав.

– Это хорошо, – говорю я. – Наверное, за либеральным крылом будущее русского Православия.

– Наверное, – соглашается Михаил. А из меня уже лезет «Роза Мира». Меня несёт. Говорю вдохновенно. Гораздо вдохновеннее, чем у Ивана на кухне. Михаил подозрительно молчит. Он не читал «Розу», но об Андрееве слышал. Слышал, от Андрея, что якобы был архиерейский собор, где обсуждали «Розу Мира». Андреев был признан сумасшедшим.

– То есть, попросту, от него отмахнулись, – говорю я, – ведь, если автор «Розы» сумасшедший, то и смысл его труд обсуждать... Да, согласен, не всё у Андреева совпадает с Православием. Но зачем же отмахиваться от человека. Сумасшедший... Вот оно, консервативное крыло! Вот они, Серафимы Роузы. Ничего не хотят менять.

– Менять что? – сонно спрашивает Михаил.

– Устаревшие догмы и положения в Церкви.

– Зачем? – тревожно спрашивает Михаил.

– Чтобы Православие стало доступней современному человеку. Это раз. Два, наступает новая религиозная эпоха. Эпоха объединения светлых религий. Перед приходом антихриста. И Православие, как религия наиболее строго хранящая Христа, должна занять достойное место в грядущей «Религии Итога»...

Михаил испуганно на меня смотрит. Но ничего не говорит. Молчим. Усталость наваливается на нас. Идем уже очень долго, а спасительных огней города всё нет.

В город входим утром. Без слов расстаёмся. Спать.

Проснувшись вечером, листаю Роуза. Суровый мужик. Действительно, консерватор. «Духовный опыт только в Церкви... Спасение только в Православии... Духовный опыт вне Православия на 99,9% от бесов!» Получается, всё, что вне Церкви, от бесов. Представляю себе «картинку» – миллиарды китайцев, индусов, мусульман, иудеев, католиков, буддистов, синтоистов идут в ад. Толпами! Нет. Нужно время, чтобы такой ужас осмыслить. А так, поездкой доволен. Записываю в свою тетрадку: «Теперь у меня есть святое место».

Вопрос Витамина

Прошло три недели, и мы снова засобирались в миссионерский центр к о. Олегу. На этот раз едем втроем: я, Михаил и Витамин.

По приезду замечаю, что Игорь с Андреем как-то косо на меня поглядывают. Возвращаю Роуза Игорю. Игорь сочувственно улыбается. Даёт другую книгу Роуза:

– Это книга откроет тебе глаза, – говорит Игорь. Книга называется «Православие и религия будущего».

– Спасибо, – говорю я и пожимаю плечами. Ничего не понимаю, на что мне должна открыть глаза «эта книга». Но догадываюсь. «Шестым чувством» чую: виновато моё пристрастие к «Розе Мира». И точно! Подходит ко мне Андрей, грустно улыбается и говорит:

– В городе есть секта «Розы Мира». Человек двадцать, не больше. Теперь они с сатанинским «Белым Братством» вступили в переговоры. Будут соединяться. Вот так-то, брат, увлечение «Розой Мира» до чего доводит. – Андрей грустно вздыхает.

В моей душе клубок противоречивых чувств и мыслей. С одной стороны, благодарен за то, что сообщили важную для меня информацию. В городе есть люди «Розы Мира»! Есть! Но с другой стороны, как возможно соединение с «Белыми Братьями»? Нет. Никогда не поверю! Если это так, то это не люди «Розы Мира». Андрей что-то путает. Или попросту меня пугает. Чувствую себя «опущенным» еретиком. Прокаженным. На меня смотрят как на больного. Все! Игорь, Андрей и даже Михаил. Да, и даже Михаил. Все, кроме Витамина. Но почему православные так категорически отвергают духовность вне стен Церкви? Почему?! Неужели все неправославные идут в ад?!

Подходит Михаил. Хлопает меня по плечу:

– Не обижаешься? Это я про «Розу Мира» сказал.

– Нет, – говорю я. Жалко улыбаюсь.

Приезжает о. Олег. С ним ещё один поп. Ещё толще о. Олега. Огромный просто. На весь церковный двор несётся его низкий, трубный голос.

– Диакон с города. Из собора. Друг о. Олега. О. Борис, – шепчет мне на уxo Михаил.

– О, сегодня нас больше – говорит о. Олег и улыбается. Благословляет.

– И как же нас зовут? – обращается о. Олег к Витамину.

– Ярослав, – говорит Витамин и переминается с ноги на ногу.

– Желаете приобщиться к Церкви? – спрашивает о. Олег.

Витамин начинает говорить о сублимациях своего сознания. О. Олег слушает сочувственно. Наконец Михаил, не выдержав, перебивает Витамин:

– Желает, батюшка, желает. Иначе б здесь не был.

– Сублимации сублимациями, – гудит подошедший о. Борис, – а с духовной жаждой лучше не шутить.

– Ну, что ж, – потирает руки о. Олег, – духовную жажду надо утолить. Не желаете чуть-чуть на храм Божий потрудиться? У нас тут небольшое строительство.

Михаил отвечает утвердительно. За всех.

– Прекрасно, – говорит о. Олег, – что у нас сегодня?

– Батюшка, яму докопать бы надо, – говорит Игорь.

Идём копать яму.

Витамин тараторит без умолка. Копают и говорят. Копают и говорят. В ушах от него уже звенит. Вдруг замолкает. С облегчением вздыхаем. Минут пятнадцать блаженная тишина. И тут Витамин выдаёт:

– У меня, к вам, отцы, вопросик.

– Ну, – недружелюбно тянет Игорь.

– Будут ли святые счастливы в раю, зная прекрасно о вечных муках грешников в аду? – говорит Витамин с ехидной улыбкой на лице.

– Ну, ты даёшь, Ярослав, – выдыхает Михаил, – почти в рифму вопрос.

Андрей задумчиво смотрит ввысь. Игорь сбивчиво отвечает. Что-то, вроде:

– На всё Воля Божья... нам знать не дано... подобные вопросы от греховной страстности ума... надо о собственном спасении помышлять...

– Нет, вы мне, любезные отцы, ответьте, – не умирается Витамин, – будут ли святые счастливы, зная о муках грешников?

Игорь разводит руками:

– Что за постановка вопроса, от лукавого вопрос.

– От лукавого?! – злобно вопит Витамин, – от лукавого!

Какое, блин, человеколюбие у вас здесь!

Тут вязался в спор я. На стороне Витамина.

– Как можно со спокойной совестью мириться с чудовищностью идеи вечных мук?

Что тут началось! Сперва мне ответили, что совесть надо очистить покаянием. А покаяться мне есть в чём. Например, в увлечении «Розой Мира». Потом перекинулись на личность Даниила Андреева. Кричали, что Андреев сумасшедший и книга у него оккультная... В общем, не сложился у нас диалог. И послушание наше расстроилось. И яму опять не выкопали. И на душе у меня скребли кошки.

Днём побывал в библиотеке о. Олега. Нашёл изумительную книгу: «О божественном мраке и Божественных именах», или, «Мистическое богословие» Дионисия Ареопагита. Сразу неприятный осадок с души пропал. Да, что не говори, есть в Православии глубиннейшее эзотерическое знание. То, о чем Дионисий говорит, внешне на буддизм похоже. Но внутренне, буддизм провисает, по сравнению с концепцией «Божественного Мрака». Вот это я понимаю – Православие! Только с концепцией зла по Дионисию не согласен. Зло не может быть только недостатком добра! И тем более не может быть таким гармоничным завершением Вселенной! Зло – это активная богоборческая сила, всё наглее вторгающаяся в наш бранный мир. Зло – нарушение Божественного плана бытия... Ну да ладно, меня испортил Даниил Андреев.

Витамин зовёт покурить. Неугомонный. Только выходим за ворота церковные Витамин тут же сигарету в зубы. А вслед за нами, как специально, бабуля выходит. Та самая. С красным лицом. Увидела сигарету в зубах Витамина, как понесла: мол, мы сюда не спастись приехали, а сатане угождать. И пойдем в пекло, вместе с бесовским дымом. Лепечем извинения. Витамин

всё прикладывает руки к сердцу. Ретируемся, как можно быстрее, в сторону лесопосадки. Лесопосадка метрах в ста от Церкви. Конечно, сами виноваты, что закурили не там где надо. И все равно, на душе опять небольшой горький осадок.

Вечер. Торжественный самовар. О. Олег и о. Борис. Степенная беседа о пользе поста. Витамин ехидно хихикает. Толкает меня в бок. До меня доходит: разговор о посте как-то не вяжется с тучным обликом батюшек. С этого Витамин и хихикает. Сволочь, однако. Нахихикавшись, задаёт снова свой коронный вопрос:

– Будут ли святые счастливы в раю, зная о вечных муках грешников?

Игорь давится чаем. На ухо ему что-то шепчет Михаил. Все трое (Михаил, Игорь и Андрей) недружелюбно смотрят на Витамина. А тому только этого и надо. Витамин испытывает наслаждение оттого, что ставит своими вопросами в тупик. Заставляет себя ненавидеть. Вот и батюшек, кажется, своим вопросом немного врасплох застал. Минуту, две длится тишина. Наконец, о. Олег отвечает. Начинает издалека. Мол, большинство Святых Отцов и учителей Церкви под вечными муками понимали не столько печи, сковородки и котлы со смолой, сколько саму богооставленность грешника. То состояние, что он выбрал добровольно. Сам. Ад – место, где нет Бога. Грешник хоть и мучим бесами, но в аду он как бы в своей среде, той среде, к которой он свою душу предуготовил уже здесь, на земле. В среде своего греха, которым он тайно услаждался в земной жизни. А вот явление небесного света для него подлинная мука. Божественный свет нестерпимо жжёт грешника. Ибо выявляет его безобразный вид. Его ненависть к Богу. Так что стоит ли грешника в рай переселять? Если ему плохо от Божественной Любви.

– М-да – растерянно тянет Витамин. Спаси как не бывало. Логические построения Витамина дали сбой. У меня же от картины, нарисованной о. Олегом двойственное чувство. Более красивой и гуманной концепции, оправдывающей муки вечные, слышать не доводилось. Действительно, зачем печи и

сковородки. Если просто тоска и томление духа. Ну и плохая компания бесов. Сиди себе в аду с одной мыслью: только бы Бог не пришёл, только бы Бог не пришёл... Нет. Жуткая концепция. Получается, по ту сторону жизни и смерти напрочь отсутствует движение. В раю те, кто успел покаяться в земной жизни. В аду же те, кто это сделать не успел. И так вечно, вечно, вечно. Ничего изменить нельзя. Не успел покаяться, до свидания. Пошёл в ад.

Ум кипит во мне. Не согласен!!! Очень хочу поспорить с батюшками. Как циник Витамин. И не могу. Не могу! Вот, что значит тайный непротивленец. Толстовец. А попросту, малодушный человек. Пусть не по-моему, но «мир, дружба, жвачка».

А Витамин не сдаётся:

– А святые? – севшим голосом спрашивает он.

– Что, святые, – говорит о. Олег, – святые денно и нощно молят Господа о помиловании всех грешников.

– Ну, это сейчас молят, – не унимается Витамин, – а потом. После Страшного Суда. Когда одни в вечное блаженство пойдут, а другие, в вечную муку. Что же святые, в своем вечном блаженстве, напрочь позабудут про грешную часть человечества. И с легким, хе-хе, подчеркиваю, легким сердцем предадутся небесному счастью?

Смутно вспомнилась не то виданная, не то читанная где-то католическая картинка. Вверху блаженствуют святые. Внизу жарят грешников. Один святой стоит на самом краю облака и с непостижимой, загадочной улыбкой созерцает пытки грешников. Жуть!

– Праздный вопрос, – гремит о. Борис.

– Это почему? – обижается Витамин.

– Почему, почему? – о. Борис блеснит стеклышками очков, – потому, дорогой, что есть в мире вещи, которые нам, нашим падшим умом не постичь. Давай, сперва, поработаем на спасение наше. Очистим наш больной, падший ум смирением. Бог даст, спасёмся, там увидим. Конечны или бесконечны муки. И что святые в раю делают. И вообще, что оно такое, милосердие

Божье? И есть ли у него границы. И как оно проявляется по отношению к грешникам в аду? Всё узнаем. Со временем. Но не здесь.

Витамин присмирел. Задумчиво качает ногой. Вздыхает и говорит:

– Да, не ограничивай милосердия Божьего.

– Вот-вот, – подхватывает о. Олег...

Уезжаем вечерним катером. Вдвоем. Без Михаила. Михаил провожает нас на пристань. Ждем катер, и вдруг Михаил мне говорит:

– Теперь ты понял ошибку Андреева?

– То есть?

– Ну, как ты не понимаешь, изобразив жуткие муки, материалистический характер страданий в аду, Андреев вынужден был прийти к идеи временности адских мук. К мысли о спасения всех. А то, слишком уж жуткая картинка получается.

– Ну, не знаю, – говорю я, – мне представляется наоборот. Совесть православных интеллектуалов не может смириться с чудовищностью вечных мук. Вот и придумывают, мол, грешники, в аду, в своей среде, а в раю им плохо.

– Дак, что тебе не нравится?

– Всё не нравится.

– Еретик, – вздыхает Михаил.

Подходит катер.

– Иди, спасайся, – говорит Михаилу Витамин, – а нам в обитель греха пора. В город.

– Еретики, – ещё раз вздыхает Михаил и заключает нас в крепкие объятия.

Садимся в катер. На душе опять хорошо. Рад за Михаила. На «еретики» не обижаюсь. Ибо сказано было с любовью. Даже душу согрело. И отцы теперь с теплотой вспоминаются. Надо будет обязательно приехать сюда. Ещё и ещё раз. Хотя, отцы так на вопрос Витамина и не ответили. Ну да ладно. Главное, сам Витамин непривычно спокоен и тих. Задумчиво качает ногой.

Кутерьма крестился!

Удивительная история. Видел на проспекте Ленина Андрея Кутерьму. Слегка пьяного. В руках Андрея была бутылка пива, почти допитая. И рубашка у него была расстегнута. А на груди в лучах заходящего солнца вызывающе горел нательный крестик...

– Крестился, – с ходу заявляет Кутерьма. От удивления не знаю, что сказать. Ярый поклонник Кастанеды крестился!

– Крестился благодаря орлу. Можно так выразиться. Странно звучит, понимаю, – Андрей делает «затяжной» глоток из бутылки, смеётся.

– Какому орлу? – я удивлённо хлопаю глазами.

– Кастанедовскому – отвечает Андрей с брезгливой гримасой на лице.

– А, что, Кастанеда разве про орлов писал?!

– Эх, мужик, – Андрей снисходительно смотрит на меня, – не про орлов, про орла... По Кастанеде, чтобы спастись, надо убежать от орла, обмануть его. Обычно, если человек умирает, его жизненную суть, ну, то есть, душу, этаким мифический вселенский орел пожирает. И всё... человека нет, никакой посмертной судьбы, ха-ха!

– Мрачная перспектива, – говорю я, – что-то из жизни насекомых.

– А язычество, вообще, штука мрачная. Особенно неоязычество... Жизнь насекомых, ха-ха.

– Ну, да, – говорю я, – по «Розе Мира» насекомые не имеют индивидуальной души, у них души коллективные. Например, отдельно взятая муха – это некий сгусток энергии. Не больше. Если муху прихлопнуть, то никакого посмертия она знать не будет. Сгусток энергии выйдет из раздавленной телесной оболочки и вольётся в коллективную мушиную душу. Можно сказать, что муха будет пожрана этакой большой вселенской мухой. И всё. Почти по Кастанеде

– Нет, не всё, – Кутерьма кидает пустую пивную бутылку в мусорный бак, бутылка глухо звякает. – Не в орле дело, дело вот в чем: для того, чтобы орла обмануть, нужно воскреснуть. Воскреснуть, понимаешь! – Кутерьма взволнованно разводит в разные стороны руки и слегка машет ими, как кастанедовский

орел. – Ну, у Кастанеды, понимаешь, прямо нет этого слова – воскреснуть. Ну, примерно это подразумевается. То есть, чтобы орла обмануть, надо уйти с Земли вместе с телом, забрать тело с собой в посмертие, то есть, не умереть вообще! А это и есть – воскреснуть!

Андрей вдруг «остывает», задумчиво смотрит на свои ладони.

– Ну да, воскреснуть, – соглашаюсь я и нетерпеливо спрашиваю:

– Но, а ты-то сам, как крестился? Что, орла обманул?!

– Ха, орла обманул, но ты даешь, мужик!.. У меня всё прозаично, собственно и рассказывать нечего.

– И всё же?

Андрей застенчиво вздыхает, – да, что рассказывать... у Кастанеды всё полной мутью кончается, то есть, ясно: никто не воскрес. Тогда я стал думать – а кто вообще воскрес? Ну и естественно, первое, что мне на ум пришло – Христос воскрес! Потом я узнал ещё, что Богоматерь когда умерла, то тоже не нашли Её тела. И апостол Иоанн Богослов, тоже тела его не нашли. То есть, они тоже воскресли. Ну, опять, мужик, всё с Христом связано. А вот кто бы воскрес вне христианства – никого не вспомнил. Нет таких! Тибетские ламы не в счёт, они перевоплощаются, а не воскресают. Тогда я решил, что в христианстве должны быть какие-то особые практики, ну, или тайные там ордена монашеские, где практикуется уход с Земли вместе с телом, то есть воскресение. А тут как раз Витамин подвернулся, поехали, говорит к отцу Олегу, в миссионерский центр. Я и решил, поеду, спрошу там людей про эти особые практики...

Андрей опять задумчиво смотрит на свои ладони.

– Ну, что дальше? – нетерпеливо спрашиваю я

– Что, ну! Дальше известно. Приезжаем с Витамином к отцу Олегу, а там праздник, Успение Богородицы. Отстояли торжественную службу, мужик, такая благодать! С меня просто все вопросы повывлетали, о чем спрашивать, такая благодать! Всё и так ясно. И полезла с меня вся кастанедовская муть. Вернулся домой и на две недели слёг, чуть ли не воспаление

легких. Пока болел – сны мне нехорошие снились: Дон Хуан верхом на огромном черном псе снился, и змеи какие-то снились и маленькие красные человечки. А один раз просто собаки снились, очень много собак. Они все вокруг меня вертелись, зубами класали, как бы напасть хотели, но какая-то сила им сделать это не давала. Но главное, мужик, не это – запах! Ты бы знал, как от собак жутко разило псиной! Как разило! Проснулся и чуть не блеванул. Фу! Короче, все эти сны, мне как бы через них Господь показывал: вот, мужик, жизнь в Боге, то, что ты чувствовал у отца Олега, а вот жизнь в аду – сны. Выбирай, человеке... Вот... Я и выбрал. Как только выздоровел, поехал к отцу Олегу, сам поехал и крестился. Ты бы видел, как отец Олег рад был!... Вот... Что рассказывать, остальное – гордыня одна.

Андрей вздыхает и извлекает из кармана брюк мятые украинские карбованцы. Пересчитывает. Следует заманчивое предложение, – пойдем по бутылочке пива, отметим моё крещение.

Делаю «фарисейскую мину» на лице, а сам мысленно потираю ладони: отчего бы не выпить пива по случаю такого чудесного события – Кутерьма крестился! Не каждый день такие события бывают!

– Слушай, ты ж крестился, тебе, вроде как, нельзя? Хотя, я не против.

– А-а, – машет рукой Кутерьма, – грешен, понимаю. Ну, да в последний раз. Завтра, все равно, с Витамином едем к отцу Олегу. Будем на строительстве храма работать.

– Хорошее дело, – говорю я. – Только странно, храм же у батюшки есть.

– Не знаю, – говорит Кутерьма и икает. – Сказано: строительство храма...

Искренне рад за Андрея.

Гараж двухэтажный

Едем к о. Олегу. Я и Иван. Интересно посмотреть, как там наши труженики. Витамин и Кутерьма. Приезжаем. Во дворе

Церкви не души. Странно. Растерянно оглядываем церковный двор.

– Пойдём, – говорю Ивану, – в комнатах для паломников посмотрим.

Комнаты находятся в том самом длинном одноэтажном строении. Как барак. Входим. По правую руку кухня. На двери кухни замок. Совсем странно. Где бабуля?!

Слева узкий, полутемный коридор. Иконы по стенам. Массивные полукруглые своды. Всё построено на века. Тяжеловесно. Традиционно. В Воздухе запах лампадного масла. Дверь в одну из комнат, слегка приоткрыта. За дверью кто-то «мучает» гитару. Стучим. Слышится голос Андрея Кутерьмы. Входим и с облегчением вздыхаем – нашлись, нашлись наши «труженики»!

Андрей сидит на какой-то допотопной кровати. В руках гитара. Одна рука, кстати, перебинтована. И вид у Андрея какой-то потерянный. Улыбается что-то там, про себя.

– Где, – спрашиваем, – Витамин?

– А, – машет перебинтованной рукой Андрей, – сбежал. Два дня поработал и сбежал. Тунеядец.

– Чего так?

– Говорит, не может от рассвета до заката камни с цементом ворочать. Физически нездоров. Достал он тут всех своей заумью. Ох, достал!

– А где, кстати, все, – спрашиваю я.

– Да-а, неудачно вы приехали, – тянет Андрей и всё чему-то улыбается. – Батюшка в городе. Будет только поздно вечером. Игорь нас, кажется, покинул. А Андрея батюшка благословил на пару дней домой съездить. Ну а Варвара Григорьевна, свечница наша, у себя, по хозяйству... А меня чуть током не убило, – радостно сообщает Кутерьма. Показывает перебинтованную руку.

– Эко, меня угораздило! На три метра ударом тока отбросило. А руку я об кирпичи повредил. При падении, ха-ха. Ну, ничего. Целый двухэтажный гараж батюшке выложили. Вот сижу, думаю...

– Постой-постой, – перебивает Андрея Иван, – какой гараж, вы разве не на Церковь работали?

– На Церковь, – соглашается Кутерьма, но тут же поправляется, – то есть, на батюшку, конечно.

Я вспоминаю грандиозную стройку во дворе у батюшки. Я-то думал, дом строят. Оказывается, гараж.

– Зачем о. Олегу двухэтажный гараж? – говорю я. Андрей пожимает плечами:

– Вот и я о том же. Зачем? Батюшку и так в селе недолюбливают. Говорят, мол, живёт слишком на широкую ногу. Приход небогатый, а он так хорошо живёт. Понятно, бизнесом занимается. Чего ему в городе с утра до вечера пропадать. А бизнесом заниматься грех священнику. Эх, мужики, хороший человек батюшка наш. Кто б меня ещё в Церковь привёл. Но, вот, любит копеечку. Что здесь поделаешь?

– Бесплатно работали? – спрашивает Иван.

– На шару, – смеётся Андрей. – На Церковь же вроде как.

– Вот видишь, – говорю я Ивану, – как эгрегор Церкви священников во мрак вгоняет. Хороший человек, а копеечку любит.

– Точно-точно, – соглашается Иван, – ещё и ребят, получается, обманул. Они думали Церковь, оказалось гараж.

– Мы добровольно работали, – обижается Андрей. Но его никто не слушает.

– Помнишь, в «Розе Мира», – говорю я Ивану, закатив глаза под потолок, – спор иосифлян и нестяжателей.

– Помню, а что? – спрашивает Иван.

Я продолжаю.

– Побеждают иосифляне, сторонники крупного монастырского землевладения. На мистическом теле Церкви постепенно образуется как бы тёмно-эфирный нарост. Эгрегор, состоящий из житейских попечений о материальном благе. То есть, когда человек во время молитвы к Богу думает о вещах сугубо земных.

– Вот, откуда дух материальной наживы, – заключает Иван.

– Хорошо ещё, – говорю я, – что над Православием эгрегор слабенький. Не как над католичеством. И особенно над иудаизмом...

– Ха-ха-ха, – хохочет Андрей, – но вы, мужики, блин, даёте! Давно я матюгов не слышал. Ха-ха-ха. Какие, на фиг, эгрегоры. Что-то, а эгрегорами я больше не балуюсь. Батюшка тоже...

– Да, ты не понял о чем речь, – говорит Иван. – Эгрегор, что мы имели ввиду...

– Ага, – перебивает Андрей. – Слышал я эти оккультные штучки... Мужики, умоляю, не надо. Давайте я лучше вам песню спою.

– Спой, – говорит Иван. И Андрей поет:

Я хочу фиолетовый дождь,
А мне рисуют бесцветное небо,
Мне говорят о гармонии жизни,
Но я знаю, я знаю – всё это ложь...
Обрывает пение.

– Извините, мужики. Но уже не могу. Не прёт. Мирское. Ого, от поклонника Кастанеды ничего не осталось. Нет больше Кутерьмы. И, слава Богу...

Решили батюшку не ждать. Ехать домой. Не последнюю роль в решении сыграл батюшкин гараж, гараж двухэтажный. Вроде как мелочь. А так нехорошо на душе. Осень на душе. Всё у о. Олега казалось мне если и не святым, то, по крайней мере, иным. Иным, по отношению к жлобскому миру, с его гаражами и «Мерседесами». И тут на тебе.

Батюшка, ну зачем Вам гараж двухэтажный?!

Р.С. Решил вместе с Иваном людей «Розы Мира» искать. Для начала надо узнать адрес той самой общины, которая якобы с «Белыми Братьями» объединяется. Там посмотрим.

Из потаенных комнат

Из бедных и потаенных комнат

– Скажите, пожалуйста, здесь находится «Роза Мира»?

– «Роза Мира»?... Это здесь... А что?

– Понимаете, мы люди «Розы Мира». Тут слышали про вас.

Про общину...

– А-а, вы люди «Розы Мира», – голос женщины заметно теплеет. – Правильно сделали, что решили к нам прийти. Здесь у нас, действительно, «Роза Мира». Вот только собрание не сегодня. Собрание будет послезавтра в шесть вечера. Приходите, обязательно приходите!

– Конечно-конечно, – говорит Иван с ослепительной улыбкой на лице. Женщина, в ответ, тоже улыбается, но как-то неестественно, натянутой «резиновой» улыбкой. Улыбаясь, женщина аккуратно, почти незаметно, затворяет калитку перед нами, мол – аудиенция окончена. Но Иван настойчив.

– Мы, конечно, конечно придём, – говорит Иван, подавшись вперёд всем корпусом и приложив руки к сердцу, – но, поймите нас, хотелось бы предварительно с кемнибудь побеседовать. Понимаете, так интересно, так интересно узнать людей «Розы Мира»... кто у вас тут старший?... с кем тут можно пообщаться?...

Иван заливается соловьём. Минуту, две (красноречие, оказывается, у него неиссякаемо). Женщина слушает внимательно, чуть наклонив голову на бок. Наконец, говорит:

– Одну минуту. Подождите здесь.

Женщина скрывается за дверьми частного дома. Спустя пару минут появляется вновь. Приглашает нас войти. Проходим в комнату. Комната узкая и длинная. Голые стены покрашенные зелёной краской, низкий побеленный потолок, на двух малюсеньких запыленных окошках простенькие ситцевые занавесочки, пожелтевшие от времени. Впечатление такое, будто

мы не в общину «Роза Мира» пришли, а в какую-то бедненькую сельскую хатку, к последним хуторянам.

В конце комнаты небольшой письменный стол с обшарпанными углами и облупленной полировкой. На столе толстая книга в черном кожаном переплёте. На корешке книги надпись большими серебристыми буквами – Библия. Рядом с Библией ваза с какими-то полузасохшими цветами. Над столом, на стене, обращённой к входу, (так, чтобы каждый входящий это видел) большой плакат. Протестантский – это мне известно доподлинно. Ивану такой же самый подарил его бывший барабанщик, ныне пятидесятник. На плакате, как я понимаю, изобразили Второе Пришествие Христа – рушатся небоскрёбы, трескается земля, сталкиваются «лбами» автомобили. Гибнет техногенная цивилизация. Спасаются немногие, небольшая группа людей над городом, на холме. Люди вздымают к небесам руки. Совсем близко к ним, в небесах, Иисус в белых длинных одеждах в окружении ангелов. Ангелы в белом, с крылышками, в руках у них трубы...

Крупный коренастый мужчина появляется в дверях комнаты.

– Приятно видеть людей «Розы Мира», – говорит мужчина.

Бодро подходит к нам, протягивает свою огромную ладонь. Знакомимся. Мужика зовут Николай, он здесь, скорее всего, старший.

Николай хлопает меня и Ивана по плечу. Словно мы с ним старые приятели.

– Присаживайтесь, – Николай показывает нам жестом на скамейку и тут же без всякого вступления объявляет, – я вас ждал.

Ничего себе! Нас ждали ещё до того как мы пришли! Мистика! – проносится в голове. Улыбаюсь как идиот. Иван тоже идиотически улыбается.

Николай грузно опускается на скамейку, между мной и Иваном, говорит:

– Несколько слов о том, куда вы пришли. Наша община называется Евангельская община «Розы Мира». Евангельская, потому что мы верим в Иисуса Христа. Община, потому что в

общине полнее всего осуществляется Дух Небесного Царства. Общинами жили ранние христиане. А «Роза Мира», потому что мы считаем, что в ней полнее всего раскрывается Евангелие. В Библии ясно говорится о новой проповеди Слова Божьего по всему лицу Земли перед приходом антихриста. Так вот, мы считаем, что это и есть «Роза Мира».

Следует минутная пауза. Николай как бы даёт нам время переварить сказанное. Сказано хорошо, слов нет. Только, вот немного смущает слово «Евангельская» в названии общины. Нет, я не против Евангелия, просто с сочетанием слов «Евангельская община» возникает ассоциация чего-то протестантского. У протестантов же тоже есть всякие там Евангельские Церкви и общины. Протестантов я не люблю. В борьбе с иконами и культом святых они убили в себе всю мистику. Дошли до того, что жизнь после смерти стали отрицать. Да, в отличие от православных, протестанты кажутся более подвижными и живыми, более верующими, но они – материалисты. Если есть полюс противоположный «Розе Мира», то это протестанты!

Внимательно разглядываю Николая. Вид у него не из приятных: тяжелая плотьядная челюсть, да ещё с дефектом (при разговоре челюсть чуть перекашивает налево). Широкое мясистое лицо, большой приплюснутый нос, «рабоче-крестьянские» огромные ручки! Очки, правда, придают некоторую интеллигентность. Одет очень бедно, но опрятно... Да, похож на нищего протестантского пастыря, очень похож. Я никогда не видел нищих протестантских пастырей, но если они есть, то, верно, должны выглядеть именно так, как Николай.

– Значит, мы правильно пришли, – нарушает паузу Иван. Нетерпеливо ёрзает на стуле. В лоб спрашивает:

– Вы лидер общины?

– Что Вы, – отвечает Николай с улыбочкой на лице, – я всего лишь пресвитер общины. Да и дело не в этом.

Николай грузно встаёт, подходит к столу, долго грохочет выдвигаемыми ящиками, возвращается к нам с «Розой Мира» в руках.

– Моя задача вести людей на надрелигиозный уровень, – продолжает Николай, – делать из них проповедников «Розы Мира». Естественно, вопрос: почему я? Вот. Послушайте, – Николай неспешно листает книгу, – если вы читали «Розу Мира» вы должны это место хорошо знать. «Слишком долго ждало человечество, что новый голос раздастся с церковных кафедр и амвонов, – читает Николай. – Все существующие вероисповедания оказались способными лишь к сохранению древнего содержания и древних форм. Голос звучит, откуда не ждали, – Николай читает торжественным тоном, – из глубины повседневности, из неизвестных квартир!» – Закрывает книгу и от себя добавляет, – из бедных и потаенных комнат. От людей, не имеющих университетского образования. Оттуда, откуда никто не ждёт.

Серебряные шары

Николай рассказывает нам о себе. Ему 44-е года. Родился в католической семье. Бабка полячка. Мать наполовину полячка. Однако католиком он не стал. Напротив, от насильно навязываемого в детстве католицизма у него теперь неприязнь, ко всякого рода церковным иерархиям и пышным церемониалам. Поэтому подался Николай к баптистам. Потом к пятидесятникам. У пятидесятников в Николае открылся дар слова. До этого был косноязычен. Двух слов связать не мог. И дар говорения на иных языках. О, он мог бы спокойно стать пастором у пятидесятников. Но не стал. У пятидесятников ему было тесно. Его гнал дух экуменизма. И загнал, под конец, на самое дно жизни. Николай перестал ходить по религиозным организациям и крепко запил. Однажды, в пьяной драке ему повредили челюсть, ударили по лицу табуретом. Николая доставили в больницу. Предстояла операция и вот тут случилось

самое главное. На третий день пребывания в больнице, ночью, Николай вышел покурить на больничный балкон. Вышел и остолбенел, отказываясь верить своим глазам: больничный двор был залит интенсивным матовым светом, словно над больницей повесили огромную неоновую лампу. Николай почувствовал эйфорию, легкость во всем теле, радостное изумление. А потом с неба стали спускаться серебряные шары. Сотни, тысячи шаров. Шары тускло светились и кружились вокруг Николая. Дальше Николай ничего не помнил; ничего, кроме голоса, звучащего где-то в глубинах собственного сознания. Голос сказал, что настанет время проповеди новой духовности. Эпоха Святого Духа! Николай будет проповедником новой духовности.

– Иди прямо сейчас, – сказал голос, – не останавливайся. Не будь неразумной женой Лота. Она оглянулась и превратилась в соляной столб. Так и ты – бойся оглянуться назад!

Николай так и сделал. В ту же ночь покинул больницу, перемахнул через больничный забор, как тать. Да, это была ночь его рождения в духе. Свыше. Вот только челюсть срослась неровно. Но это мелочи, – смеётся Николай. – Зато началась Божья работа. Появились люди. Появилась община. Общину поначалу называли «Армия Спасения».

– Название не совсем удачное, – отмечает Николай.

Через год с небольшим, Николай купил в Москве только что вышедшую «Розу Мира». Прочитал и понял: вот то, что нужно. Так и появилась Евангельская община «Роза Мира».

Чего только православные не придумают

Рассказ Николая о серебряных шарах впечатлил не очень. Было бы лучше, если бы к Николаю какой-нибудь ангел спустился. Или какой-нибудь райский мир ему открылся. Серебряные шары, конечно, круто, но слишком уж бездушно, абсурдно и демонично. Что-то из бесовского мира игв. Андреев пишет, что города игв представляют собой здания с голыми геометрическими формами: шары, треугольники,

квадраты...Если бы не пророчество Николаю о наступающей эпохе Святого Духа, я бы определил его видение как демоническое...

Рассказал Николаю о своем духовном переживании в скверике. В прошлом году. Это когда я бегал с работы сигареты покупать. Купив сигареты, сел передохнуть в скверике. И тут Оно случилось...

Николай сразу же квалифицировал моё духовное переживание:

– Это очень хороший духовный знак. На тебя нашёл Дух Святой. Вадим, у тебя все шансы «родится свыше», в духе.

Иван в долгу не остался, поведал Николаю как его в Киево-Печерскую Лавру, прошлым летом, привёл голос Божий. Николай сказал, что Иван был водим Духом Святым, и что он очень близок к «рождению свыше». По поводу же самой Лавры Николай заметил, что там нет благодати. Поэтому Дух Святой и увёл Ивана из Лавры. Благодати же нет потому, что дух материальной наживы слишком силён среди православных.

Невольно вспомнился миссионерский центр о. Олега. Рассказываю Николаю, что об общине впервые услышал там, в миссионерском центре. Правда, мне сказали, что община соединяется с «Белым Братством».

Николай смеется, прикрыв огромной ладонью рот:

– Чего только эти православные не придумают. Объединение общины с «Белым Братством» невозможно...Почему? Да, потому, что мы считаем «Белое Братство» движением сатаны, направленным на дискредитацию идей «Розы Мира». Слышали, – Николай оттопырил огромный указательный палец, – «Братья» на 24-ое ноября объявили Конец Света?...Только никакого Конца Света не будет! «Белые Братья» посрамятся. Тогда и начнётся «Роза Мира».

Кружится голова, как подумая, что уже через два месяца начнется «Роза Мира». Общинка Николая вырастет в общину, потом в Центр «Розы Мира» на Юге Украины, нас признают власти всех уровней, признают широкие людские массы, потом люди «Розы Мира» войдут во власть, в образовательную

систему, потом... Что здесь мечтать! В великое время я родился! Николай определённо начинает мне нравиться.

«Халя-маля»

Пришли на собрание общины. Минут на пять опоздали. Но калитка ещё открыта. Возле калитки стоит мужик в рабочей спецовке, босиком.

– Добрый вечер, – радостно говорит мужик, – входите, пожалуйста. Анатолий.

Знакомимся. Анатолию сорок лет. Он последователь Порфирия Иванова. Заходим вместе с Анатолием в дом, в ту самую комнату, где мы с Николаем в прошлый раз беседовали. Человек десять-двенадцать сидят на скамейках. На мгновение все оборачиваются в нашу сторону.

– Добрый вечер, – говорит Иван. Я киваю головой. В ответ нам то же кивают головами и приветствуют, – добрый вечер. Незаметно появляется Николай. Здравуемся. Николай присаживается на самый краешек скамейки, будто бы он здесь самый последний человек в общине. Но его тут же обступают женщины. Одна, чернявая, с неопределенными и довольно неприятными чертами лица настойчиво умоляет Николая заняться проектом бесплатной раздачи хлеба на городском рынке.

– Да-да, – машет рукой Николай, – обязательно, обязательно сделаем.

«Чернявая» смотрит преданными глазами на Николая. А Николай смотрит на часы:

– Братья и сестры, пора становиться на молитву.

Все, как по команде, встают на колени. Начинается молитва. Каждый молится по-своему и вслух. Разноречивый гомон заполняет комнату. Сквозь какофонию звуков прорываются обрывки фраз: «Господи, веди нас на надрелигиозный уровень... огради нашего пресвитера Николая... вложи в наше сердце...»

Темп молитвенного разногласия всё нарастает. Сливается в сплошной гул. Ощущение будто находишься в центре гигантского пчелиного улья. Или на борту военно-транспортного самолёта. Гул немного давит на мозги, притупляет восприятие окружающего мира. Отчетливо только слышу молитву Николая. Она звучит поверх всех голосов. Николай молится на странном, неземном языке. Да и язык ли это вообще?! Постоянно слышится: «халя-маля, ахаля-маля, гхыр-мыкхыр». – И опять, – «халя маля, ахаля-маля...»

Николай молится на иных языках, – догадываюсь я. – Стрёмная молитва, если честно. Слышал такое раз в жизни. У Ивана дома один пятидесятник так молился. Страшно молился, кричал ещё, что всюду бесы в квартире! И как Николай – «халя-маля, халя-маля». Я тогда ещё подумал: кому нужна такая страшная молитва? Ещё протестанты смеют после этого говорить, про православных: «у них церковно-славянский язык непонятный».

– ... Ахаля-маля, гхыр-мыкхыр, ахаля... – Захлёбывается Николай.

Молитвенный темп ещё нарастает. Кажется, всё уже вокруг гудит, стены, сам воздух. И не просто гудит – вибрирует. Голос у Николая становится тонкий, визгливый. Николай мычит:

– М-м-м , о-о-ом-м-м, м-м-м, о-о-ом-м-м!

Внезапно гул голосов обрывается. Воцаряется пронзительная тишина. «М-м-м» ещё несколько мгновений висит в воздухе. Слышится дружный глубокий вздох, как перед погружением в воду. Община хором читает Евангельскую молитву:

– Отец наш, Отец сущий на небесах...

Прочитав молитву, братья и сестры грузно поднимаются с колен. Переводят дух...

Вот, собственно, и вся духовная практика. Вся реальная мистика. Не впечатлило, как ни старался себя впечатлить. Очень уж протестантов-пятидесятников напоминает. Все эти бубнения на непонятных языках...

Община

За молитвой на иных языках и «Отче Наш» следует долгая проповедь Николая.

Совсем другое дело! Проповедь вполне в духе «Розы Мира». Из проповеди Николая запомнилось следующее:

Закон Моисеев – это фундамент Храма Христа на Земле, Евангелие – это стены Храма Христа, наконец «Роза Мира» – крыша Храма Христа, завершение этого Храма. Аминь!

Христианство, став государственным, запятнало себя грехами власти. Благодать ушла из Церкви и наступила безрелигиозная эпоха. Сейчас, на излёте атеистической эпохи, наступает новая великая эра Благодати Святого Духа! «Роза Мира»! Именно Она должна закончить строительство Храма Христова и показать всему миру, что жизнь в благодати – это жизнь вне закона. Жизнь, когда законы просто не нужны, грешить становится невозможно!!!

Закончив проповедь, Николай спрашивает – нет желающих, выступить?

Выступать никто не хочет. Собрание заканчивается. Люди постепенно расходятся. Но мне и Ивану не терпится ещё пообщаться с Николаем, в узком кругу. Остаёмся. С нами остаются ещё несколько человек. Активисты общины, её костяк. Знакомимся. С Анатолием мы уже, как бы, знакомы. С ним и завязываем разговор. Анатолий всё показывает нам свои пыльные, серые ноги.

– Нет, вы потрогайте, – говорит нам Анатолий, – потрогайте, какие тёплые. Я же и зимой так хожу. И никогда не болею. Нет, вы потрогайте. Потрогайте, какие тёплые!

Что делать? Трогаем ноги Анатолия. Ноги как ноги.

– А после молитвы они ещё и розовые становятся, – продолжает тему ног Анатолий. Весь сияет. – Я ведь, раньше, когда с системой Иванова не был знаком и в Бога не верил, и такой свиньёй жил. Нет, вот вы не поверите, детей своих собственных раз в неделю обязательно порол. А теперь, как в Бога поверил, всех люблю, – Анатолий делает широкий жест

руками, словно желает обнять весь мир, – вот вы не поверите, никому зла не желаю. Никому! Под одним небом живём, на одной земле. И дело не в том, что мы босиком ходим. Вот, Максим Петрович скажет.

Максим Петрович пожилой военный в отставке. Тоже последователь Иванова. У Максима Петровича густые брови. Глаза большие и круглые, как у филина. Максим Петрович внимательно нас разглядывает и говорит:

– Любите землю, по которой ходите. Любишь землю, значит, и людей любишь. Люди-то на земле живут. А больше ничего человеку и не требуется, кроме любви к земле своей... Вот вы, наверное, ищите Бога? – Спрашивает Максим Петрович у Ивана и, не дав Ивану и рта раскрыть, продолжает, – а Бог вокруг нас. Это Природа. Матушка-Земля.

– Одну минуту, уважаемый Максим Петрович, – Николай вздымает вверх огромный указательный палец, – вы с Богом соединяетесь или с природой?

– А что? – Максим Петрович удивленно щурится.

– А то, что если Бог, по-вашему, природа, тогда нам и Евангелие не нужно. Так как в другом, Небесном Царстве нет нужды. Всё здесь. В природе. – Николай прикладывает огромную ладонь к своей груди, – я, конечно, Иванова уважаю. Но не лучше ли сказать: через природу, по Иванову, я соединяюсь с Богом.

– Ну, я и говорю, – вид у Максима Петровича непонимающий. Тема Иванова закрыта.

Знакомимся с супругой Николая. Оказывается, это та самая дама, что встречала нас у ворот общины в наш самый первый приход к Николаю. Супругу зовут Римма. Она почти вдвое его моложе.

– Моя духовная жена, – говорит Николай.

У Риммы холодное лицо. Острые скулы. Стальные глаза и прижатые к черепу маленькие уши. Говорит она мало, если говорит, то коротко и отрывисто. Не женщина, а какая-то немецкая овчарка. Впрочем, о вкусах не спорят.

Расходимся. Обещаем Николаю приходить в общину регулярно. При выходе ещё два знакомства – Константин и Наташа. Столкнулись мы в дверях. Константин выглядит, как интеллигент из советских фильмов: худой, белобрысый, в очках, под мышкой книга. «Тише воды, ниже травы». Застенчиво представляется: «Константин».

Наташа, полная противоположность Константину. Именно она приставала к Николаю с проектом бесплатной раздачи хлеба. Наташа – пучок энергии. Трудно понять, какого она роду-племени. Черные, как смоль, волосы. Светло–серые, со стальной дымкой, глаза. Широкие, монгольские скулы. Да и глаза чуть раскосые. А нос с характерной горбинкой. И тонкий, кричащий рот.

Говорит Наташа быстро. Слова выбрасывает на глубоком, страстном выдохе. И вся движется. Делает жесты руками и головой.

Наташа хватает меня и Ивана под руки. Смеётся. Идём в сторону проспекта Ленина: по бокам я и Иван, посередине Наташа. Константин плетётся сзади и скоро о нём мы забываем. Наташа безостановочно говорит. Расхваливает Николая. Оказывается, всё началось с кружка будущих контактёров. Они искали контакта с Шамбалой. Но тут появился Николай. Поставил всё с ног на голову. Все стали его учениками, потому что Николай – рожденный свыше мудрец. Зашла речь о говорении на иных языках. Я не удержался:

– Смысла никакого в этих «халя-маля» не вижу. Язык же несуществующий. Мертвый. Магией пахнет. А магия корыстна и утилитарна по самой своей...

Наташа ставит мне подножку. Так неожиданно. Едва не падаю «фейсом в асфальт». И упал бы, если б Иван меня не поддержал за руку.

Наташа хохочет и легонько тычет пальцами под мои ребра.

– Возможно, тебе будет дан дар мудрости, – говорит Наташа со стальным блеском в глазах. И снова смеётся. – Приходите к нам ещё. Николай ваши души давно ждет. – Наташа хватает меня за руку. Выдыхает в лицо, – придёте?

– Придём, – говорю я, – только подножки мне больше не ставь.

– Так мне дух открыл, – говорит Наташа...

Едем с Иваном в троллейбусе.

– По-моему, она к тебе равнодушна, – говорит Иван.

– Не в моём вкусе, – устало отвечаю я. Говорить мне не хочется. Думать тоже не хочется. Спать хочется. Слишком много впечатлений за сегодняшний день. Устал. Безмерно устал.

«Демократия в опасности»

На следующее собрание к Николаю, хоть и обещал, не пошёл. Победили меня мирские страсти. Напился, как «свинтус». Предлог для пьянки нашёлся – в России неспокойно.

Всё началось с утреннего звонка Цеппелина.

– Вешайся! – Это первое, что он мне сказал.

– Не понял, – говорю, – Цеппелин, ты... это у тебя вместо здарсьте?

– Узнал... богатым будешь. Слушай, тут, тут такое!.. В Москве заварушка... коммунисты рвутся к власти! – Цеппелин эмоционально выстреливает каждую фразу. В трубке, вдобавок, хрипит. – Дом правительства в огне... по нему из танков... на улице побоище... коммунисты свозят людей на стадион и там расстреливают... пачками, пачками говорю тебе... будет весело... опять совок будет... с новым тебя Сталиным... рок запретят... готовься... ящик не слушай... там... – Связь прерывается.

Включаю телевизор. «По Украине», какой-то старый советский фильм. «По России», балет. Балет прерывают. Экстренный выпуск новостей. Кусками валится информация:

«...Хасбулатов, Руцкой... красно-коричневые... была попытка захвата Останкино... красно-коричневые не пройдут... демократию не остановить... Ельцин принимает решительные меры...»

Опять балет. Пытаюсь собраться с мыслями:

Если коммунисты, или красно-коричневые, придут к власти, будет ли тогда реанимация Советского Союза?...И что тогда будет с Украиной?...На Украине правят бал националисты. Вон, везде повальная украинизация. Учреждениям, институтам «мову» навязывают. Все указы по «украинизации» спускаются с самого верха. Это я точно знаю. Украинское правительство спит и видит свою Украину на другом полюсе Земли, противоположном от России – с кем угодно, где угодно, только не с клятыми москалями. Теперь представим, у москалей коммунисты опять к власти приходят, и давай реанимировать обратно СССР. Грубо вмешиваются в украинские дела. «Западенцы» воют от бешенства, а так как они теперь правящая элита на Украине – вот тебе готовая война с Россией!...Блин, лучше бы коммунисты к власти в Москве не приходили...

Звонит Иван:

– Слышал, в Москве заварушка? Демократия в опасности, брат!

– Ничего не будет, не переживай, – говорю так, чтобы больше себя успокоить. – Если на России действительно лежит особое предназначение, планетарная миссия, думаю, Господь не даст пасть Ей в пучину войны.

– Аминь, – отвечает Иван. – Слушай, я сегодня в общину не иду, есть желание – заходи, обсудим последние темы...

И мне в общину расхотелось идти. В общине мирскую политику как-то не с руки обсуждать.

Вечером у Ивана. Увы. О России поговорить не пришлось. Я, было, затронул тему России, но Иван как отрезал: «политика – грязное дело». За бутылкой сорокоградусной говорили о Николае и его общине.

* * *

Не пошёл на третье собрание общины, не пошёл на четвёртое...Что здесь говорить, 6-го ноября пили за рок-н-ролл. 7-го пили за коммунизм с «демократическим лицом». И за то, чтобы Украина вошла в «рублёвую зону». И вообще, поближе к России была. В России октябрьская заварушка, слава Богу, закончилась без большой войны.

8-го опохмелялись. Я опять напился.

Вот это запой! Колоссальное духовное падение... Ну, её, эту политику. Эти тосты за рок-н-ролл.

9-го ноября чуть не умер. Бешеное сердцебиение, рвота, жуткая головная боль. Почти сутки мучался.

Покаялся

Иван опять беседовал с Николаем с глазу на глаз. Позавчера, 9-го. (Как раз в день, когда я с унитазом общался). И Николай сказал интересные вещи – оказывается, меня и Ивана он ждёт давно. Мы – настоящие люди «Розы Мира». Остальные в общине до уровня «Розы Мира» ещё не дошли.

Приятная новость, а то меня сегодня весь день томит чувство отвращения к самому себе, итог последнего запоя. Николай мне словно бы напоминает моё духовное призвание: «Ты человек «Розы Мира», не вешать нос!»

Ещё Николай сообщил Ивану, что мне скоро будет дан дар мудрости (и Наташа мне то же самое говорила).

А про Ивана Николай сказал, что он уже очень скоро «родится свыше», в духе. Я тоже, возможно, в «духе буду рожден», но позже.

Собрание. Изумительная проповедь Николая на тему борьбы с грехами. Оказывается, бесполезно с грехами бороться, бесполезно! (Это как я с пьянством своим борюсь, говорю себе: «Всё, завязываю!» И что же: ещё больше пить начинаю!) На самом деле, грех выжигается только одной силой, силой Духа Святого. Надо только отречься от своего «эго», жить не ради себя, а ради общины.

Рождаться в духе «ветхому» человеку страшно. Это как прыжок в бездну, но прыгать придется все равно. Рано или поздно «прыгать» придется, каждому, всем...

Кончив проповедь, Николай застенчиво улыбается:

– Есть вопросы? Может, кто желает выступить?

Встаёт женщина лет тридцати пяти-сорока – худая, бледная, с

огромным мясистым носом и большими страдальческими глазами:

– Может, вернемся назад, к чтению Библии, как раньше было?
– Плачущим голосом говорит женщина. – Очень непонятно.

Николай недовольно двигает перекошенной челюстью:

– Тамара, ты внимательно слушаешь, о чем я говорю?

– Да, – чуть слышно вздыхает женщина.

– Сомневаюсь, – Николай медленно чешет себе лоб огромным указательным пальцем и очень спокойно говорит, как бы сквозь зубы, – а если завтра мы индийскую философию начнем изучать, как тогда?

– Зачем? – Испуганно стонет Тамара

– Зачем-зачем! – Николай упирается ручищами в стол и говорит, печатая каждое слово, – во-первых, я не виноват, что мне индийские учителя лучше объясняют Библию, чем христианские фарисеи; во-вторых, целый год долблю: хватит питаться манной кашей, хватит питаться манной кашей! Пора переходить на твёрдую пищу, на надрелигиозный уровень. И что же?... Давайте вернёмся назад?!... Тамара, назад нет пути!

– Простите, – чуть слышно шепчет женщина и садится.

– Бог простит, – устало отвечает Николай и вдруг обращается ко мне и Ивану:

– Вот, Вадим с Иваном у нас близки к уровню «Розы Мира», вот, скажите сестре Тамаре как надо понимать надрелигиозный уровень?...Одного чтения Библии, как протестанты говорят, недостаточно, Тамара...Скажи ей, брат Вадим, – Николай загадочно улыбается, буравя меня тяжелым взглядом.

К Николаю подключается Наташа:

– Вадим, скажи слово Божье. Как дух тебе открывает!

Краснею и растерянно развожу руками:

– А, что, сказать?...может, в другой раз...так неожиданно...честно признаться, не готов...

Николай просит выступить Ивана. Та же история – Иван не готов. Николай коризненно качает головой:

– Так вы никогда духовными людьми не станете, вы слишком подключаете свой ум. Не надо думать, о чем говорить! Дух сам

всё за вас скажет! А, брат Иван, брат Вадим?

Снова встает сестра Тамара:

– Братья и сестры, – всхлипывает она, – хочу покаяться в блуде.

Николай молчит, молчит община, сестра Тамара своим всхлипывающим голосом долго рассказывает о каком-то мужике, с которым она согрешала, и не раз.

– ...Из-за этого самого блудного греха мне теперь никак надрелигиозный уровень не открывается, – неожиданно заканчивает свою исповедь Тамара. Николай опять качает головой:

– Тамара, Тамара, а ведь я чувствовал, в духе, что ты согрешила... Помолимся за сестру Тамару.

Все встают на колени. Пять минут «халя-маля». Помолились, Николай спрашивает:

– Есть желающие покаяться?

И тут я понимаю, настал мой час! Или сейчас встаю и каюсь в пьянстве, или никогда мне не родиться в духе. Вскакиваю со скамейки:

– Братья и сестры, хочу покаяться в пьянстве!

Пугливо оглядываю общину. Что говорить дальше – не знаю. Невыносимо долгая пауза, лицо у меня горит, пылает так, словно я его в адское пламя окунул, «ну говори же, говори же, говори!!!», – подбадриваю сам себя.

– Братья и сестры...помогите...избавиться от греха пьянства...

– Не греха, болезни, – поправляет меня брат Анатолий

– Угу, – киваю я Анатолию.

Сбивчиво рассказываю о своей последней пьянке. Несколько раз ловлю себя на мысли, что несу околесицу, бред младенца – причем здесь последняя пьянка! Я, что, пить начал неделю назад? Зачем братьям и сестрам, далёким от мира творческого, описание моих «творческих» собутыльников? Нет, не то говорю, не то! Очень тяжело каяться, когда на тебя пялятся десять пар глаз! Скомкано заканчиваю покаяние, собственно и не заканчиваю, а попросту обрываю. Стою как дурак. Но Николай

доволен, очень доволен. Николай улыбается. Тут же кается Иван:

– Простите меня, братья и сестры, за моё злословие, мою депрессивность, угрюмость. Простите, кого обидел.

И всё! Всё покаяние! Но Николай доволен ещё больше.

– Дело не столько в пьянстве и злословии, – с улыбкой говорит нам Николай, – дело в том, что вы боитесь стать духовными людьми. Рвите скорее ветхие связи: друзей, творчество, всё ветхое. И увидите – не будет желания пить и быть угрюмым.

Николай воздевает глаза к потолку:

– Помолимся за наших братьев, Ивана и Вадима!

Все встают на колени – «халя-маля, халя-маля, халя-маля!»

Выступил

Иду к Витамину. Надо провести с ним духовную беседу. Хорошо бы затянуть его в общину, на беседу с Николаем. Плохо, что Витамин равнодушен к «Розе Мира».

Не так давно Витамин закончил учиться на своих «биоэнергетических курсах», ему там даже что-то такое выдали, какую-то бумажку с печатью, теперь он может проводить сам сеансы нетрадиционной медицины. Бред, конечно! Однако не мешало бы Витамина в занятиях магией обличить.

– Смотри, чувак, – говорит мне Витамин, едва я только переступаю порог его комнаты, – смотри, как определяется положительная и отрицательная энергетика. Каждая личность несёт в себе этакую энергетическую информацию о себе, чтоб её считать, достаточно простого «фото», смотри! – Витамин водит растопыренной пятернёй над плакатом Егора Летова на стене. – Если руку притягивает, значит энергия отрицательная, демоническая, а если отталкивает – божественная... Вот, смотри, у Летова сердце притягивает, а голова отталкивает.

– То есть, – соображаю я, – голова светлая, а сердце черное?

– Именно, – радостно соглашается Витамин. – А у Янки

Дягилевой наоборот, – Витамин уже водит «пятернёй» над многократно увеличенным «фото» Дягилевой – головушка скорбная, а сердце чистое.

Интересно, – говорю я Витамину – и, что ещё ты можешь определить, точнее, где ещё можешь определить божественную и демоническую энергию?

– Чувак, энергия есть везде! Да ты попробуй сам! Попробуй!

Рука моя над плакатом с группой «Аквариум», пытаюсь нащупать энергию над головой Гребенщикова. Ничего не чувствую, разве что легкий ледяной сквозняк идущий вдоль стены. Видимо, плохо заделана лоджия.

– Знаешь, – признаюсь Витамину, – что-то я ничего не чувствую.

– Правильно, – соглашается Витамин, – и не почувствуешь ничего, потому как Б.Г. давно «труп»...Давай, лучше геополитику посмотрим.

Произнеся магическое слово – «геополитика», Витамин тут же разворачивает на полу карту мира. Становиться коленями на Советский Союз, а руками водит над Северной Америкой:

– Определяю общую энергетику США, – говорит Витамин, – её ауру, эгрегор.

– Угу, – мычу я в ответ, а сам думаю: магия абсолютно утилитарна и корыстна по самой своей сути, бездуховна, но всё же, где-то маг угадывает.

– Абсолютная чернуха, – весело говорит Витамин по поводу Америки. – Нет, блин, просто, дом сатаны какой-то. Руку аж засасывает, аж засасывает!

Перебиваю Витамина: пришла в голову мысль проверить, на одном примере, чувствует ли что Витамин, или так, понты.

– Слушай, с Америкой всё ясно, ты Россию, Россию посмотри!

Витамин перемещается в сторону России. Водит рукой минуту, две:

– Дыра, энергетическая дыра, – говорит скороговоркой Витамин, – не могу точно сказать, что-то ни белое, ни черное...

...Магия слепа, магия абсолютно слепа! Витамину не открыт Промысел России Небесной о России земной. Что и требовалось доказать! Ха-ха-ха!...

– Ошибаешься, – говорю я Витамину, – над Россией не может быть энергетической дыры!

Витамин уже «висит» над Индией. – Здесь, положительно, столб света! – говорит Витамин про Индию и опять «уходит» в сторону Америки:

– Над Латинской Америкой и Кубой – пятнышко света. Всё остальное во мраке, или в летаргическом сне, как Россия и Украина.

...Ладно, насчет того, что Россия и Украина в летаргическом сне ещё могу согласиться. Здесь Витамин попал пальцем в небо, как говорится. Любой дурак скажет, что мы все сегодня спим духовно...

...Нет, магия духовно слепа, эх, врезать бы в духе по Витамину! Нет, лучше пусть Николай ему врежет...

Смотрю на часы, пора в общину на собрание. Духовной беседы так и не вышло. Делаю последнюю попытку заманить Витамина в общину:

– Слушай, пошли со мной в «Розу Мира», посмотришь у кого какая энергетика?

Витамин мотает головой, юридиво причитает:

– Недостойн лицезреть вашего мудреца...как его там, хе-хе...недостойн...вот увеличу духовный рост, до интер-религиозного уровня, хе-хе...

«Магия, абсолютно безнравственная штука, маг – он циник, человеконенавистник», – думаю я.

Иду в общину, злой на себя. Поступил, как «духовный верблюд», как безвольный непротивленец! Надо было обличить Витамина!

Постепенно успокаиваюсь, и в голове моей вырисовывается следующая тема.

Магия – абсолютная несвобода, механистическое воздействие на тонкую материальную среду, маг не знает добра и зла...Может, попробовать выступить сегодня в общине, на тему

магии?...

* * *

– Нет желающих сказать слово? – спрашивает общину Николай, а сам смотрит то на меня, то на Ивана.

Медленно поднимаюсь и говорю:

– Братья и сестры, сегодня я был у одного своего знакомого, по рок-н-роллу, то есть по музыке, так вот, мой знакомый занимается магией.

– Ух-ты, – проноситься по общине возглас.

Я продолжаю, описываю, вкратце, духовный портрет Витамина – неприглядный портрет. Рассказываю, как Витамин энергетику стран определял. В этом месте меня слушают особенно внимательно. Рассказываю о человеконенавистничестве Витамина. И завершаю всё такой фразой:

– Сегодня по пути в общину мне открылось, в какой страшной несвободе от своего ложного «эга» находится мой знакомый маг.

Сажусь и вдруг со стыдом вспоминаю, что самое главное-то, про магию не сказал, ну про то, что маг не знает добра и зла, и поэтому часто является простой игрушкой в руках тёмных сил. Про то, что магия абсолютно утилитарна и корыстна по самой своей сути. Вот почему светлые силы не одобряют занятия магией.

Увлёкся критикой Витамина, но вот мне и вылезло боком – не осуди ближнего своего. Но Николай доволен:

– Неплохо для первого раза, неплохо, брат Вадим, – говорит Николай. – Очень красиво и образно ты нам тут портрет своего знакомого мага нарисовал, вот только выводов никаких не сделал, почему Бог не благословляет занятия магией?

Николай заканчивает мою проповедь сам. И говорит о том, о чем я как раз и хотел сказать только гораздо лучше, более простым и образным языком. Вот что значит, человек в «духе» находится!

Николай просит выступить Ивана. Иван обещает сказать

слово на следующем собрании.

Шевелю во рту пересохшим языком, облегченно вздыхая, – ну вот, сделал ещё один шаг к своей духовности.

* * *

Иван выступит на следующем собрание. Очень коротко, но красиво скажет о законе (старой религии) и благодати – (религии «Розы Мира»). Николай останется доволен, попросит меня и Ивана выступить как можно чаще.

* * *

Выступаем с Иваном раз за разом, говорим на самые эзотерические темы, духовно растём. Однако до уровня, на котором пребывает Николай, нам ещё очень далеко. Николай – мудрец!

Пытаются запретить

Обещанный «Белыми Братьями» Конец Света не состоялся.

«Белые Братья» устроили возле Софийского Собора, в Киеве, побоище. Тогда власти арестовали самозванную богиню «Марию-Деву» и её бога, Кривоногова. А потом выяснилось: тысячи членов «Братства» – натуральные зомби. И ни Чумак, ни даже сам Кашпировский ничего поделать с ними не могут. Зомби и всё! Тогда власть стала спешно изымать у населения книжки «Белого Братства». На короткое время взялись за секты. Досталось и «Евангельской общине Роза Мира».

Всё, как Николай и предсказывал, «Белые Братья» посрамились, устроили скандал, и теперь сатана через власть пытается запретить наступающую эпоху «Розы Мира». Под видом борьбы с сектами.

* * *

Как-то в погожий апрельский денек в общину пришли две подозрительные личности, явные «товарищи»-чекисты.

«Товарищи» присидели молча всё собрание. В самом конце, когда Николай подводил итог, «товарищи» как с цепи сорвались. Забросали Николая вопросами. Вопросы поначалу были приличными: по сути учения, что Николай проповедует. Николай отвечал с большой охотой и очень подробно. (Пускай на нашей местной «Лубянке» знают – «Роза Мира» существует!) Но вскоре пошли совсем неприличные, материалистические вопросы. Община затаила дыхание:

– А на что вы живёте? – ехидно спрашивали «товарищи» – ...Ах, на пожертвования, очень интересно...И хватает?...А много жертвуют?...Да-да, очень интересно, кто сколько даст...И нигде не работаете?...Жена бизнесом занимается?...Очень хорошо...А откуда у вас такая уверенность в собственных духовных дарах?...Что? Не доказуемо с материалистической точки зрения?...Это нам понятно, но где гарантия, что вы тут обманом людей не занимаетесь?...

Николай отвечал, отвечал, под конец стал нервничать. Помню, я ещё подумал, что Николай обычный, как и все смертные, человек. И так же нервничает, как мы все. Мысль тогда показалась крамольной.

Не попрощавшись «товарищи» ушли. Через месяц пришли снова. Опять задавали нелюбезные вопросы. У Николая окончательно сдали нервы. Николай сбегал за «Розой Мира» и прочитал «товарищам» то самое место, которое когда-то читал мне и Ивану. Это где про голос из неизвестных квартир.

«Товарищи» ушли.

– Пытаются запретить «Розу Мира», сатанисты, – сказал тогда бледный и потерянный Николай.

– Не запретят, – тихим, но уверенным голосом произнес Константин, – не те времена, не 37-ой, так, последние судороги Красного дракона.

Все внимательно посмотрели в угол, где сидел Константин. Всем стало легче. Спокойней на душе.

«Товарищи» приходили ещё один раз. Долго беседовали с Николаем с глазу на глаз. Николай вышел со своей комнаты красный, утер платком пот со лба и сказал:

– Будем переезжать на 9-ую Слободскую. Там сатана нас не тронет.

В сентябре община переехала на 9-ую Слободскую. Николай и Римма сняли точно такой же дом, с точно с такими же комнатками. Но мне всё казалось, что комнатки в новом доме слишком маленькие и затхлые, и сам дом слишком тесный, холодный и неудобный. Вдобавок самого Николая и его Римму как будто бы подменили. Римма вся высохла и поседела – тридцатилетняя «старуха»! (Николай словно выпил её жизненную силу). Черты лица стали совсем резкими и злыми. Впрочем, Николай и сам погрузнел, стал часто прибалывать, брюзжать, мол, почему всё я, почему никто ещё свыше не рождается.

Ходим с Иваном в общину всё реже и реже. Слишком неудобно стало добираться до общины. Да и понемногу всё начинает надоедать. Николай так и не начал прямую проповедь «Розы Мира». Всё вокруг и около. Я, было, попытался поднять тему миров Даниила Андреева, творческих судеб, метаисторию России, рассказать о России Небесной, о демонических мирах – меня просто не поняли в общине. Братья и сестры говорят о чем угодно, только не о «Розе Мира».

Последнее время, как мне кажется, Николай идет дальше и дальше от идей Андреева. А каноническое христианство, Православие, например, почти не упоминает в проповедях. Так, что процесс отдаления от Андреева идет у Николая параллельно с полным отходом от канонического христианства. Сейчас Николай проповедует Шри Ауробиндо и Бхагавана Ошо – учителей надрелигиозного уровня. (Слово – «надрелигиозный» уже слышать не могу.)

Несмотря на всю восточную мистику в проповедях Николая, дух в общине все равно остается протестантский. Я его «шестым» чувством чую, ничего поделать с собой не могу, не нравится он мне.

Иван моих опасений не разделяет:

– «Роза Мира»?.. Так время для неё ещё не пришло...Протестантский дух?.. Чем тебе протестанты не

нравятся?... Брат, не будь фарисеем от «Розы Мира»!..

Пусть я фарисей, но с каждым днем я теряю веру в близкое наступление золотого века человечества. Скорее то, о чем так мечтал Даниил Андреев, наступит ещё не скоро. Должен же произойти тотальный тектонический сдвиг в сознании нашего народа! Кто-то же должен пробудить религиозное сознание народа! Тогда только можно о «Розе Мира» говорить.

Одно верно – людям с протестантским подходом, типа Николая, сдвинуть религиозное сознание общества не под силу. Это под силу огромной организации, например, Русской Православной Церкви. Как ни крути, Православие – религия всенародная. Православными были наши деды и прадеды, на Православии держалась земля русская! Православие для народа было естественной богоданной религией. Так что и настоящая «Роза Мира» возможна только в православной, или околоравославной, естественной среде.

А Николай пусть сказки мне не рассказывает.

Николай до смерти испугался «товарищей в штатском». И это духовный проповедник?! Николай такой же душевный человек, как и все мы. Но проповедник он талантливый.

* * *

Дурацкий спор. В канун Нового Года. Спор с Михаилом и Андреем Кутерьмой у меня на работе.

Андрей и Михаил пришли ко мне прямо на «боевой» пост. Прошли они, бедные, не одну версту до моей работы. Шли не через пустырь, как я хожу, а через парк – в три раза длиннее дорога! И не испугал их даже мелкий и противный декабрьский дождь!

Михаил с Андреем пришли ко мне не просто так, они пришли спасти мою погибающую душу, пришли наставить меня на путь истинный. Я в их глазах законченный сектант... Честно скажу – дурацкая затея. Всё и кончилось глупым спором.

Сначала Михаил вспомнил Софийское побоище. То самое, что «Белые Братья» пару лет назад устроили.

Насчет «Белых Братьев» я с Михаилом солидарен. Говорю –

согласен. «Белые Братья» – секта сатанистская. Это факт...

Михаил и Андрей критикуют секты. Михаил сетует на бездействие властей – даже штурм сектантами Софийского Собора ничему не научил украинские власти! «Секты цветут и пахнут!»...

Вначале я слушаю Михаила с одобрением (действительно, такие секты как «Белые Братья» надо запрещать), но когда Михаил говорит, что надо вообще все секты запретить, я не выдерживаю, бросаюсь спорить, защищать секты:

– Михаил, скажи мне, все секты от сатаны?

– Все, – говорит Михаил, – сатана сам первый сектант.

– Но ведь и само христианство, поначалу, было маленькой сектой среди иудеев...

Тут я «ляпаю», забылся.

– Вот, Николай, вообще считает, что христианство вышло из секты есеев.

– Какой ещё Николай? – спрашивает Михаил.

– Да, так, – мнусь я. – Если честно – это лидер местной «Евангельской общины «Розы Мира». Неплохой, кстати, проповедник.

– Как-как? – переспрашивает меня Андрей, – Евангельская... ещё и «Розы Мира»... ничего себе назвались ребята!

А Михаил скептически тянет:

– Знаю-знаю, местная секта. Этот Николай у них, что-то вроде гуру.

– А что он за человек? – спрашивает Кутерьма.

Михаил небрежно роняет:

– Да, бесовская прелесть! Бывший пятидесятник, считает себя проповедником Святого Духа.

– Ну, почему обязательно бесовская прелесть?! Почему у вас, ортодоксов, куда ни плюнь, сатана?! – взрываюсь я. – Николай – замечательный проповедник: начитанный, интеллигентный человек! И живёт он не по догматам вашим, а по благодати Святого Духа!

– Вадик, ты ещё не понял, ты в секту попал, ты сектант! – Набрасывается на меня Михаил.

– Да тебе, просто, мозги прочистили, у тебя ни одной своей мысли, только мысли твоего гуру! – доказывает мне Андрей.

– У меня достаточно своих мыслей! – Кричу я. – Николай для меня не гуру! Да, раньше я его почти за гуру считал... Может быть, считал! А теперь, давно уже Николай для меня не гуру! Он обычный человек, как все мы! Со всеми человеческими слабостями!..

– Вот до чего увлечение «Розой Мира» доводит, – говорит Михаил Андрею. – Захотели новую религию создать, а кончили сектой...

– Да послушайте меня, фанатики! – Ору я. – Все религиозные движения начинались с сект! Это понятно! И «Роза Мира» не исключение! Пока новая религиозная эпоха не начнётся, она будет сектой. Как и христианство было сектой, пока христианская эпоха не началась!

– Да, что начнётся, что?! – Гремит Михаил, – да протри ты глаза! Истина уже две тысячи лет на земле! Она в Церкви! А вы всё изобретаете новую мировую религию!

– Слушай, почему вы, ортодоксы, так ненавидите всё новое в религии? – Парирую я. – Почему вы так закоснели, почему вы всего боитесь?

– А ты как, не боишься погубить свою вечную душу? – Михаил произносит это тихим и очень трагичным голосом. – Антихриста, надеюсь, ты не отрицаешь?

– Не отрицаю.

– А какая главная особенность у антихриста?... Он во всем хочет походить на Христа.

– Косит под Сына Божия, а сам самозванец, – подытоживает Андрей. – Как там, в Евангелии от Матфея, кажется: «Итак, если скажут вам, вот Он, то есть, Христос, в пустыне – не выходите; вот Он в потаенных комнатах – не верьте... Ибо как молния, видная с Востока до Запада, будет пришествие Сына Божьего».

– Андреев не отрицает Второго Пришествия Христа и антихриста тоже не отрицает. Скорее даже, наоборот, ещё полнее, чем у отцов Церкви развивает эти темы, – вяло возражаю я. Что-то неприятное и горькое разливается в моей

душе

...Какое невероятное совпадение – потаенные комнаты. По Евангелию, получается, из потаенных комнат будут вещать лжехристы, антихристы... Почему Николай говорит про бедные и потаенные комнаты. Он же должен знать, он читал Писание, он же протестант, он любит Писание... Так сознательно или бессознательно он про потаенные комнаты говорит?...

– Ничего, мужик, – Андрей хлопает меня по плечу, и я возвращаюсь из своих потаенных комнат в реальность. – Годам к тридцати ты поймешь: Православие – это полнота Истины!

– Я не против Православия, – стараюсь говорить бодро и оптимистично, но на душе как кошки скребут. – Но возможен и другой вариант, вы станете людьми «Розы Мира».

– Далась тебе «Роза Мира», – вяло возражает Михаил, – лучше бы ты и дальше песни писал. Как раньше.

Расстаёмся. Михаил долго мне жмёт руку. Андрей предлагает встретиться на днях, выпить пивка. И как будто бы ничего между нами и не было, мы только что не спорили до хрипоты, до желания набить морду друг другу...

Нет, ни в чем вы меня, ребята, не убедили. Но какой горький осадок на душе!

Милости хочу, а не жертвы

Под утро, после встречи Нового Года, я задремал. Снились мне комнаты, бесконечное количество маленьких, как бы потаенных, как бы спрятанных одна в другую комнат: пустых, пыльных, на вид совершенно необитаемых. И ничего больше не было, кроме кошмарного лабиринта необитаемых комнат. Я переходил из комнаты в комнату. Везде я видел одно и то же – серая цементная пыль, обвалившаяся штукатурка, грязные тюки под ногами. В какой-то момент, во сне, я осознал: выхода из лабиринта комнат нет. Я обречён на вечное скитание по пыльным комнатам, в полном одиночестве среди тюков и мусора. На меня навалилась тоска, жуткая тоска! И вдруг ко мне

пришло ещё одно осознание – выход всё же есть! Но для этого надо где-то разыскать Михаила с Андреем и принять православную точку зрения на мир. То есть, во всём согласиться с Михаилом и Андреем. В момент, когда я внутренне принял решение разыскать Михаила с Андреем, я проснулся.

Проснулся с очень тяжелым сердцем, в противоречивых раздражающих душу мыслях. То ли права «Роза Мира», то ли правы Михаил и Андрей, а в их лице ортодоксальное христианство.

Решил развеять свои мысли в беседе с Николаем. Он сейчас наверняка дома, отдыхает после Нового Года.

Николай был дома. Он опять болел, был чем-то раздражен, весь вид Николая выражал недовольство. Я уже пожалел, что пришел.

Рассказал Николаю о недавнем споре с Михаилом и Андреем, о своих сомнениях, о своём сне. Николай страшно двигал своей перекошенной челюстью, как разминал её. Это длилось весь мой рассказ.

– Ты подвергся нападению эгрэгора официального, храмового христианства. И был побеждён, – сказал Николай после долгой, мучительной паузы. – Почему это произошло?... Да потому, что ты по-прежнему человек душевный, а не духовный. Даже хуже, ты теперь стал, с духовной точки зрения, сплошным теософским болотом.

– Теософским болотом? – Переспросил я и попытался улыбнуться. Улыбка вышла жалкой, и я решил про себя, что зря пришел к Николаю.

Николай зевнул, огромным указательным пальцем почесал лоб и продолжил, уже с явным удовольствием:

– Понимаешь, Вадим, люди, духовно, делятся на несколько категорий: «младенцы», «львы» и «верблюды». «Младенцы» – это те, кто родился свыше, в духе. «Львы» – это те, кто бунтует против мира. И «верблюды» – накопители ценностей. «Верблюды» низшего уровня, копят ценности материальные, высшего – ценности интеллектуальные.

Николай подвигал челюстью, ещё раз зевнул и спросил:

– Ну и к какой категории ты себя отнесёшь, а, брат Вадим?

Я вздохнул и честно признался Николаю, что, скорее всего, с духовной точки зрения; я – верблюд, накопитель интеллектуальных ценностей.

Николай сладко потянулся в своей кровати, он был доволен ответом:

– Да, брат Вадим, ты верблюд и рискуешь надолго остаться верблюдом, – сказал Николай и сел на кровати, грузно свесив ноги. – Хочешь знать, что мне дух про тебя открывает?

– Хочу, – недоверчиво пискнул я.

– Так вот, – Николай ещё раз почесал лоб, кинул взгляд в потолок, – основа твоего ложного эго – твой хитрый ум. Хитрый ум манипулирует тобой. Ты стремишься через теософию навязать всем своё представление о «Розе Мира».

Николай выждал паузу, видимо проверяя мою реакцию. Я сидел с каменным выражением лица, пытался переварить сказанное и ушам своим не верил – какая муха укусила Николая? Неужели, всё из-за того, что я стал реже ходить в общину?

Николай медленно расстреливал каждым своим словом.

– ...С духовной точки зрения, твой лживый теософский ум делает тебя полным трусом. От Духа Святого, от общины святых бежишь в теософию. Господь тебе предлагает дар мудрости, но ты трус! Боишься расстаться со своим ветхим прахом, со своей музыкой и водкой...

Николай страшно двигал челюстью и говорил, говорил:

– ...Ты – теософское болото. Ангелы смотрят на тебя и видят одно теософское болото. Верней, болотце. Вокруг него, болотца, вроде как благопристойный лесок религиозности, но религиозность эта обманчивая, лживая, фарисейская. Пустые фразы о Боге. А внутри сизый туман пьянства и разврата, трясина самолюбия.

Николай почесал свою левую ногу и подвёл первый итог:

– Ты, Вадим, новый тип фарисея, фарисей от «Розы Мира». И знаешь почему?

– Почему? – спросил я хрипло.

– Всё потому, – ответил Николай, ковыряясь в зубах, – что ты постоянно пытаешься сделать религию из «Розы Мира». Даже не из «Розы Мира», а из самого Андреева. А я, может, не согласен с Андреевым. Я, может, считаю, что Андреев не везде был прав. Считаю, что Андреев не достиг надрелигиозного уровня. Андрееву не всё было открыто. А ты принимаешь его откровения за конечную инстанцию...Всё просто, теософский ум встретил теософию, в лице Андреева...

– Эх, брат Вадим, брат Вадим, – Николай тяжело вздохнул, ещё раз почесал ногу, – к чему мне твоя Небесная Россия, если я знаю Небесный Иерусалим, уровень повыше, где нет ни элина, ни иудея, ни русского, ни украинца, а всё едино...Во так-то, брат Вадим...Не обижаешься?

Я сидел словно в оцепенении каком-то. Как изваяние. Конечно, надо было ответить Николаю, что, мол, не обижаюсь, и вообще обидчивостью не страдаю. Но речь мою будто парализовало. Тогда Николай бодренько так встал с кровати и, подойдя ко мне, похлопал по плечу:

– Не обижайся. Наоборот, радуйся! Дух Святой обличил тайны твоей гордыни. Понимаю, обличение духом процедура болезненная, но без неё, брат Вадим, не «родиться в духе».

В руках Николая появилась откуда-то книжка и он вручил эту книжку мне:

– Дарю! От себя добавлю только то, что миссия Иоанна Береславского всенародная – поднятие России через покаяние на новую духовную ступень. Береславский возрождает белое, духовное Православие, ещё он предтеча «Розы Мира» в России. Тебе Береславский будет в самый раз.

– Спасибо, – севшим голосом, сквозь зубы поблагодарил я и посмотрел название книги. На обложке было «фото» какого-то человека с взлохмаченной бородой, с нерусскими чертами лица. Человек на обложке неуловимо напоминал знаменитого киношного цыгана Будулая. Я прочитал название книги – «Слова Матери Божией, сказанные архимандриту Иоанну (Береславскому).

После этого Николай дал мне понять, что аудиенция с ним

окончена. Но когда я уже стоял в дверях комнаты, он, вдруг, проговорил, как бы вскользь, мимоходом:

– Ивана не слушай.

Потом ещё раз повторил, настойчивей:

– Ивана не слушай! Иван до добра не доведёт. У Ивана сильное эго, хитрый актерский ум, Иван играет в духовного человека.

– Да, в честь чего я Ивана слушать должен?!

Николай расплылся в страшной улыбке:

– Правильно, брат Вадим, надо слушать Бога.

«Надо слушать Бога, надо слушать Бога. Тоже мне нашелся Бог!...Нет, брат, всё с тобой ясно, ты не только мудрец липовый, но ещё ты и не человек «Розы Мира»...Протестант ты, Николай, голый протестант, американец...»

Как в тумане иду в сторону проспекта Ленина. Как зомби! Под сердцем у меня пусто. В голове пусто. Сил нет даже на то, чтобы просто, по-человечески, обидеться на Николая.

Впрочем, какой смысл обижаться? Николай верно угадал мои недостатки. Да, я ленив, труслив, этакий непротивленец, а на самом деле маменькин сынок. Да, может быть, излишне книжен, пью. А пью оттого, что мертв, мертв духовно, от скуки пью. Выпьешь, и вроде как полнотой жизни начинаешь жить. Да, всё верно, но как безжалостно с его стороны. Я пришел за духовной поддержкой, а он меня лицом в мою же собственную «грязь»!

И насчёт Ивана верно подметил, но почему так категорично?! Может, у Ивана и есть актерские способности. Может, у него и хитрый ум. Но почему мне нельзя слушать Ивана? Странное пожелание. Разве Иван что-то против Николая говорит? Скорее, наоборот, я больше Николаем недоволен, чем Иван. Но тогда почему мне нельзя слушать Ивана?!

Кажется, намёк Николая ясен: я могу только слушать его, великого гуру, Николая! Что это – гордыня? Богом себя, батенька, возомнили?!

Итак, Николай пребывает в духовной гордыне. А духовная гордыня – демонической природы. Люцифер считает себя Богом, и Николай туда же. Николай всегда будет утверждать, что он

рожденное свыше существо и никого никогда больше к рождению свыше не допустит.

От последней мысли я остолбенел. Ибо сразу возник вопрос, а какой смысл дальнейшего посещения общины? «Розы Мира» все равно нет в общине. И никогда не будет. Тогда какой смысл ходить к духовному гордецу, безжалостному протестантскому фарисею?

Уже дома мне вспомнилось одно место из Евангелия, где Христос на дотошные и злые обвинения в свой адрес со стороны фарисеев сказал им: «если б вы знали, что такое милости хочу, а не жертвы».

Николай не знает, что такое милость. Он пастырь злой.

Жертвой Николая быть больше не желаю. В общину больше не пойду. Буду двигаться к духовному миру автономно, сам.

Из «Богородичного Центра»

Сон «Товарища Никто»

Ивану приснилась каменистая безжизненная местность. Марсианский пейзаж. Пустыня, освещённая тусклым оранжевым светом, под непроницаемо-черным сводом неба. Иван медленно пересекает пустыню. Страшная жажда мучает его. Иван ищет хоть какой-то источник воды. Тщетно. Вдруг Иван видит прямо перед собой...Иисуса Христа! Иисус стоит в тридцати метрах от Ивана и смотрит на него глубоким и скорбным взглядом. «Надо подойти, попросить у Иисуса воды», – думает во сне Иван, – «той самой воды о которой Он сам и говорит в Евангелии: «кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек». Иван делает шаг, другой, третий, и внезапно ощущает еле выносимое мучительное томление в сердце. Неопишное чувство, очень реальное. Ивану кажется, что ещё пара шагов, и не выдержит сердце, разорвётся от томительной и щемящей душевной боли, одновременно сладкой и желанной. Иван решается на ещё один шаг. И ещё. Сын Божий делает предупреждающий жест рукой: ближе нельзя, опасно. И вдруг начинает медленно удаляться, как бы возноситься на небо. Спустя минуту Он полностью скрывается из виду.

И опять безжизненная пустыня, тот же марсианский пейзаж. Ни души. Ивану очень тоскливо и одиноко, он чувствует себя полным «Товарищем Никто»: даже Бог от него отошел, не дал приблизиться, вознесся на небо без него, проклятого. Однако и в тоскливости, и в горьком чувстве одиночества по-прежнему присутствует некий сладостный момент. Суть этого момента Иван постичь не успевает, он просыпается.

Сам по себе

Восемь утра, а Иван уже у меня! Смешки, шуточки, глаза блестят, вид наполовину безумный. Со сна я думаю, что Иван либо обкурился, либо обчитался Ошо и Кришнамурти, либо и то и другое. И вдруг Иван становится крайне серьезным, рассказывает как ему приснился Иисус Христос...

Ощущаю необычайную энергию, исходящую от Ивана! Это может означать одно: Иван близок к «рождению свыше». В Духе! Однако это ещё не просветление, если бы было просветление, тогда Иисус бы не стал пренебрегать беседой с Иваном. Впрочем, как бы оно ни было, с Иваном случилось нечто.

Иван уходит. Даже чай пить не стал. Да он чисто физически не может усидеть на одном месте более пятнадцати минут! Ещё бы, такая энергетика колбасит.

– Куда ты? – спрашиваю я Ивана.

– Я?...К Николаю...Кстати, братишка, нет желания со мной пойти?

– Ты знаешь, нет.

– Зря ты так. У Николая теперь неплохо. Николай реабилитировался полностью. Последние проповеди у него буквально за пределами ума. В духе Ошо и Кришнамурти. Все, кто не врубались в «Розу Мира», общину покинули. Максим Петрович ушёл, вечно плачущая Тамара ушла, Толик этот туповатый, Константин. Короче, братишка, столько перемен. Пошли. Кстати, в общину пришел новый человек хорошо знакомый с восточными практиками. Так что по четвергам теперь медитация проводится. Пошли! Ты ж давно хочешь освоить медитацию?!

– Хочу, – вяло соглашаюсь я, – только сегодня не четверг.

– Точно, – хохочет Иван, – отмазался, брат. Ловко ты. Слушай, ну чего тебя так зарубило? Не ужели так тогда обиделся на критику Николая. Гордынька–с-с, да?

– Может и гордынька, – говорю я. – Только с чего ты взял, что я обиделся на Николая. Нет. Обида если и была, то давным-давно прошла. Понимаешь, мне просто неинтересно у Николая. Неинтересно и всё. Просто, ноги туда меня не несут.

Я и его община – это две разные Вселенные. Да и вообще, все эти организации... Я теперь сам по себе.

– Значит, обиделся. – Парирует Иван.

– Слушай, а что ты сам у Николая оставил? Мне это более, чем странно. Тебе уже сам Христос во сне является, а ты всё к Николаю бегаешь, как... – чуть не сказал слово «собачка». – Впрочем, не понимаю я тебя?

– Николай хороший проповедник, – мечтательно говорит Иван, – брат, я всё прекрасно понимаю. Я, как и ты, давно не зарубаюсь на Николае. Как и ты, сам по себе.

– Ну и задвинь Николая! Не ходи. Оставайся у меня, чайку попьём, помедитируем. А?

– Слушай, давай «Богородичный Центр» посетим, – внезапно предлагает Иван, а сам уже в дверях стоит, нервно теребит дверную ручку. – Посмотрим, как там зарубаются?

– А, что, разве в нашем городе есть «Богородичный Центр»? Я не ослышался?!

– Как ты думаешь, откуда у Николая книги «богородичников»?

– Ну, не знаю. – Пожимаю я плечами.

– Есть в городе такая сестра Кристина, – скороговоркой тараторит Иван, – она из «Богородичного Центра». Так вот, Кристина уже раза три встречалась с Николаем. И в общину она приходила. Книги приносила. Так вот, она дала мне адрес «Богородичного Центра». У меня есть адрес, хочешь сходим?!...Всё, брат, пора мне. Звони, если надумаешь к «богородичникам» сходить.

Иван весело сбегает по лестнице...

Если сестра Кристина не выдумка, если «Богородичный Центр» существует в нашем городе – значит, небесные силы снова вспомнили обо мне!

Через «богородичников» можно попытаться выйти на настоящих людей «Розы Мира». Главный центр у «богородичников» в Москве, можно попытаться выйти через «богородичников» на Москву. Не может быть, чтобы в Москве не было настоящих людей «Розы Мира»! А если их и в Москве

нет?! Значит, время для «Розы Мира» ещё не настало!

Все равно, скоро Богородица призовет Россию к покаянию. Тогда-то и начнется Новая Эпоха, Новое Православие. А там, глядишь, и осуществится то, о чем Андреев мечтал. Может быть немножко не так, как он мечтал, но осуществится. Россия встанет с колен. Это Матерь Божия обещает!

Блаженный Епифаний

Высокий молодой человек в синем подряснике стоит у торца пятиэтажного дома. На доме белеет указатель: «ул. Парковая 28». За спиной человека в подряснике вход в подъезд. Видна полуприкрытая покосившаяся дверь с облупленной зелёной краской. Над дверью ржавый железный козырёк. За входом в подъезд, вход в подвал. Над входом, точнее, спуском в подвал, такой же ржавый козырёк. Под козырьком прикручен проволокой деревянный щит. Щит покрыт белой краской. На щите аккуратными черными буквами написано: «Дом Божией Матери»...

– О, кажется, Епифаний, – говорит Витамин.

– Кто-кто?

Вместо ответа Витамин жадно докуривает сигарету, кидает окурки и быстрым шагом подходит к молодому человеку.

– А, брат Ярослав к нам пожаловал, – радостно говорит человек в синем подряснике, – и не один!

Тут подхожу я.

– Как же зовут твоего друга, брат Ярослав? – Молодой человек смотрит на меня своими добрыми голубыми глазами. Глаза сонные, с красными прожилками вен, как от недосыпания.

– Это Вадим, – отвечает Витамин, – пришёл со мной вместе на службу.

– Ну, Слава Матери Божией! Привела к нам новую душу!

Высокий молодой человек с короткой рыжеватой бородкой вздымает руки к небу. Только тут я замечаю, что на груди

человека в синем подряснике блестит большой иерейский крест. Однако подрясник (если это вообще подрясник) на молодом человеке несколько нестандартный. Какой-то слишком яркий, слишком театральный, по сравнению, например, с подрясниками, которые я видел на отце Олеге и Борисе в миссионерском православном центре – черные, монотонные, как военная форма. Здесь же рукава подрясника расшиты какими-то разноцветными «фенечками», на правом плече нашивка, как бы два перекрещенных распятия и надпись: «Иисус и Мария». На груди большая эмблема Святого Духа в виде голубя.

– Вот, Вадик, – говорит мне Витамин, – это блаженный Епифаний.

– Не понял, как блаженный, он, что, святой? – Шепчу я на ухо Витамину.

Витамин не отвечает, только хихикает. Вместо него отвечает сам блаженный. Видимо у блаженного обострённый мистический слух. Всё слышит, ничего не утаишь.

– У нас, Вадим, в церкви, все братья и сестры как светлые ангелы, все святые, – смеётся Епифаний. – Так хочет Матенька Божия! Ах! – Епифаний прижимает руки к груди, смотрит на меня с умилением. – Но если вам непривычно, считайте меня диаконом. А лучше, называйте меня просто – Епифаний. Мы же не в фарисейских склепах. В доме Божией Матери. У нас все равны.

Епифаний жмёт мне руку. Мне приятно, что диакон «богородичной церкви», вот так вот, по-простому, здоровается.

– Не правда ли, жара спала, погода чудесная, – говорю я Епифанию хриплым голосом, едва разлепляя ссохшиеся губы. Я после трёхдневного запоя, плюс, утром меня ещё обкурили коноплём. Приходил новый знакомый Витамина по кличке Кришнаит. Впрочем, чувствую себя сносно, эмоционально, правда, немного взвинчен, зато обострённо воспринимаю мир. Единственное неудобство – сухость во рту. Постоянно хочется пить, пить, пить...

– Да, – соглашается со мной Епифаний, – так чудесно на улице, будто нас Матерь Божия своим покровом в Царствие

Небесное вознесла.

– И место у вас хорошее, – продолжаю я, – тихий, уютный райончик.

– Да, благодатное место, – говорит Епифаний.

Район, где обосновался «Богородичный Центр» и впрямь неплохой. Не центр города, но далеко и не окраина. Район утопает в зелени многолетних каштанов и тополей. Всюду аккуратные «пятиэтажки» из белого кирпича. «Пятиэтажка», возле которой стоит Епифаний, крайняя. Сразу за ней начинается большой парк. За парком кинотеатр «Космос», давно выкупленный американскими и южно-корейскими протестантами. За кинотеатром шумный Октябрьский проспект. Здесь он едва слышен.

– Как там наши дорогие отцы? – спрашивает Епифания Витамин.

– Наши отцы живут в сердце нашего дорогого отца Иоанна, – радостно отвечает Епифаний.

– Ну, и чудненько, – соглашается Витамин.

– Отцы позавчера уехали в Москву, – продолжает Епифаний.

– К нашему дорогому отцу Иоанну. Так что сегодня я буду вести литургию.

– Замечательно! А как там Владыка Иоанн?

– Ах, – Епифаний снова прижимает руки к груди, – такая благодать! Владыке новые откровения от Божией Матери были. Владыка сейчас в «компьютерной» обители, – Епифаний оборачивается в мою сторону, – ну, это у нас так, в шутку, называют обитель, то есть монастырь, в котором наши братья и сестры делают книги. Это в ста километрах от столицы. Там сейчас така-а-я благодать, така-а-я благодать! Ах!...

– Блаженный Епифаний, – вкрадчиво говорит Витамин, – раз отцов нет, благословенно мне будет пару минут в храме побыть, до служения?

– Благословляю, побудь, – добрым голосом отвечает Епифаний и смотрит на часы, – десять минут у нас ещё есть.

Витамин благодарно кивает головой, ныряет под вывеску «Дом Божией Матери».

– Брат Вадим, – говорит мне Епифаний когда мы остаёмся одни, – брат Ярослав говорил, что вы посещали местную общину «Розы Мира».

– Да, посещал, – отвечаю я, чувствуя, как заколотилось и без того колотящееся с перепоя сердце. «Что он хочет сказать о «Розе Мира»?»

– Ну вот, видите, как всё чудненько устроилось, – сияет Епифаний. – Тут к нам Матерь Божия две души из «Розы Мира» привела. Кто-то из них сегодня будет на литургии. Пообщаетесь. Кстати, отцу Иоанну были недавно откровения Божией Матери о Данииле Андрееве. Так вот, Богородица говорит, что Андрееву были даны знания от очень высокой ангельской иерархии. И это ещё не всё! Божия Матерь сказала, что скоро сделает Андреева как бы своим представителем в космической, безблагодатной сфере. Наступает время очищения космических сфер, так то, брат Вадим!

Епифаний бросает на меня восторженный взгляд.

Наконец-то! Всё сходится! «Богородичники» – это настоящие предтечи «Розы Мира»! Конечно, до полной мистической широты им ещё далеко. Ещё много фанатизма в «богородичниках». Как они пишут: Индия – страна сатаны, секс от сатаны, родственники земные от сатаны, а попы из Московской Патриархии, вообще худший род людей. Но, процесс расширения религиозного сознания у «богородичников» пошёл. Это факт! Уже католиков признали, в мировое «Марианское» движение вступили. Появились друзья на Западе, например, американский профессор Чарльз. Американцев я не очень люблю, но Чарльз почти в духе «Розы Мира» речи толкает! Говорит, что все ведущие мировые религии от Бога. Ибо во всех этих религиях скрытно говорится о миссии Пресвятой Девы в последние времена. Даже дзен-буддизм не исключение.

«Евхаристический Сникерс»

В подвальное помещение на Парковой, 28 ведут около десяти ступенек. Нырнув под козырёк с надписью «Дом Божией Матери» и пройдя ступеньки, упираешься лбом в железную дверь с врезанным стеклянным глазком наблюдения. Сбоку электрический звонок. Над дверью висит православная икона Богородицы, Божия Мать изображена со сложенными на груди руками. Под иконой длинная надпись: «Истинно-Православная Катакомбная Церковь Божией Матери Державная».

За дверью широкий коридор весь в белом кафеле. В конце коридора возвышение, как бы пьедестал. На пьедестале статуя Девы Марии. В полумраке подвального коридора мне кажется, что от Девы Марии исходит мягкое всепрощающее сияние нежного голубого цвета. Сияние «Вечной Женственности». Да, вот так, только ещё загадочнее должна сиять Звента-Свентана Даниила Андреева!

В полумраке коридора толпятся богородичные сестры в белых платочках. Сестры ждут Епифания.

– Слава Марии, – радостно кричат сестры, увидев Епифания.

– Слава Матери Божией, дорогие наши сестры, – сдержанно здоровается Епифаний.

Сестры вежливо пропускают меня с Епифанием вперёд.

– Дорогие сестры, – говорит Епифаний, – это друг нашего Ярослава, брат Вадим. Покажите ему, что у нас где. Через пять минут будем начинать.

Епифаний уходит в длинный боковой коридор.

– Где тут у вас можно водички попить? – Это первое, что я спрашиваю у сестер...

Заполнив себя до отказа водой, разуюсь и вхожу в «богородичный» храм. Со стены напротив на меня смотрит изображение «Богомладенца Иисуса». «Богомладенец» один в один похож на маленького Кришну, как его рисуют в «кришнаитских» книгах. Первый раз я увидел «Богомладенца Иисуса» у Витамина дома. Я так и подумал – маленький Кришна. Каково же было моё удивление, когда Витамин мне сообщил, что это не Кришна. Это маленький Иисус.

Под «Богомладенцем» сидит Витамин. Сидит в позе «лотоса», лицом к алтарю, глаза закрыты, слегка покачивается. Лицо немного запрокинуто, хорошо виден огромный лоб и маленький нос. На лице у Витамина радостное, чуть-чуть дебильноватое выражение, как у пятилетнего ребенка, которому только что дали конфетку. Наверное, Витамина опять постигло мистическое видение. После окончания биоэнергетических курсов он стал необычайно медиумичен. Причем, может впасть в экстаз, как в медитации, так и накурившись марихуаны. Куда смотрит Епифаний! «Богородичники» же против восточной мистики, против медитации. Нет, не всё так просто. Вон и «Богомладенец», как Кришна, и сам храм почти как у «кришнаитов». Пол застелен мягкими ковровыми дорожками, так и распирает сесть на пол. Всюду статуи Девы Марии. Кое-где, под низким подвальным потолком, маленькие окошки вровень с поверхностью земли. Сочится мягкий, рассеянный свет. В глубине храма возвышается алтарь. В полумраке на алтаре белеют статуи Девы Марии, Иосифа Обручника с «Богомладенцем» на руках. В середине алтаря, и на самом верху (алтарь чем-то отдалённо похож на пирамиду с несколькими ступенями), большая православная икона. Из «богородичных» книг я знаю, что икона называется «Державная». Рядом с иконой портреты императора–страстотерпца Николая II и императрицы Александры. Чуть поодаль, портрет всей царской семьи.

Перед алтарём появляется Епифаний, ноль внимания на Витамина! Правда, Витамин уже отчасти вышел из медитации, разминает шею. В храм бесшумно входят сестры. Сестёр не много и они сразу рассеиваются вдоль стен храма. Никто не садится, только один Витамин так и сидит, скрестив ноги. Появляются два брата. Один брат низенький, худой, лысенький и в очках. Какая-то помесь интеллигента с эком. Второй брат кажется мне знакомым. Приглядываюсь повнимательней – да, это же Анатолий из общины Николая! Последователь Порфирия Иванова. Только теперь он отпустил бородку, бородка кстати, козлиная. Анатолий узнает меня:

– Хорошо, Вадим, что Вы пришли к Божией Матери! – Гремит

Анатолий на весь храм. Все, конечно же, смотрят на меня. Анатолий продолжает:

– «Роза Мира» – это только один луч Истины. А Матерь Божия – целое солнце Истины! Хорошо, что Вы это поняли, Вадим!

– Да, – говорю я, – Богоматерь, само собой, больше Даниила Андреева.

– Вот видите, почему я не в общине «Розы Мира», почему я здесь, в Доме Божией Матери.

– Конечно-конечно, – поспешно отвечаю я, глупо улыбаюсь. Мне не нравится, что на меня все смотрят. Ведь я же с перепоя, у меня лицо красное, у меня уши горят, и голос хриплый, как у разбойника. Ищу глазами медитирующего брата Ярослава. Ага, Витамин уже успел подняться с пола и как все стоит, прислонившись спиной к стене храма. Тихо подхожу к Витамину и спрашиваю:

– Ну, что, видел что-нибудь?

– Нет, чувак, – весело отвечает Витамин, – конкретно ничего не видел, только очень много яркого света было. И очень хорошо на душе.

– Да, – вздыхаю я, – здесь чувствуется положительная энергия.

Епифаний вздымает руки к потолку. Призывает благодать и покров Небесной Госпожи Марии. Начинается длинная, четырёхчасовая служба. Запомнил её, как в тумане. Вначале читали что-то длинное и монотонное. Какой-то католический свод молитв под названием «Розарий». Потом была литургия Иоанна Златоуста на современном русском. В «богородичном» исполнении она весьма отличается от того, что я видел в православных храмах. У того же отца Олега. Мы то становились на колени, то, по-рыцарски, на одно колено, то вообще садились на колени и застывали в короткой медитации. Иногда мы брались за руки, водили хороводы с песнопениями, посвященными Матери Божией. Или делали нечто вроде зарядки. Творили «пластическую молитву», как сказал Епифаний. Епифаний, кстати, раза три произносил длинные проповеди. Проповеди мы слушали стоя, опершись спиной о

холодную стену подвала. Слушать проповеди сидя не рекомендуется – душа входит в блудный сон, в прострацию. Проповеди у Епифания, честно сказать, слабоватые! Ни о чем. Скучные проповеди, ни в голове, ни в сердце ничего не отложилось. Нет, не сравнимо с проповедями, которые Николай произносил. Но какая у «богородичников» насыщенная духовная практика, служение! Этого как раз всегда не хватало Николаю. Пока шла служба, с меня, наверное, десять потов сошло. Раза три бегал пить и умываться. При этом внутри было какое-то странное ощущение холода. Возможно, так в жару действует «богородичная» благодать. Холодит.

Наконец-то Епифаний объявляет, что сейчас состоится Причастие. Я уже от отца Олега знаю, что Причастие всегда в конце литургии. Только вот причаститься у отца Олега было непросто. Я даже и не пытался. Михаил, помню, причащался. Ещё с вечера исповедывался, не ел ни пил, специальное правило вычитывал. «Богородичная Церковь» руководится иным принципом: Причастие всем и даром!» Не надо никакой изнурительной подготовки, пришёл, принял участие в службе, причастился.

После Причастия Епифаний выносит небольшой поднос. На подносе кусочки шоколада.

– Братья и сестры, – улыбается Епифаний, – «Евхаристический Сникерс». Угощайтесь.

Жую сухим ртом кусок «Сникерса». «Боже мой, какая это мерзость!» Орехи залиты во что-то липкое и тягучее, сверху тонкий слой шоколада. Кусок американского «Сникерса» прилипает к воспалённым сухим дёснам. Приторно-сладкий вкус вызывает тошноту. Запил «Сникерс» водой. Но во рту ещё долго ощущался неприятный осадок. И даже какое-то легкое жжение.

Выходим с Витамином на свежий воздух. Вдыхаю полной грудью, чувствую себя новым человеком. С души словно бы спали давящие оковы. Настроение внутри радостное, возбужденное, боевое настроение! Закрываю глаза, и в мозгах сразу гремит – слава Марии, слава Марии, слава Марии!

Даже и не верится, что ещё вчера, в пьяном угаре, я

жаловался Витамину на полный жизненный тупик и на отсутствие всякого желания жить дальше. А Витамин, разливая остатки «Кремлёвской», долго говорил мне о «родовой программе» человека, и о том, что во всех наших грехах виновата земная мать. Через неё передаётся нам греховная родовая программа, идущая от самой праматери Евы. А потом Витамин предложил мне сходить на Парковую, 28. Туда, куда мы как раз с Иваном собирались. Но Иван опять исчез. Перед исчезновением Иван снова постился и во время поста заезжал к Витамину. Витамину он и оставил адрес местных «богородичников».

Отцы

Час назад были с Витамином на «литургии преображенных воздушных». Видел вернувшихся из Москвы отцов. Их трое. Они энергичны, радостны. Пять часов служили, потом ещё час читали откровения Божией Матери Владыке Иоанну. И ни капли усталости!

Из всех троих больше всего мне запомнился отец Василий. Он похож на православного старца (как в своих книгах их «богородичники» рисуют): седая борода на моложавом лице, глаза голубые с сумасшедшим таким юродивым блеском. Смотрят на тебя и мимо тебя. Короче, всё в нём не от мира сего.

Отец Василий поразил меня своей добротой – всех принимает, всех любит любовью Божией Матери. Да, такой не осудит брата своего. И за материальными ценностями гоняться не будет, возводить себе, например, гараж двухэтажный. Отец Василий, как и другие «богородичные» отцы, – монах, у него нет ничего своего.

Витамин рассказал мне, что отец Василий родом из Закарпатья. И что он ненавидит коммунистов. Дед отца Василия долго сидел при Сталине по лагерям. Товарищей чекистов боялся до самой смерти. Ну а сам Василий при Брежневке сидел в «дурдоме».

Однако старший, среди отцов, не Василий из Закарпатья (была бы моя воля, я бы его обязательно сделал старшим). Но главным здесь другой, отец Василий – высокий, худой, подвижный, выглядит очень аскетично. Однако не столь любвеобилен, как первый, Василий. Больше всего мне не понравились глаза старшего из отцов: черные, маленькие, какие-то недобрые. И лицо – сухое, колючее, чересчур постное. Родом второй отец Василий из Белоруссии.

Отец Тихон почти что местный. Из славного города Одессы. Тихон загорелый, кучерявый, борода густым черным клином. В «богородичном облачении» он напоминает мне древнего иудейского священнослужителя. Отец Тихон самый молодой из отцов. Но самую запоминающуюся проповедь, на «литургии преображенных воздухов», произнес именно он. Проповедь была о том, как нас любят наши Небесные Родители – Иисус и Мария, Матерь Иисуса. Собственно, сама проповедь, в интеллектуальном смысле, оставляла желать лучшего. Отец Тихон говорил очень эмоционально, прыгал с пятое на десятое. Поэтому проповедь не отложились в мозгах. Но то, что было в конце проповеди, запомнилось надолго. Отец Тихон вдруг заплакал. Следом заплакали некоторые из сестер. Меня, признаться, тоже «прошибло». Долго потом в глазах стояла фигура отца Тихона, сгорбленная, всхлипывающая, с прижатыми к груди руками.

«Прощай, греховная жизнь!»

Самое интересное произошло по окончанию «литургии преображенных воздухов». Вышел отец Василий, тот, что из Белоруссии, и сделал два объявления. Первое объявление касалось какой-то новой обители, где-то под Москвой. И что, мол, туда срочно требуются братья. Второе объявление было интересней. Оказывается, «Богородичный Центр» открывает в Москве «Духовную Академию». В академии будут готовить на бакалавров богословия. Желаящие получить богословское

образование уже этой осенью сдадут вступительные экзамены. А в марте следующего года будет очень большой собор в Москве. После собора начнутся занятия в академии. Будет сдача первой сессии, и потом заочники останутся в Москве. Дабы продолжить учёбу очно.

Второе объявление меня дико обрадовало. Ещё вчера «Богородичный Центр» в своих книжках заявлял, мол, официальное богословское образование ни к чему. Матерь Божия и так, без образования, все, что надо, в сердце вложит. Как мне не нравилась подобная позиция. Как от неё разлило каким-то узколобым фанатизмом. И вот, «богородичники» смогли наступить своим принципам на горло. Если так будет идти дело дальше, они точно станут предтечами «Розы Мира».

С мыслями об академии покидаю храм. Обувшись, выхожу в коридор. Ищу глазами Витамина. Витамина нигде нет. Выхожу из подвала на свежий воздух. И на улице нет Витамина. А Витамин мне нужен. Хотел у него сегодня переночевать, поделиться последними впечатлениями. Возвращаюсь в подвал. Там сталкиваюсь с сияющим Епифанием:

– Вадим, Вы слышали про академию?! Вот это благодать! – Епифаний тискает в руках иерейский крест. – Кстати, брат Вадим, а Вы сами не желаете попробовать поступить в академию?

– Я?!... Не знаю... Ещё не решил.

– Поступайте, – уверенно говорит Епифаний, – Матерь Божия Вас благословляет. У Вас же склонность к богословию. Это по вам видно. Поступайте! Поедете в Москву. Будете учиться в Москве! В центре событий. Потом ещё и благословитесь сан принять. Вадим, не упустите шанс! Я бы на вашем месте не раздумывал. Кстати, я тоже в академию поступаю, – Епифаний заговорчески мне подмигнул. – Вот только не знаю, отпустят ли меня в Москву, – Епифаний вздохнул.

«В Москву» – загорелось в моих мозгах. «Действительно, а вдруг сама Матерь Божия дает мне последний шанс начать новую жизнь. В России. В Москве. Бакалавром богословия! А там, может, сан приму. А там и «Роза Мира» начнется!»

– Согласен, – говорю я Епифанию, – только вот как поступать. Что сдавать? Какие книги по богословию учить? Надо же сейчас начинать готовиться.

– Так Вы согласны?! Это главное! – Епифаний коротко взмахивает руками, видимо хочет их вознести к потолку, но в последний момент передумывает. – Насчет книг не беспокойтесь, как только станет ясно со вступительными экзаменами, я дам Вам все книги. Только Вы к нам почаще приходите.

– Постараюсь.

– Ну, хорошо, Вадим, – Епифаний крепко жмёт мне руку, – Ангела-Хранителя вам в ваших делах. Не передумайте.

Епифаний исчезает в таинственном боковом коридоре. Появляется возбужденный Витамин. Из того самого коридора появляется, в который только что Епифаний нырнул.

– Чувак! – Кричит Витамин на весь коридор, – ой, то есть, брат Вадим, меня благословили!

Витамин хватает меня за рукав, тащит на улицу:

– Всё расскажу на свежем воздухе!

Вышли на свежий воздух. Витамин закурил и говорит:

– Всё, Вадик. Кончился Витамин.

– То есть?

– Меня благословили. Понимаешь?! Я завтра вечером в Москву еду. Вместе с сестрой Кристиной. В ту самую обитель, в которую требуются братья. В общем, всё! Прощай, греховная жизнь! Как говорится, рок-н-ролл мертв, а мы ещё повоюем, хе-хе!

«Родовой поток»

Сiju у Витамина дома. Листаю «Исповедь поколения» и «Родовой поток». Книги изданы в самом начале 90-х. «Богородичный Центр» тогда был совсем не тот, что сейчас. Витамин, со слов Вячеслава (так зовут брата, в очках, «интеллигентного ээка»), только что мне рассказывал про ранний «Богородичный Центр». Мол, тогда, в начале 90-х, было

время прямого присутствия Матери Божией, небесных сил, время «сплошных чудес». Братья спали по два, по три часа в сутки и не уставали. Сестры спали ещё меньше. Сестры замаливали свои родовые грехи. По ночам. Отцы, во время соборов, не спали вообще. Так, постоят, опершись о стеночку минут пятнадцать и снова служить Небесной Матери Марии. И так круглые сутки. Такая благодать! Деревянные кресты ломались в руках «богородичных» отцов. Аппаратура на соборах не выдерживала, горела. А люди исцелялись! Хромые отбрасывали костыли и начинали бегать, славить Матерь Божию! О, чего только не было! Статуи Матери Божией мироточили, кресты мироточили! А сколько откровений Матери Божией народу российскому тогда было издано. Ну и постепенно воздуха над Россией стали очищаться. Теперь другие времена. Россия худо-бедно начинает каяться. Теперь время распространять по всему миру Российское откровение пророка Иоанна. Вот почему «Богородичный Центр» стал частью мирового «Марианского движения». Только, вот, – в этом месте Витамин скорбно вздохнул – чудес больше нет, братья стали расслабленные, нежные, эдакие маменькины сынки. Женщин слишком много в церковь пришло. Иные сестры хорошие, а иные совсем не каются, такие ведьмы! Вот, Вадик, и спрашивается, – Витамин снова вздохнул, – а не рано ли «богородичники» на полку такие прекрасные книги владыки Иоанна поставили, как «Исповедь поколения», или «Родовой поток»?..

Книги изрядно затерты, особенно «Родовой поток». Обложка «Родового потока» чем-то напоминает обложку одной кришнаитской книги о законе кармы. И там и тут на обложке нарисовано как человек рождается, идёт в детский сад, школу, институт, на работу, потом стареньким сидит в домашних тапочках у телевизора, потом умирает.

Интересно, чем Витамин эти книги взяли? Он же был полный анархист, панк, поклонник Егора Летова. И на тебе, теперь «богородичник». Наверное, радикализмом?

Да, конечно же, радикализмом, как я раньше не догадался!

Сокрушением привычных устоев, общепризнанных этических норм, запретов, ради некоей абсолютной истины. (Опасное занятие, но да ладно, меня испортил Даниил Андреев). Возьмём, к примеру, «Родовой поток». В обществе на протяжении веков принято считать, что мать – почти святое понятие. Ничего подобного! – говорят «богородичники». – Никакая она не святая. Напротив, чаще всего наши матери оказываются сущими ведьмами. Через мать на мужчину падает родовое проклятие. Мужчины, целиком подпавшие под власть своих матерей становятся женоподобными маменьками сынками, они не то, что святыми стать не могут, они вообще ничего не могут. Вывод: отрекись от земной матери, прокляни её, приди к Матери Небесной, Марии и Она приведёт тебя к Христу. Вроде, всё верно, но как сокрушающе-злобно звучит: отрекись, прокляни. Думаю, именно эти мотивы и зацепили Витамина. Ведь, почти то же самое делает и Егор Летов в своих песнях. Естественно, Егор не зовёт Россию каяться, но, что-то совпадает внутренне в его песнях с ранними «богородичными» книгами, тот же надрыв, та же ярость в сокрушении устоев и ненависть ко всему советскому, «краснозадому», «краснодраконовскому» быту. Даже ощущения схожие. Когда впервые услышал Летова, побежали мурашки по спине, и когда «Родовой поток» читал, тоже мурашки по спине бежали.

Входит Витамин с сигаретой в зубах. Берёт «Исповедь поколения», листает, говорит:

– Теперь понимаешь, чувак, почему мне надо срочно ехать в Москву, в монастырь. С такой родовой программой, как у меня, только в монастыре можно спастись.

– А в академию не хочешь со мной вместе поступить? Потом бы вместе поехали б, в Москву.

Витамин рассеянно стряхивает пепел на пол, смотрит на меня и мимо меня, говорит:

– Ты знаешь, нет. Не хочу никаких теорий, только практика!

– Слушай, – спрашиваю я Витамина, – а у тебя, что, серьёзно, мать ведьма?

– Ха, ты ещё спрашиваешь! Ты же видел, что у неё в квартире

творится. Два балкона тюками завалены, баулами, шкафы забиты шмотками. Половина вещей на фиг не нужна. То есть, полный «вещизм». А на курсы биоэнергетические как меня отдала?! Ещё и настояла, чтобы я их непременно закончил. А как в детстве колдовала. Что со мной творилось. Меня то разносило, то я худел, то опять разносило. А сколько времени я по больницам провёл... Ты ещё спрашиваешь, – Витамин смахнул пьяную слезу, разлил «Кремлёвскую», – давай, брат, кончать с родовым потоком, с этим проклятием, с этими пьянками, с этим родовым гипнозом, когда не хочешь, а делаешь. И сдыхаешь под забором ни за что, ни про что. Не знаю, как ты, может и поступиай в академию, а такому проклятому, как я, одна дорога, в монастырь, под Покров Матеньки Божией. – Витамин снова смахнул слезу, поднял стопку с водкой, – ну, всё, брат Вадим, мне пора. Выпьем за то, что мне давно пора валить отсюда.

«Прощай, Витамин!»

Провожая Витамина на московский поезд. Стоим у главного входа в вокзал, ждем сестру Кристину. Наблюдаем как таксисты едва не ловят за руки выходящих из вокзала людей с дорожными сумками, наперебой предлагают свои услуги. Кричат, как цыгане. Матерятся друг с другом. Витамин курит одну за другой, нервничает. Сестра Кристина опаздывает, уже давно подали московский поезд, а Кристины всё нет. Когда Витамин нервничает по-настоящему, он малоразговорчив. Стоим, молчим, вдруг Витамин говорит:

– Кстати, я же Ивана видел.

– Давно?!

– Недели две назад.

– Чего молчал?

– Забыл. – Витамин закуривает очередную сигарету, – представляешь, только сегодня утром вспомнил.

– Ну и как он?

– О, у него большие перемены в жизни. Иван у нас теперь

украинский поп.

– Иван стал попом?! Когда?!

– Да, стал попом, – задумчиво говорит Витамин и смотрит в сторону привокзального биг-борда с рекламой сигарет «Мальборо». – Настоящим попом. Украинская Православная Церковь Киевского Патриархата. Хе-хе. Не понимаю, зачем Ивану красно-драконовская церковь? Да ещё её украинский вариант. Валил бы со мной. Короче, – Витамин выкидывает окурки и вручает мне пачку сигарет, – дарю, кури, а я уже свое откурил. Ещё, там тебе от отца Ивана записка. Потом прочтёшь. Я её в пачку с сигаретами вложил.

Кладу пачку с сигаретами в карман, размышляю:

Иван стал попом. Впрочем, что здесь удивительного? Ему же был сильнейший мистический сон. Сам Иисус Христос ему явился во сне. Как же, помню – сердце у Ивана чуть от боли и блаженства не разорвалось. А дело было в оранжевой пустыне. Возможно, даже и на Марсе. После такого сна можно претендовать и на священство. Только с трудом представляю Ивана традиционным батюшкой. Ещё и в украинской церкви. Нет, украинцем Ивана вообще не представляю...

– Вот и Кристина, – Витамин улыбается, машет рукой в сторону небритого американского ковбоя рекламирующего сигареты «Мальборо». Вижу запыхавшуюся крупную женщину лет сорока. На женщине легкая летняя блузка белого цвета и широкая, до пят, синяя юбка. Юбка чем-то напоминает подрачник.

– Слава Матери Божией! Добралась. Простите меня, грешную, ох, чуть не опоздала...

До отправления поезда считанные минуты. Совсем запыхавшаяся сестра Кристина вваливается в вагон, выдыхает:

– Покров вам Матери Божией, брат Вадим, спасибо, что помогли, приезжайте на собор. – Кристина небрежно машет мне рукой, – слава Марии! – Скрывается в недрах вагона. Витамин остаётся в тамбуре. Прощаемся. Желая Витамину счастливого пути, обещаю приехать на собор в марте следующего года. Поезд трогается. Витамин машет мне рукой, потом громко

говорит, как бы сам себе – Витамин, прощай!..Всё, больше нет Витамина! – Крестится.

Долго стою на опустевшем перроне. Жутко хочется сесть в поезд и вслед за братом Ярославом уехать в Москву, в Россию. Или просто уехать куда-нибудь подальше. Прочь, прочь от бесперспективности жизни, от никчёмности жизни, от нищеты. Тягучая тоска постепенно наваливается на душу – в Москву, еду в Москву, решено. Поступаю в академию и еду в Москву! Иначе точно помру от тоски и душевной прострации!

Приехав разворачиваю записку Ивана. На тетрадном листе крупным немного детским почерком было написано:

Брат, благословение Господа Нашего Иисуса Христа да пребудет с Тобой! В конце мая этого года меня рукоположили во диаконы. Рукополагали меня на «Садовой». Там недавно открылась Украинская Православная церковь. В начале июля я стал иереем. Рукополагали там же. Потом дали приход в области. Видел Витамина, передал ему эту записку. Витамина зарубило на «Богородичном Центре» – я рад за него! Брат, буду в августе, в городе, позвоню. Всё расскажу.

С любовью о Иисусе Христе.

Иван.

«Пан отец»

Тупо созерцаю американское кафе под названием «Дикси-Барбекю». Причудливое двухэтажное здание, выполненное в средневековом готическом стиле: какие-то башенки, теремки, мрачные зубцы на стенах. Внутри здания (если верить тому, что написано на огромном рекламном щите перед входом) полная Америка: американская кухня, официанты в ковбойских шляпах, живая джазовая музыка. «Дикси-Барбекю» – это то, что с некоторым трудом и очень постепенно выросло на месте древнего городского пустыря. В день, когда открывали американское кафе, один городской чиновник сказал по местному «телебаченью» – теперь украинцы лучше поймут Америку, и американцы будут

знать, что на Украине живут нормальные, цивилизованные люди.

Сижу вместе с отцом Иваном в летнем кафе. Под грибком. В двухстах метрах от нас гостиница «Украина» Только её почти не видно. Вид на «Украину» заслонил американский «Дикси-Барбекю».

Отец Иван задумчиво чешет густую черную бороду. Иван напоминает мне чеченского боевика и иудейского раввина в одном лице. Раввина бородой, а чеченца – основательным южным загаром.

– Я так теперь не люблю о себе рассказывать, – говорит мне отец Иван. – Я и раньше не любил, а теперь особенно не люблю...Ладно, сперва за встречу.

Чокаемся «Адмиральским» пивом. Молчим минуту, две.

– Помнишь, как мне Иисус Христос приснился?

– Угу.

– Пошёл я к Николаю, тогда, после тебя, – говорит отец Иван и вдруг заливается тихим беззвучным смехом. – Брат, это смешно, просто, вспоминать. Такой дурдом! Николай говорит: «Ты родился свыше». Потом говорит: «Нет, ты не родился свыше». Потом говорит: «Сон от дьявола, потому как в сердце было томление, а томления быть не должно. Должна быть только радость, когда Дух Святой сходит».

В общине на тему моего сна чуть раскола не случилось. Часть общины встало на мою сторону, мол, сон от Святого Духа. Николай не прав. И вообще, если и дальше будет продолжаться такая духовная узурпация власти, мы все уйдём к «богородичникам». Вслед за Константином и Анатолием. Николай поначалу перепугался, что общину потеряет, но я его заверил, что мне на фиг его власть не нужна. Мне никакая власть не нужна, кроме Божией власти. Ты знаешь – я старый «Товарищ Никто». Короче, кое-как дело с моим сном замаялось, только чувствую я, не всё так просто. Чувствую, что Николай на меня «зуб» конкретный имеет. И точно. Проходит буквально месяц, и у меня жена забеременела.

– Ого, когда же ты жениться успел?

– А, брат, – машет рукой Иван, – не это главное. Короче, жена

забеременела, а средств к существованию никаких! Что делать? Пришел я к Николаю, говорю, помоги, жена беременная, устрой, куда-нибудь на работу по своим каналам. У тебя же работают ребята из общины. А он мне говорит, устрой, только бросай жену и приходи ко мне в общину жить, и я тебя на очень хорошую работу устрой. Я говорю, как же я жену брошу, она ведь у меня скоро родить должна? И тут Николай выдаёт: кто должна родить, жена? Жена ничего не должна, рожает мужчина, ну, в духовном плане. Возьми, говорит, Библию и прочти: Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его... Короче, целый час он мне свой бред молот, говорил, что если я хоть немного человек духовный, то должен без сожаления жену бросить. О жене, мол, Бог позаботится. Я отказался жену бросать, он отказался мне помочь. Так мы с ним расстались навсегда. А потом я постился двенадцать дней и очень сильно молился: «что мне делать, что мне делать, Господи помоги, помогите силы света!» А потом как-то всё само собой случилось. Думаешь, я планировал в украинскую церковь идти, с классическим русским именем и русской фамилией?! Нет, конечно. Просто, ситуация у меня была полностью тупиковая, надо было выжить. И Бог не оставил меня! Представляешь, встречаю около своего дома Михаила, ну, того самого художника, что с отцом Олегом тебя познакомил. Михаил как узнал, что я уже одиннадцать дней пью только минеральную воду и, что у меня полный жизненный тупик, сразу же предложил идти к отцу Олегу. Прямо ночью, пешком. Вот мы и пошли. В миссионерском центре мой пост закончился, отец Олег меня благословил, но материально никак не помог. Строительства у него сейчас никакого, это после двухэтажного гаража, и с финансами, якобы, плоховато. И вдруг ситуация разрешается самым неожиданным образом. Подходит ко мне какой-то брат, которого я раньше у отца Олега не видел, отводит меня в сторонку и говорит: есть выход. У одного батюшки, в соседнем районе, церковь спалили. Ему сейчас срочно требуется человек, который и по строительству бы мог, и сторожем. Короче, езжай, не пожалеешь. Я и поехал. По приезду

выяснилось, что зовут священника на украинский манер отец Микита, а фамилия, умора, Чуданович. Нет, ты врубись, Чу-да-но-вич!

Отец Иван хохочет на всё летнее кафе. Отхохотав в три глотка приканчивает «Адмиральское». Берём ещё по пиву. Отец Иван продолжает:

– Этот Чуданович, действительно, чудо. Такой весь из себя юродивый. У него церковь спалили, а он ходит, хи-хи-хи, ха-ха-ха. То есть, человек в Духе Божиим, понимает: Бог дал, Бог взял. Представь, у того же отца Олега церковь бы спалили, ходил бы он – хи-хи-хи, ха-ха-ха?

Пытаюсь представить, что бы делал отец Олег, если бы у него спалили церковь. Непредставимо.

Отец Иван отхлебнул пиво и продолжил:

– Правда, церковь ему за политику спалили. Отец Микита хоть и юродивый, но националист страшный. Разговаривает со всеми на чистейшем украинском, ещё и с западенским акцентом. Ещё и активный член местного «Руха». «Рух» – это партия украинских националистов, слышал, наверное?... Не слышал, услышишь. Раньше «руховцы» были больше на Западной Украине. Но последние годы «Рух» и на нашей земле растёт, неплохо растёт, как гриб после дождя. Брат, за «Рухом» будущее. Там такие финансовые вливания: из Европы, из Канады. Короче, решил Чуданович в депутаты от «Руха» баллотироваться. Тут ему церковь и спалили. Впрочем, снаружи-то храм целый, так внутри частично обгорел. Поэтому всё быстро восстановили. Целая бригада из Западной Украины приехала, быстренько всё подмазали, подкрасили. А я остался у Микиты сторожем. Стал помогать по службе. Служба частично на украинском, частично на церковно-славянском. Националисты, просто, ещё не все «требники» успели перевести. Вот, помогаю я Миките по службе, и всё так легко даётся. Просто, чувствую Божие благословение на себе. Украинский язык с ходу освоил. Заговорил на украинском один в один, как Микита. «Западенцы», что к Чудановичу приезжали, с ходу меня за своего принимали. Никому и в голову не приходило, что я

русский...

– Слушай, – перебиваю я отца Ивана, – а долго ты на украинском говорить учился?

– Ну, пару недель.

– Быть того не может!..Ещё и на западно-украинском диалекте!.. Слушай, а может у тебя предки оттуда, ну, с Западной Украины? А ты всем «лапшу на уши вешаешь», что, мол, с Урала предки...Вообщем, гены у тебя, предрасположенность к западно-украинскому диалекту?

– Ага, – смеётся отец Иван, – гены геенны. Брат, нет у меня родни на Западной Украине! Все предки у меня из России! Просто, надо очень захотеть, понимаешь, почувствовать этот язык. Ну и актёрское мастерство, конечно, нужно. Вот, жена у меня «мову» плохо знает. Так я её боюсь на приход везти...Короче, отец Микита меня полюбил! Стал посылать в Москву за православной литературой...

– Куда, в Москву?! Это как же, в Москву! К «москалям» что ли, хе-хе. Хороший националист.

– Постой, брат, – отец Иван эмоционально выбрасывает вперед правую руку, – постой, не всё так просто. Кстати, за то, что Микита православную литературу в Москве берёт, на него и свои националисты обижались. Идиоты! Где её ещё брать, в Канаде что ли?

– И что отец Микита?

– А, плевал он на них. Понимаешь, что мне особенно в Миките нравилось, и за что я прощал его «руховскую» политику, а ты знаешь, я политику ненавижу; так это то, что он настоящий поп-анархист. То есть, Микита больше игрался в политику, хотя националистом он был искренним, но что касается вопросов религии, он не признавал никаких земных авторитетов. Ну, конечно, начинал он, как все старые попы, с Московской Патриархии. Потому как при «совке» она была основной. Но как только стало можно на Украине, в перестройку, прекратил поминать Московского Патриарха. Стал поминать Вселенского Патриарха, ну, Константинопольского. А потом, когда Константинопольский Патриарх церковный раскол

на Украине не признал, перестал и его помянуть. А самое интересное, что в результате раскола у Украины появился свой патриархат и патриарх Филарет. Своя украинская церковь, священником которой я и являюсь. Однако Микита так и не примкнул к «филаретовцам». Хотя и пользуется среди них большим авторитетом, но ведь не примкнул. Анархист, говорю тебе, поп-анархист. Рок-н-ролл, короче, полный..

Отец Иван шуршит новенькими украинскими гривнами. Берём ещё по «Адмиральскому».

– Слушай, а много в украинской церкви националистов?

– Почти все, – отвечает отец Иван, – почти все выходцы из Западных областей Украины. Просто, экспансия какая-то. Правда, националисты не такие клятые, как, например, в украинской автокефальной церкви. В украинской автокефальной, поп после службы снимает рясу и тут же митинг устраивает, прямо в церкви. В филаретовской церкви такого радикализма, конечно нет. Но службы стараются на украинском языке вести. Ну и есть ещё небольшой процент – перебежчики, или расстриги из Московского Патриархата. Причём попадают и напрямую попы из России. И все классно умеют на «мове» говорить, не сразу и поймёшь, что человек из России. Так, что надо только захотеть.

– Слушай, и все равно я в толк никак не возьму, зачем ты в русскую церковь не пошёл, ну, в Московский Патриархат. Ты же русский?

Отец Иван морщится, как от зубной боли:

– Я русский, но меня отнюдь не зарубает на том, что я русский. Я, если хочешь знать, анти-националист. Брат, я гражданин мира. Это не поза, не интернационализм, ну...просто, вот я такой! Весь мир чувствую и принимаю. Брат, ведь это то же свойство русских, ассимилироваться. Посуди, разве не приколы, что меня клятые украинские «нацики» за своего принимают...А в Московский Патриархат, почему не пошел? Ну, не знаю, наверное, веру в Живого Бога боюсь потерять. Читал, что те же «богородичники» по поводу Московского Патриархата пишут?

– Ты имеешь в виду книгу «Волки в овечьей шкуре»?

– Ага, её.

– Читал, конечно. Да, многое в книге кажется верным, но думаю, что «богородичники» немного перегнули палку. Понимаешь, если в Московском Патриархате нет благодати, то кто тогда Россию духовно поднимать будет. Протестанты России чужды. «Богородичники», насколько я понимаю, пока ещё очень малочисленны. О «Розе Мира» вообще ещё ничего не слышно. Не знаю, я бы не торопился Московский Патриархат безблагодатным объявлять. Тут ещё разобраться надо с «Декларацией» митрополита Сергия, с 27-м годом, тут не всё так просто. К тому же Православие Московского Патриархата, религия, как не крути, всенародная. И утверждение Береславского о безблагодатности Церкви как-то немного обидно даже для меня звучит. Как человека из России. Понимаешь, Церковь безблагодатная, потом скажут, что русские вообще не знают Бога, и вообще, родиться русским – это великое преступление. Поэтому надо всячески скрывать, что ты русский. А если на Украине живёшь, то всем говори, что украинец.

– Ага, – смеется отец Иван, – скажут ещё, что все русские святые были на самом деле украинцами. Брат, да, что ты так переживаешь! Россия никуда не денется. Естественно, есть и в России глубоко верующие люди. И я сам таких встречал в Троице-Сергиевой Лавре, например. Когда за литературой ездил. Понимаешь, но, сама Патриархия – это огромный бюрократический аппарат, очень тяжеловесный. Живой дух, брат, живую жизнь в Боге, на мой взгляд, почти невозможно сохранить! Кругом догматы, каноны, типиконы и никакой жизни! Одна мамона. Вспомни того же отца Олега с его бизнесом. В украинской церкви пока такого нет. Пока. Пройдет лет десять, и в Киевском Патриархате будет, как в Московском. Дух закоснеет. А пока «филаретовцы» проходят ту фазу, которую я люблю, понимаешь, рождение чего-то нового, когда праздник, когда кураж возможен, когда можно максимально проявиться. Вот, смотри, я попом у Филарета меньше чем за

полгода стал. А в Московской Патриархии заставили бы четыре года в семинарии учиться и после этого ещё неизвестно, рукоположили ли. А у меня жене скоро рожать. И существовать на что-то надо. Я не могу четыре года ждать. А тут Микита уже напрямую намекает, насчет рукоположения в Киевском Патриархате. Я сперва колебался. А Микита мне прямо говорит: у тебя же жена скоро рождает. Ты, что, на завод пойдёшь работать? А здесь я тебе хорошее сопроводительное письмо напишу, приедешь в город, побудешь месяц на «Садовой», и обязательно рукоположат. Им священники украинские позарез нужны, чтобы «москальских» попов выдавливать. Дадут приход, будешь, как кот в масле кататься. И я поехал. Да, перед отъездом мне ещё сон снился. Будто я из какого-то бассейна людей вылавливаю, а они будто бы там тонут. Я их ловлю, а они у меня снова из рук выскользывают. В бассейне ещё сгоревшие головешки плавают, как после пожара, и сзади меня церковь обгоревшая. А люди такие маленькие, как дети. Кстати, и ты мне снился, маленький такой, голенький, лысенький, пару раз у меня из рук выскользнул. Но тебя мне поймать удалось.

Отец Иван хохочет. Я озираюсь по сторонам:

– Что, так и снился?

– Да, – почти кричит отец Иван, – маленький ха-ха, голенький, лысенький, ха-ха!

Неприятное, тошнотворное чувство разливается во мне. Как только представил себя маленького и почему-то лысенького, в бассейне, с обгоревшими головешками, так сразу и затошнило.

– Слушай, давай о сне позже. Сон, определённо мистический. Но, ты, ты ещё не рассказал, как тебя рукоположили. Если не секрет, конечно?

– Не секрет, – говорит отец Иван, – приехал я на «Садовую», и через месяц меня, действительно рукоположили. Рукоположения своего тоже никогда не забуду. Особенно, когда в диакона рукополагали. Кстати, во время рукоположения никакой «мовы» не было. Всё на церковно-славянском, некоторые места на греческом. Никогда не забуду, встал я на колени, а надо мной по-гречески читают: аскиос, аскиос. Что значит, достоин. И тут

такая благодать на меня сошла, брат никогда ничего подобного не испытывал! Это непередаваемо. Целую неделю после рукоположения я под действием этой благодати ходил. Брат, целую неделю длилось это состояние!...И опять же, смотри, только в Московской Патриархии говорят, что Киевский Патриархат безблагодатный. Если он безблагодатный, то как же на меня благодать сошла?!

– Ну, да, – говорю я, – здесь ты прав, есть такая беда за Московской Патриархией, такая непримиримая позиция, мол, благодать только у нас.

– Брат, я больше скажу, только ты не обижайся. Я всё понимаю, брат, за Россией огромная миссия, планетарная, Россия встанет с колен, но это будет ещё не скоро. Да, глубоко верующие люди там есть, но их так мало на такие огромные пространства. Сравним с Украиной, давай. Ты знаешь, если на Украине все Православные Церкви соединить, там, «филаретовцев», автокефалистов, греко-католиков и украинский Московский Патриархат – приходов будет больше, чем в России. Брат, в России огромные пространства, но там и огромные духовные пустыни. Я в Москве от верующих людей слышал, что, например, в Башкирии, или на том же Алтае, откуда у меня бабка родом, попы в полной нищете живут. В полной! Почему, да потому, что все вокруг пьют, никому ничего не надо. Одни колдуны процветают. Опять же, давай, сравним – дали мне приход в селе, где лютейшие переселенцы из Западной Украины живут. У меня пономарь, дедушка старенький, так он ещё отцу Степана Бендеры прислуживал. Я не шучу! Но какая вера, брат! В России очень сложно найти такую веру, как у западноукраинцев! Почему они нас и побеждают. Какое уважение к священству. По любому вопросу к священнику. Кажется, готовы на руках носить. И денег не жалеют. Свинью если кто заколол, лучший кусок батюшке. Вот это вера. В глаза смотрят, с любовью такой, и обращаются так ласково-ласково: пан отец, пан отец, пан отец...Пойми, друг, брат, русский ты мой: Россия для нас кончилась. Мы на Украине. В чужом государстве! Надо смириться с тем, что мы в «незалежном»

государстве. Независимая Украина, це факт свершившийся, и чем быстрее мы это поймём, тем быстрее нормальной жизнью жить начнём.

«Пан отецъ» горько вздыхает, отодвигает от себя опустевший пивной бокал. Молчим. У меня на душе кошки скребут:

– Пошли, напьемся, пан отецъ, – говорю я Ивану. – А завтра, будем живы, «богородичников» посетим.

Московские записки

В Россию!

Утром 13 марта вышел я с дорожной сумкой за порог родного дома. Переступил черту новой, неведомой пока мне жизни. Попрощался с родными. Они знали, что я еду в Москву. Буду сдавать сессию в «Богородичной Академии Мира». А потом останусь в «Богородичном монастыре». Надолго. Может быть, навсегда. Впрочем, многое будет ещё зависеть от того, как быстро я найду людей «Розы Мира» в Москве. А если не найду? Заканчивать академию, зарубаться до конца жизни у «богородичников»? А если в Москве, в «Богородичном Центре», такие же невротики, как у нас в провинции? Если там так же братьев своих называют змеями и гонят прочь? Почему бы нет! «Откровение Матери Божией о змеях в церкви» пришло же из Москвы. От Береславского. Но как бы ни было, назад у меня пути нет. Прощай, прежняя жизнь! А там посмотрим.

Итак, что я знаю: через пару часов отъезжаем с Парковой, 28. По приезде в столицу три дня будет идти «Богородичный собор». Затем «соборяне» этим же автобусом отбудут обратно. А у меня сдача экзаменов. Потом «благословляюсь» у какого-нибудь «отца» в «монастырь».

Отъезд задерживается. Как здесь не выпить пива с подошедшим отцом Иваном. Батюшка подошёл благословить меня в дорогу и заодно взять статую Девы Марии для своего прихода. Оказывается, статуи Марии, отлитые нашими «богородичниками», идут в его западно-украинском селе «на ура». И «Розарий богородичный» его прихожане с удовольствием читают. «Богородичники» перевели «Розарий» на украинский язык, вот за этими книжечками и приехал отец Иван.

К отцу Ивану «богородичники» хорошо относятся. Прощают ему то, что он в «красно-драконовской» церкви. Тем более, «украинский вариант» не столь тяжёл, как «московский». В «богородичных» книгах пишут, что во время раскола к

Киевскому Патриархату перешла лишь незначительная часть грехов Московской Патриархии. Уже одно то, что на приходе отца Ивана читают «Розарий», вселяет «богородичникам» большую надежду. Как-то Епифаний мне прямо сказал, что со временем весь приход отца Ивана перейдет к ним. Сомневаюсь. Я хорошо знаю отца Ивана, он перейдет только в том случае, если сбудутся апокалиптические предсказания Береславского. Но тогда все станут «богородичниками». А пока я и сам не уверен, что долго смогу пробыть в «богородичной церкви»

– Знаешь, – говорю я отцу Ивану за пивом, – не верится как-то, что жизнь свою с «богородичниками» свяжу.

– Ты, главное, в столице тормознись, а там будет видно.

– Мне бы людей «Розы мира» найти, не может быть, чтобы их не было там, – неуверенно признаюсь я.

Отец Иван молчит, вертит в руках бутылку с пивом, потом вздыхает и говорит, – это было бы хорошо. Только, мне кажется, что время для «Розы Мира» ещё не пришло.

– А когда оно придёт?

– Думаю, когда с нас песок старческий посыплется, и нам ничего от этой жизни больше не надо будет, тогда и наступит «Роза Мира». А пока ты Витамина лучше поищи. А то мамочка его беспокоится, пропал сынок.

– Ладно, – говорю я, – кажется, подали автобус. А Витамина я поищу.

* * *

Из дорожных впечатлений память выхватывает фрагменты. Смирненные сёстры покачивают аккуратными, в платочках, головками. В такт молитве. Сияют «святые отцы». Микромир «Богородичного Центра» уютно уместился в салоне комфортабельного автобуса. Зелёные бачки с трапезой. Такие же, как были у нас в армии. Почти непрерывное чтение «Розария». В промежутках между чтением – песнопения, посвящённые Божией Матери. Иногда отцы произносят проповеди о вышней любви. И вот уже кажется, что все в автобусе любят друг друга вышней любовью. А то, что

«неправильных» братьев называли змеями, выгоняли их прочь с Парковой – в это верится с трудом. Может эти братья действительно были проклятыми.

Идиллия рушится на границе Украины. Нас держат почти пять часов. Не у всех в порядке документы. Двоих арестовывают и уводят в таможенное отделение. Происшедшее воспринимается «богородичниками» как козни сатаны. Отцы уходят вызволять братьев из рук мытарей. Оставшиеся братья и сёстры усиленно читают «Розарий». Через час арестованных приводят обратно. Потом опять уводят. Уже в милицию. Украинские таможенники нервничают. Не знают, что можно содрать со странных людей, у которых на переднем стекле автобуса красуются огромные портреты святого императора-страстотерпца Николая II и императрицы Александры. Наконец отпускают.

Российскую таможню проходим без проблем. Автобус останавливают прямо возле общественного туалета – одинокое странное здание посреди поля. Два брата, те самые, из-за которых возникли проблемы на Украинской границе, предусмотрительно прячутся в туалете, на момент проверки документов. Уже через полчаса мы в пути. Россия встречает нас холодом, снегом, зимой. И, конечно же, просторами. Так легко дышится!

Пейзаж за окном почти не изменился – та же лесостепь вперемежку с искусственными лесопосадками. Однообразные поля. Унылые, по-зимнему, села (или деревни). Заброшенные, недостроенные строения (такие же сюрреалистические здания я видел и на Украине), одиноко торчащие посреди поля и похожие на гнилые, обломанные зубы. И все равно, так легко дышится! Пространство России разливается глубоко внутри меня, в самой сердцевине души.

Россия! Я не был в России семь или даже восемь лет. Ничего не изменилось. Я по-прежнему люблю Россию!

Город

В Москву въезжаем с большим опозданием. Ночью. Огромный город тонет в неоновом свете реклам. Стреляет в глаза обнажёнными телами, губами, чулками, ковбоями, сигаретами, диванами. Новым образом жизни. Пространство неона пронизывают желтые спицы лучей. Чадят фонари и мигают фары ночных машин. И редкие, редкие прохожие. Москву не узнать. Последний раз я был в столице в начале 90-х. Тогда город был ещё по-советски серым. Он только начинал расцветаться неоновыми пятнами новой жизни. Теперь всё по-другому. Ночная Москва напоминает мне галлюцинирующего, под ЛСД, наркомана. Не знаю почему. «Богородичные» братья стыдливо выглядывают в окно. Рассматривают полуобнаженных красавиц на огромных бигбордах. Сестры притворяется спящим. Отцы пытаются молиться. Но тёмные контуры зданий надвигаются всё плотнее и плотнее. И вот уже пожирает нас сине-желтый бездонный тоннель.

Всё, наивные провинциалы. Ничего нет, помимо ночного города.

«Пророк» Божией Матери

Утром автобус подвозит нас к шикарному Дворцу Спорта. Памятнику позднесоветской «планетарной» архитектуры. По-быстрому выгружаемся из автобуса и почти бежим в чрево Дворца. (Скорее, скорее – опаздываем). В фойе не протолкнуться. Кипит бойкая торговля. Всюду расставлены столы с «богородичной» продукцией: аудио и видео кассеты, фотографии «пророка» Божией Матери архиепископа Иоанна, фотографии предыдущих соборов, статуи Девы Марии «Фатимской», «Розария» и т. д. Со стен свисают чёрные гроздья усилителей. Душераздирающий вопль несётся из них. Сдавленный, рыдающий шёпот:

– Дай пить!

И снова вопль:

– Жажду!!! Жажду!!! Жажду!!!

И рыдания:

– Деточки! Мамочка! Деточки! Мамочка! А-а-а-а! А-а-а-а!

Неприятные, холодные мурашки бегут по спине. Это с непривычки – успокаиваю я себя. Проталкиваюсь в зал. Огромный зал, наверное, тысяч на пять, забит людьми. Люди сидят, стоят в проходах. Чем ближе к сцене, тем плотнее толпа. Сама сцена окружена плотным кольцом соборян в причудливых монашеских одеяниях. Над людским морем одиноко парит человек с телекамерой. Чуть ли не посекундно пылают фотовспышки. В другом конце зала, на возвышении, просторная ложа с почётными гостями собора. На ней католические ксёндзы и даже один кардинал (если судить по красной шапочке на голове), какого-то полу-буддийского вида монахи, элегантно одетые господа. Видимо, спонсоры.

Пробиваюсь на максимально близкое расстояние к сцене. До неё метров тридцать. «Пророк» виден, как на ладони. Он рыдает, закрыв ладонями лицо. Я мучаюсь вопросом: настоящий ли это плач? Если да – тогда есть в этом что-то нездоровое. Рыдать перед объективами телекамер. Перед многотысячной толпой? Нет. В этом что-то не русское. У нас плач – дело келейное: ты и твои грехи.

Внезапно плач переходит в радость. Как у детей. Минуту назад плакал – и вдруг чему-то обрадовался. И забыл, что плакал. «Пророк» поднимает лицо. Кажется, на щеках у него, действительно слёзы. А может только кажется, в мареве электрических вспышек. Живой «пророк» немного разнится со своими бесчисленными фотоснимками в «богородичных» книгах. На фотоснимках он напоминал мне цыгана. А здесь, вылитый, просто «калерованный» еврей. Ум мой двоится:

Может ли еврей искренне плакать перед многотысячной толпой...Слушай, ты ждал этого собора полгода, а теперь стоишь здесь, «обсасываешь пророка»...Нет-нет, он блестящий артист, сыграл свой плач так искренне, что сам же в него и поверил...А тебя всегда страшили резкие голоса, эксцентричные

жесты, бурные эмоции. Сам то ты кто?...Уж не «семя ли я змея»?!... Всё, ни о чём больше не думать. Попытаться проникнуться «духовной атмосферой» собора...«Семя змея»! Какое дисциплинирующее изобретение «богородичных» отцов...А может, действительно правда, насчёт «семени змея»?

Неприятные воспоминания наваливаются на меня:

Всё началось в октябре прошлого года. Отцы ездили в Москву на день рождения «пророка» Божией Матери. Уж не знаю, что там с ними «пророк» сотворил, но по приезду отцов как подменили. Отцы приехали необычайно возбужденные и злобные. На первой же литургии было объявлено – в церковь проник змей! После этого начался жуткий спектакль. И кто его начал?! А начал всё «любезобильный» отец Василий из Закарпатья. Он выгнал «интеллигентного зэка» брата Вячеслава. Под видом того, что Вячеслав духовно обкрадывает своих братьев. Выгнал прямо во время литургии. Впрочем, и Вячеслав в долгу не остался. Вышел во двор и закатил жуткую истерику. На радость жильцам дома на Парковой, 28. После этого отец Василий, как взбесился. Помню, пришёл я на литургию вместе с Кришнаитом, знакомым Витамина. Он подбежал к Кришнаиту, толкнул его и спрашивает – ты кто?! Кришнаит подумал и сказал – Ну, человек. Отец Василий помолчал и спрашивает – ходишь к «кришнаитам»? Хожу – честно признался Кришнаит. Змей, вон!!! – Завопил отец Василий. Кришнаит захохотал и вышел вон. А у меня всё оборвалось внутри. В эту минуту я потерял веру в «богородичников». В то, что «богородичники» – предтечи «Розы Мира».

Начали выгонять сестёр. Причём, сами сестры сдавали друг друга, сводили свои мелочные счета. Помню, как одна сестра обвинила другую в том, что та якобы украла у неё 10 гривен. Отец Василий, тот, что из Белоруссии, вывел «воровку» на середину храма и заставил каяться. Со стороны всё это выглядело чудовищно – Кайся! Кайся! Кайся! – Визжал Василий. Каюсь, каюсь, каюсь, – захлебывалась слезами сестра. Всё это продолжалось минут пятнадцать, а потом Василий

объявил, что сестра так и не покаялась, потому что она «семя змея». С этого случая я почти перестал посещать «богородичников». Епифаний на меня обижался, но меня ноги не несли на Парковую, 28. Дурдом на Парковой продолжался до декабря. До тех пор, пока всех неугодных не выгнали. Тогда же, в декабре, стало известно, что меня зачислили в академию. Потом пришли учебники. В «Марианском катехизисе» я прочитал про «проклятых от семени змея», что они, мол, не Адамова рода. Не человеческого происхождения. «Проклятые от семени змея» приходят и незаконно воплощаются на Земле. Теоретически, их всего 5% на жителей Земли. Но ползут эти «гады» в «богородичную церковь святых». Искушать «святых» их прямая обязанность... Нет, не могу согласиться с «Марианским катехизисом». Тогда как же я собираюсь учиться в академии? А может, и я сам, того, «семя змея». В «катехизисе» сказано, что «змеи» начисто лишены видения своих грехов. И я свои грехи не очень-то хорошо вижу...

Одна из сестер с сияющим и одновременно заплаканным лицом больно толкает меня в бок. Брат, благодать-то какая, – томно стонет сестра – ангелы сжигают греховные свитки!

Странно, почему я не чувствую благодать? Ум мой опять двойится, Господи, так можно и до шизофрении дойти:

Не чувствуешь благодать, значит против Божией Матери? Значит «семя змея»!... Быть против Божией Матери?! Да, страшно даже подумать. Просто я пытаюсь разобраться, насколько Береславский Её пророк... Жалкий человечиска с хлипкими интеллигентными мозгами. Нет, он пытается разобраться. Вы только посмотрите на него. Да ты разуй глаза и посмотри, что вокруг происходит. Благодать-то какая! Всем грехи прощаются!...

Действительно. Сияющий «пророк» объявляет о прощении грехов всем присутствующим в зале. И о начале 15-го собора.

Собор

Собор начинается с долгой проповеди «пророка». Как я ни стараюсь, но проповедь отца Иоанна производит на меня впечатление гнетущее. В плане работы мысли она никакая. Скудость мысли с лихвой перекрывает богатство эмоций. Вся проповедь состоит как бы из ярких, но почти не связанных между собой картинок. Непонятно, о чём в целом речь. То говорилось о том, как Господь с полу-отрубленной головой ушёл в пустыню. То, что Он хотел уйти в пустыню в Гефсиманском саду. Но не ушёл. И как всё это прозревала и скорбела от того Пресвятая Дева. Но теперь Её власть над миром. И вдруг, речь уже идёт об императрице Александре. Так что непонятно: чья власть над миром? Пресвятой Девы или императрицы.

Голос у «пророка» высокий, почти женский, с придыханием и растягиванием согласных. Неприятный голос.

От нудной проповеди наваливается скука. Хочется курить. К тому же надо искать Витамина и людей «Розы Мира». Витамина в такой толпе найти будет непросто. Проще с людьми «Розы Мира». Нужен только бесплатный телефон. Или телефонная карточка, жетоны, думаю, здесь не катят. Я уже заметил, что телефоны-автоматы в Москве «навороченные», большие, синие и с кнопками, как на Западе. Только дорого, наверное, карточка стоит. А лишних денег нет. Так что лучше найти бесплатный телефон. И позвонить в «Фонд Даниила Андреева». Но если меня «пошлют»...Нет, об этом лучше не думать. Звонить мне больше некуда.

С трудом вытискиваюсь из зала. Первое, что радует, как «змея» – обилие скучающих людей в фойе. Их, конечно же, много меньше, чем в зале, но всё ж. Курилку устроили прямо в левом крыле гигантского фойе. Кого в ней только нет. Тусуются (иначе не назовёшь) волосатые «неформалы». Их пытаются выгнать какие-то подвыпившие «казачки», невесть откуда приехавшие на собор. Я мягко вступаю. Оказывается, мне можно тут стоять (у меня самого длинные волосы и борода). Я батюшка. Объясняю казачкам, что я не батюшка. Я студент

Духовной Академии. На что мне отвечают:

– Какая разница. Все равно будущий батюшка.

Пока мы спорим, неформалы исчезают. Зато появляется целая группа бритоголовых ребят какого-то дикого полукришнаитского, полу-неонацистского вида. В общем, не пойми кто. Теперь исчезают «казачки». Бегущие мимо «богородичники» бросают недоверчивые взгляды на «бритоголовых». Видимо, боятся мифических боевиков засланных батюшками из Московской Патриархии. «Богородичники» как дети. В зале хорошо. Там отцы. Там Россию спасти можно. А здесь от России бегут. А может, эти ребята и есть то самое «поколение блаженных», о которых так любит «пророк» говорить, обращаясь к молодым. Страх схлопотать по шее от «поколения блаженных» передаётся и мне. Затушив сигарету, иду в зал. Ищу глазами Витамина. Витамина нигде нет. Ищу телефон. И телефона нет. Настроение у меня падает. А ещё вчера такая радость была от встречи с Россией.

Наконец-то закончилась проповедь. Синтезатор тянет заунывную мелодию, и какая-то сестра поёт приятным томным голосом: «Я умираю от любви к Тебе, Иисусе. Моя безумная любовь. Иисусе – Агнец». Песнопение навевает чарующую тоску. Начинается литургия. На сцене появляется высоченный мужик с пышной русой бородой, в иерейском облачении. Из «богородичных» книг я знаю – это архиепископ Амвросий.

– Благослови, владыко, – гремит Амвросий густым диаконским басом.

– Благословенно царство... – откликается козлиным тенором «пророк».

Начинается «литургия» Иоанна Златоуста на современном русском языке. С добавлением целого коктейля из католических молитвословий, пластических «молитв», хороводов, танцев и многочисленных проповедей «пророка». Литургия тянется восемь с лишним часов. А сам собор идёт до позднего вечера.

Хоть убей, не могу восстановить в памяти единую картину собора. И раскрасить её чёрным или белым. Всё распадается на

мелкие, пёстрые лоскутки. У «богородичников» это считается отчасти мистическим состоянием. Мол, ангелы восхитили на небеса. Отняли рациональный ум. Где был – не помню.

А что всё же помню? Из проповедей «пророка» запомнились те, что направлены против врагов Божией матери (окультисты, масоны, батюшки из Московской Патриархии). В таких проповедях, помимо бьющей через край эмоции, прослеживается и логическая связь. Но больше всего поразило само чувство, что захватывало душу. Какое-то полузабытое, подростковое, злобно-весёлое состояние. Мол, знай наших. Мы вам ещё навалаем. А вот молитва за усопших произвела совсем иное впечатление: в зале гаснет свет, и тысячи свечей загораются в руках соборян. С десятков огоньков медленно, кругами, движутся по сцене. И молитва «Упокой, Господи, души усопших рабов твоих» уносит душу к берегам иным.

Боже, как пошло после молитвы за усопших выглядел сам «пророк». Какими неестественными были все эти хороводы и веселия «Новой Святой Руси». А святой император-страстотерпец Николай, в бутафорной мистерии, выглядел даже кощунственно. Во-первых, брат, которого подобрали на роль святого императора, совсем на Николая II не походил. Какой-то маленький толстенький еврейчик. Узнал, что его зовут Мелентий... Скукотища, ужасная мистерия.

Мистерия о некоем профессоре сектоведения Дворкине, что «приехал из Америка бороться с тоталитарные секта», была гораздо интересней. В финале тоталитарной сектой оказалась, конечно же, Русская Православная Церковь Московского Патриархата и «Богородица», в наказание, отправила самого профессора Дворкина на Марс. В тюремное заключение сроком на тысячу лет. Прямо голливудский фантастический боевик.

Первый день собора закончился чуть ли не в полночь. Витамина так и не нашёл.

Во второй день собора было, на мой взгляд, то же самое что и в первый день. Я опять искал Витамина и телефон. Витамина не нашёл, нашёл телефон, самый, что ни на есть нормальный

служебный телефон. Однако позвонить мне с него не пришлось. Дежуривший в фойе «богородичный» «на всю голову» брат сказал, что звонить с него не благословенно. Я обиделся и пошёл на улицу пить московское пиво. Пиво в Москве замечательное, очень много сортов. После пива собор воспринимался с юмором.

На третий день на собор вообще не пошёл. Остался в казарме, где мы остановились. Мучался от безделья.

Скорее бы закончился собор, и началась сдача экзаменов.

«Студенты»

Место нашей дислокации – воинская часть в районе метро «Беговая». Мы живём в пустых солдатских казармах. Спим на солдатских матрасах. Трапезу нам привозят в зелёных солдатских бачках. Во всём остальном обстановка далека от армейской. Кто-то молится, кто-то спит, кто-то расслабленно курит в умывальной комнате. Кто-то и навеселе немного. Несколько раз мелькают знакомые мне по Дворцу «казачки». «Богородичный Центр» – организация, в сравнении с теми же «Свидетелями Иеговы», малочисленная. Поэтому на соборах «богородичники» изо всех сил пытаются показать, что их много, уже вся Россия с ними. На самом деле, больше половины соборян не имеют к «богородичникам» никакого отношения. Это родственники родственников, знакомые знакомых, которых тянут за собой на собор, члены «богородичной церкви». Ибо чем больше привёл народу, тем лучше. Ну а родственники родственников и знакомые знакомых отнюдь не прочь съездить «на шару» в Москву.

Вавилонское столпотворение длится два дня. С окончанием собора толпа рассеивается. Казармы пустеют. Благостная атмосфера воцаряется в воинской части. Сессия «Духовной Академии Мира» (полное название «богородичной» академии) будет проходить прямо здесь. Лекции мы будем слушать, возлежа на матрасах. Как индусы. А в бывшей ленинской

комнате сдавать экзамены. Да, сессия будет странной. К тому же, с десятков студентов в академии пенсионного возраста. Это меня особенно поразило.

Среди будущих бакалавров богословия, числом не более тридцати человек, несколько бабулек от 60-ти и выше. Какой-то дедушка-пчеловод. Бывший экстрасенс, неопределенного возраста. Пожилой полковник, последователь Порфирия Иванова. Ещё несколько военных в отставке. Но это москвичи. В казарму они приходят только на сдачу экзаменов.

Дедушка-пчеловод (Божий одуванчик) добродушно смеётся. Всех зовёт к себе в деревню, отведать медка. В учебники почти не заглядывает. Бабушки, напротив, с утра до вечера зубрят «догматическое богословие», но ничего не понимают.

– Как же вы экзамены-то сдавать будете? – спрашиваю я.

– А, с Божьей помощью, – весело отвечают бабушки, – Мать Божья за нас сдаст.

Не сильно старается и бывший экстрасенс. В его ушах чёрные жучки наушников. На груди плеер. Вертится кассета. Закинув острую бородёнку к потолку, выпятив огромный кадык, экстрасенс лежит на матрасе. Слушает очередную проповедь «пророка». Рядом с ним целая гора «богородичных» кассет. Спрашиваю:

– Зачем Вам столько кассет?

Экстрасенс смотрит на меня, как на дебила, наконец, отвечает:

– Молодой человек, когда наступит новая «марианская эпоха», о которой, я надеюсь, Вы читали в учебниках, всё это, – экстрасенс делает широкий жест в сторону своих кассет, – будет на вес золота. Люди будут продавать квартиры, ради одной такой кассеты.

М-да. Добавить здесь нечего. После наступления «Века Богородицы», оказывается, останется мелкая торговля. Интересно, сколько тогда будут стоить учебники «Академии Мира»?

Кстати, об учебниках.

Названия предметов звучат гордо и красиво: догматическое богословие (по В.Н.Лосскому), литургическое богословие и эсхатология (собственное сочинение «богородичных отцов»), история ранней Церкви (по профессору Болотову), история религиозной мысли, катехизис (конечно же, «богородичный»). Но все предметы составлены как-то наспех, сумбурно. Например, история религиозной мысли начинается, почему-то, с Бердяева. Творения православных богословов и профессоров разбавлены творчеством «богородичных отцов» или православными, но спорными авторами (например, книга Петра Иванова «Тайна святых»).

Условно, от нечего делать, поделил студентов не пенсионного возраста на две категории: «сомневающиеся» и «идейные». «Сомневающиеся» – это либо простые работяги, приехавшие в академию прямо с «богородичных» строек, либо такие вольные богоискатели, вроде меня.

Один из «сомневающихся» заинтересовал меня особо. Зовут его Михаил. Ему чуть более тридцати. Он худощав. И непривычно, для «богородичного» брата, спокоен. Даже грустен. Грусть его какая-то беспредметная.словно в нём воплотилась абстрактная мировая скорбь. У Михаила лицо измождённого интеллектуала и очки в толстой роговой оправе. Михаил знаком с официальным Православием. У него даже есть какие-то знакомые в Московской Патриархии. И главное – он читал «Розу Мира». Вчера, вечером, после сдачи экзамена по «марианской эсхатологии», Михаил мне сообщил, что не верит в будущую мессианскую эпоху. Зашёл разговор о «Розе Мира». То, что Михаил сказал – едва не повергло меня в отчаянье. Моя вера в людей «Розы Мира» едва не рухнула.

Михаил сказал следующее:

Даниил Андреев – человек замечательный, честный, не выпячивает своего «я», это видно по его «Розе Мира». Иногда он рассуждает как вполне православный человек, но чаще ему не хватает обычного духовного трезвения. Андреев – поэт, у него, как и у всех поэтов, богатое воображение. Зачастую

воображение подменяет у него откровение.

Я попросил привести примеры.

– Ну, например, эта его идея грядущей «религии итога», или, всемирного братства религий под эгидой «Розы Мира», перед приходом антихриста. Утопия. Братства религий никогда не будет. Слишком религии разнятся. Так уж Господь положил. Кстати, многое, о чем мечтал Андреев, сегодня всё-таки осуществляется. Но не со знаком «плюс», а, наоборот, со знаком «минус». Как будто демонические силы перехватили инициативу. Например, мы сейчас государства Российского почти не имеем, полная свобода от «демона великодержавия»! Андрееву мечталось, что на смену государствам придёт духовное братство людей земле. Но и где же оно, духовное братство? На деле мы испытываем полное национальное унижение, хаос, разврат, растрепанность нравственности. Конечно же и Андреев в «Розе Мира» предугадывал господство американского бездуховного космополитизма. Так что не всё так просто. В «Розе Мира» много положительных и отрицательных сторон. Например, главы, посвященные проблеме зла, само описание зла – это просто гениально. Но немало в книге и еретических моментов.

– Каких? – спросил я.

– О, это долгий разговор.

– Хорошо, спрошу коротко. Осуществится ли то, о чём мечтал Андреев? Ну, то есть, «религия итога», всемирное братство и т. д.

– Нет, не осуществится, – Михаил блеснул стёклышками очков и тихо повторил, – не осуществится. А вот антихрист, которого тот же Андреев прекрасно описал, антихрист осуществится.

– Ну почему, непременно, антихрист?! – воскликнул я.

– Я понимаю, – вздохнул Михаил, – хочется, по человечески хочется, чтобы перед концом истории все договорились, чтобы мир во всём мире настал. Однако, Вадим, надо уметь смотреть на вещи трезво. Оглянись вокруг. Видишь ли ты хоть где-то, хоть какие-то предпосылки того братства, о котором Андреев

мечтал?

– Слушай, так ты вообще, что ли, не веришь в то, что перед антихристом будет духовный рассвет?

Ответить Михаил не успел. Над нашими головами раздалось громовым раскатом:

– Слава Марии! – Это к нам подошёл «идейный» – Дорогие братья, о чем тут шепчемся? – «Идейный» сиял, как начищенный медный таз. – Слышали последнюю проповедь отца Иоанна? Благодать-то какая!... Ах, братья, не умеем мы ещё жить в сердце нашего дорогого отца Иоанна!...

«Идейные» – те, кто приехал в академию из уже построенных обитателей. Это – распространители «богородичной» литературы, те, кто занимается административной работой. Ищет спонсоров. «Идейные» – будущий верхний эшелон иерархической пирамиды «Богородичного Центра». А «сомневающиеся» – это всегда «низовое звено». Кстати, по наблюдениям Михаила, среди «низового звена» много русачков. А вот среди «высшего эшелона» – русских мало.

Подошёл «идейный» и как кляп в рот нам засунул. Стыдливо посмотрели друг другу в глаза и разошлись. По своим углам.

Вечером вышел из казармы на улицу. Гадостный мартовский снег чавкает под ногами. Москва предательски манит тонкими лучиками фонарей. Стало тоскливо. Просто запредельно тоскливо.

Нет, я всё-таки найду людей «Розы Мира». А там посмотрим, утопия новая религиозная эпоха, которую «Роза Мира» провозглашает, или не утопия.

Регистрация

Через пустынную проходную вышел в «спальный» микрорайон. Минут через пятнадцать оказался на каком-то широченном проспекте. Зачем-то спустился в подземный переход. Подошел к киоску. Зачем-то стал рассматривать этикетки на пивных бутылках, марки сигарет. Как

загипнотизированный. Стою минуту, две, пять. Вдруг слышу голос.

– Документы.

Стою, изучаю цены дальше.

– Документы, – нетерпеливо повторяет голос. Оборачиваюсь. Я в окружение целого отряда блюстителей порядка. Два сержанта сверхсрочной службы, остальные солдатики срочной службы. Это видно по помятой милицейской форме не по размеру. Ну, – думаю, – ладно, обычная проверка документов, в Москве так всегда было. Проверяют паспорт и отвалят.

– Пожалуйста, – я с гордостью извлекаю свой синий паспорт с языческим трезубцем. Как только паспорт оказывается в руках блюстителей закона, они сразу веселеют.

– А регистрация где? – спрашивает меня один из сержантов.

– Какая регистрация? – искренне удивился я.

Два сержанта многозначительно переглядываются.

– Придётся пройти в отделение...

– Так, так – говорит мне начальник отделения в погонах капитана милиции, разглядывая мой паспорт, – платить штраф, говорите, нечем...Бедный студент, говорите. А чего ехали?...Академия регистрирует. А чего до сих пор не зарегистрировала?...Странная какая-то академия у вас. Регистрировать после экзаменов?...Надо на третьи сутки по приезду в Москву регистрировать, на третьи!

Капитан кладёт мой паспорт на стол.

– Значит студент духовной академии?...Так-так, – капитан что-то мучительно соображает. И вдруг спрашивает:

– Вот, ты русский, а чего с России уехал?

– Никуда я не уехал, – обиженно отвечаю я. – Просто так получилось. Кто ж знал. Все ж вместе были. Кто ж знал.

Неожиданно для самого себя я «взрываюсь»:

– Товарищ капитан, постойте, это что же получается, у вас тут думают, что если на Украине оказался, так перестал быть русским! Вы, что, серьёзно думаете, что у нас там все с чубами и в шароварах?! Да у нас русский город! У нас все на русском

говорят. Мы может быть даже больше русские, чем вы. Потому как за границей оказались. И вообще, Юг и Восток Украины русские. И вообще...

– Ладно, – обрывает меня капитан, – это будешь своей маме рассказывать. А мне чтоб больше без регистрации не попадался. Понял?

– Угу, – киваю я головой.

– Держи, поп, – капитан протягивает мне мой паспорт.

Возвращаюсь в академию. Всё во мне кипит. Москва теперь кажется мне холодным и враждебным городом. Обидно – я, русский, даже москвич наполовину (у меня мать родилась почти в Москве), теперь здесь такой же иностранец, как и какой-нибудь таджик-беженец. Даже ещё хуже. Таджик – он и есть таджик. Что с него взять? А если ты русский, да с Украины – тебя ещё и предателем считают. Да и вообще, русские немосковской «национальности» чувствуют себя в собственной столице отчужденнее, чем какие-нибудь грузины, или узбеки. Те хоть деньги на регистрацию имеют.

А регистрация? В чьей воспалённой голове родилась идея регистрации. Плати за то, что дышишь воздухом столицы. Вот тебе и новая демократическая Москва. Если так дальше будет продолжаться, то о каком духовном возрождении может идти речь. Скорее, прав Михаил – не за горами времена антихриста...

С каждым шагом мне всё сильнее хотелось в маленькое, уютное пространство «Богородичного Центра»...

* * *

Экзамены позади. Экзамены были «шаровые». Нас скопом заводили в ленинскую комнату. Задавали один, два вопроса и «автоматом» ставили четвёрки.

Час назад получил «зачётку» за первый семестр и студенческий билет, который будет для меня вместо регистрации.

Час назад меня благословили в самый главный, самый идеологический «богородичный монастырь». В ближнее Подмосковье еду, на станцию «Трудовая». Буду

«богородичным» монахом. Как Витамин. Кстати, узнал кое-что о судьбе Витамина. Информацию мне сообщил «идейный» с чудным именем Мариан. Оказывается, Витамина не благословили в обитель. Отец Максимилиан сказал Витамину, что у него очень тяжёлая греховная чаша. Что, если он с такой чашей примет его в монастырь, монастырь разбежится. Отец Максимилиан благословил Витамина пожить в городской квартире. Вместе с двумя братьями. За квартиру платить не надо. Квартира была «богородичная». Одна пожилая прихожанка подарила её церкви. Витамин поселился в районе метро «Ясенево». Сперва всё шло хорошо. Витамин посещал литургии, ходил на «Розарий». Лицо у него просветлело. Он стал кротким и смиренным, как ангел. А потом взял и исчез. То есть, престал появляться на «Ясенево», перестал посещать литургии.

Вот такая история.

«Агапы любви»

С бьющимся сердцем шёл я в холодный мартовский полдень от станции «Трудовая» в сторону «богородичного» монастыря. Место, куда меня благословили, называлось «Обитель Императорской Четы». Обитель была братско-сестринская, то есть, на одной части монастыря живут мужчины, на другой женщины. Из «богородичных» книг я знал, что обители – это агапы вышней любви. Место, где все ангелы. Где братья и сестры жертвуют собой ради ближнего. Где новоприбывшего встречают в великой радости.

Показалась долгожданная обитель. Трёхэтажное здание. Что-то среднее между хорошей ново-русской дачей и миниатюрным европейским замком. Во дворе обители ни души. Обогнув одиноко стоящий «микроавтобус» захожу в здание обители. С огромного портрета на стене на меня глядит император-страстотерпец Николай II и императрица Александра. И ни единой живой души. Слева – полутёмный коридор. Справа –

лестница. Поднимаюсь на второй этаж. На небольшой площадке стол с телефоном. То, что телефон есть – очень хорошо. Можно будет позвонить в «Фонд Даниила Андреева».

На втором этаже тоже никого. Мистика какая-то! Я чувствую себя вором на генеральской даче. Наконец, на третьем этаже слышу приглушенные мужские голоса. Вдохнув с облегчением, захожу в просторную комнату. На сдвинутых деревянных кроватях возлежат три брата. Один молоденький (лет под тридцать), черноволосый, с раскосыми глазами. Видимо, татарин. Второй, напротив, пожилой и худющий, с наколками на руках. Бывший зэк, наверное. Третий, лет под сорок, маленький, кругленький, со смешной козлиной бородкой.

– Здравствуйте, – говорю я как можно радостнее, – Слава Марии!

Братья на минуту прерывают разговор. Смотрят на меня, как на пустое место. И продолжают беседовать дальше. Ощущаю себя полным идиотом.

Ничего себе агапа любви!

– Скажите, пожалуйста, – начинаю я нерешительно, – меня, вот, к вам ваш настоятель благословил. Ну, вот, я прибыл. Что мне делать?

– А, понятно, – протягивает молоденький брат с раскосыми глазами, – нет отца Афанасия.

Братья снова теряют ко мне интерес. А я теряю терпение.

– Так что мне делать! Плунуть на благословение? Домой ехать?

– Слушай, – говорит пожилой брат молодому, – пускай он на кухню к сестре Александре ходит. Она всё знает. Она скажет, что делать.

– Спустишься на первый этаж, пройдёшь в конец коридора, на кухню, – объясняет мне молодой брат, даже не повернув лица в мою сторону.

Между третьим и вторым этажом вспоминаю, что забыл спросить у братьев про телефон. Пришлось вернуться:

– Извините, забыл спросить, у вас работает телефон?

– Ну, – неохотно мычит брат похожий на зэка.

– Мне бы позвонить.

– Нельзя, брат, без благословения – весело говорит «кругленький», с козлиной бородкой. – Так что ничем помочь не можем.

– Да, пусть себе звонит, нам то чё, – говорит брат с раскосыми глазами...

Иду, звоню! Немедленно, иду, звоню! После такой ледяной встречи отсюда хочется бежать. К людям «Розы Мира».

Набираю телефон «Фонда». Долго не берут трубку.

– Аллё, аллё!

– Аллё! – отвечает мне интеллигентный мужской голос.

– Это «Фонд Даниила Андреева»? – Стараюсь говорить как можно спокойно.

– Да, – невозмутимо отвечают на том конце провода.

– У меня к Вам вопрос, известны ли Вам, в городе Москве, какие либо организации «Розы Мира»?

– Вы не по адресу. Это не к нам, – отвечает интеллигентный голос в трубке.

– Подождите, – чуть не кричу я, – подскажите хотя бы, есть вообще что-то с «Розой Мира» связанное? Какая-то деятельность. Понимаете, я не из Москвы, я из провинции. Лет пять назад прочитал «Розу Мира», и с тех пор нахожусь под сильнейшим воздействием от книги. Но книга книгой, а хочется ж действовать...

– Молодой человек, – перебивает меня приятный голос. – Мы «Фонд», а не секта. Мы не занимаемся созданием всяких обществ «Навны». Мы только храним творческое и духовное наследие Даниила.

– Погодите, а что это за общество такое, ну, «Навны»?

– Это не в Москве, это в Санкт-Петербурге. На мой взгляд, общество «Навны» просто-напросто реанимирует славянское язычество, а «Розой Мира» прикрывается. Кстати, в Москве тоже было общество «Последователей Розы Мира». А на проверку оказалось, что это обычная «рериховская»

организация. И, собственно, говорили в ней больше о Рерихах, чем о «Розе Мира». Так, что, молодой человек, не советуем Вам, что-либо искать. Видимо, Даниил Андреев очень далеко заглянул вперёд, видимо, время, о котором он так мечтал в «Розе Мира», наступит ещё очень и очень не скоро...

Связь обрывается. Перезванивать не имеет смысла. Спускаюсь на кухню в подавленном настроении.

Итак, время для осуществления «Розы Мира» ещё не пришло. И это мне говорят в самом «Фонде Андреева»! Не может быть, чтобы в «Фонде Андреева» ничего о людях «Розы Мира» не знали! Не может быть! Не верю!

* * *

Сестра Александра сосредоточенно чистит картошку. У неё тоже раскосые глаза и черты лица, как у того брата, наверху. Я представляюсь и сразу же объясняю цель своего приезда. В отличие от братьев, сестра Александра говорит много и очень эмоционально. Однако в голосе её читается явное раздражение. И это раздражение всё нарастает. Хотя, внешне, сестра чуть ли не через каждое слово просит у меня прощения. Ахает. Охает. Прижимает руки к сердцу.

– Вчера вечером надо было приезжать, дорогой брат. Вчера вечером. И отец, и все были здесь. Он бы определил. А я не могу. Ничего не могу без отца. А отец с братьями в Москве. На послушании. Вечером будут. Вечером надо приезжать. Вечером...Ах, я осуждаю, – уже почти злобно кричит Александра.

– А что за три брата наверху? – спрашиваю я.

– Это болящие, это немощные, – с истеричным надрывом в голосе отвечает Александра.

– Так, что ж мне делать?!

– Вечером, брат, всё вечером! – Почти кричит Александра.

– А теперь, простите, мне надо молиться!

– Спасибо вам, – язвительно говорю я и направляюсь к выходу из обители. Ничего себе, агапа любви! – думаю я раздражённо.

Не существует у вас никакой вышней любви. Вы, как дети, играете в любовь, играете в благодать, играете в старчество, играете, наконец, в спасение России...

В дверях останавливаюсь в нерешительности.

А ведь идти-то мне собственно некуда. Людей «Розы Мира» не нашёл. «Фонд Андреева» – единственная моя зацепка была. Где теперь искать, не знаю. И главное, сомневаюсь, нужно ли вообще что-то искать. Наверное, время для осуществления задач «Розы Мира», действительно, не пришло. Возможно, оно не придёт совсем. Будет всё так, как православные говорят, то есть вместо всечеловеческого братства всемирное либеральное правительство, потом антихрист. В таком случае, что делать? Бросать всё. Ехать домой ни с чем? Оставить своё богоискательство, жениться и ничего от жизни этой больше не ждать?...Нет. Не могу я ехать домой. Дождусь, хотя бы, настоятеля.

До вечера я промаялся в «монастырской» библиотеке. Не читая, листал «богородичную» литературу. Попались мне и «Евангельские воды». Эта книжка от остальных отличалась тем, что на обложке был нарисован «пророк» Иоанн, в виде иконы. Именно в этой книжке о Евангельской любви говорилось больше всего. Говорилось вроде бы правильно, красиво, но...Как оно на самом деле, я уже знал. Я чувствовал себя инопланетянином в «агапе любви».

Когда стемнело, хотелось, чуть ли не волком выть от тоски. Тоска смертная! Наконец, приехал настоятель. Всё сразу же встало на свои места. Усталый настоятель нашёл в себе силы обрадоваться мне. Приятно поразило и то, что он запомнил моё имя:

– Здравствуй, брат Вадим, добрался, устроился, – обратился он ко мне с такой дружеской нотой в голосе, будто мы с ним старые друзья. Но тут же взял проповеднический тон, – слава Матери Божией! Привела к нам новую душу. Прямо из фарисейских склепов Московской Патриархии. Потому как нет там благодати. Слава Марии! – прокричал настоятель. Взметнул

руки к потолку. В уголках его губ выступила белой пеной капелька слюны.

– Слава Марии! – грянули хором братья и сестры. И сразу всё закрутилось, завертелось вокруг меня. И келья мне нашлась. Из «пустого места» я тут же превратился в «долгожданную душу».

Не успели обрадоваться моему приходу в обитель, (сестра Александра радовалась больше всех), как новая потрясающая весть накрывает всех с головой. «К нам едет дорогой отец Иоанн. Пророк Божией Матери!!!»

«Пророк приехал!»

Первыми приезжают богородичные отцы на микроавтобусе. Молимся. Ужинаем. Пророка всё нет. Начинается нагнетание «атмосферы». Она и без того взвинчена. Отцы предлагают встретить «пророка» «весельем Новой Святой Руси». Все берёмся за руки и начинаем, как дети в детском садике, водить хоровод. Поём песнопения. Хоровод движется всё быстрее. Песнопения поются энергичней. Экстатическое веселье охватывает братьев и сестёр. Атмосфера в обители, буквально электризуется.

– Век святых! Сила праведных! – Вопим мы в сорок глоток. Наконец, напряжение разрывается грозovým разрядом:

– Владыка приехал! Отец Иоанн!

Отцы бегут к выходу встречать «пророка». Мы тоже выбегаем в коридор. Выстраиваемся вдоль стен. Получаются две обращённые друг к другу шеренги. «Живой коридор». Впархивает (именно – впархивает, а не входит) Береславский. Быстрым, нервным движением выбрасывает вперёд руки. Как бы желая всех нас обнять. Проходит мимо нас в комнату. Для совещания с отцами. Иногда делает короткую остановку, возле какогонибудь брата, или сестры. Что-то спрашивает. Коротким нервным взмахом руки благословляет. Впервые вижу «пророка» так близко. Поражает его колоссальная нервная взвинченность. Он весь как будто на скоростных шарнирах. На шарнирах

движется. На шарнирах благословляет. Вот он проходит мимо меня. Вглядываюсь в его глаза. Насколько, конечно, позволяет обстановка. Никакой, особой гипнотической силы в них не видно. Как и не видно особого света. Глаза чёрные, по-еврейски страдальческие. А жесты, как мне кажется, весьма отработанны. Дома, перед зеркалом.

Нам присутствовать на совещании «пророка» с отцами – не благословлено. Двери за отцами закрываются. Начинается самое комичное. Братья и сестры, как школьники, льнут к закрытым дверям. Подслушивают. Друг друга чуть ли не локтями отпихивают. Что это, раболепие, или вышняя любовь к отцу Иоанну? Мне уже не смешно. Мне страшно.

Поднимаюсь по лестнице, а вслед мне шипит какая то сестра:
– Тише, брат. По лестнице не ходи. У владыки такой обостренный мистический слух. Такой обостренный.

Кажется «пророк» своим обостренным слухом сейчас вычислит мои не «богородичные» мысли. И отдаст команду порвать меня на куски. И ведь исполнят. Исполнят же, вот что страшно!

Всё. Как только нахожу в Москве квартиру – ухожу.

«Вон!»

Во втором часу ночи «пророка» увозят на белой «Волге». Из окна кельи я вижу, как он высунул из машины голову, раскинул руки – посылает воздушные поцелуи. Минут через пятнадцать внизу раздаётся шум. Крики. Спускаюсь на первый этаж. Оказывается, выгоняют какого-то брата. Выгоняют в ночь, только за то, что задал «пророку» немного не тот вопрос. Я человек по природе довольно робкий. Но тут уже не выдержал, как что-то нашло на меня. Я вступаюсь за брата. Поднимается дикий крик. Какой-то брат орёт, что нельзя быть в обители кому попало. А у Виталия (так зовут того, кого выгоняют) тяжелейшая греховная чаша. Он, может быть, вообще «семя змея». Я отвожу Виталия в сторону:

– Я «семя змея» – шепчет поражённый брат. – Я должен уйти.

– Ты не «семя змея», не «семя змея», не «семя змея»! – взяв за грудки, я трясю брата. И тут он отталкивает меня. Губы у него трясутся. Кажется вот – вот заплачет.

– Я должен уйти. Из-за меня в обители проблемы. Из-за меня. Это я всех обкрадываю духовно. Прости меня, Матерь Божия. Прости!

– Слушай, – я уже взял себя в руки, – ну куда ты поедешь? Ночь. Электрички не ходят. Иди, спи. Никого не слушай. Завтра утром себе спокойно уедешь.

Виталий начинает колебаться. Но тут прибегает настоятель. Крестит Виталия крестом.

– Брат, сколько ты будешь распинать отца Иоанна? – Говорит он надтреснутым голосом. – Иди, откуда пришёл. Иди. Именем Пресвятой Девы, вон, гадина! – визжит настоятель.

Холодные мурашки бегут по моей спине.

– Отцов обкрадывать! – не унимается настоятель. – Кровь духовную пить! вон!!!

Виталий плетётся собирать вещи. Все расходятся по кельям. Мне кажется, на меня смотрят враждебно.

«От ветра головы»

На следующий день братья и сестры почти в полном составе отбывают в Москву. В Дом Культуры «Серп и Молот». На литургию с «пророком» Иоанном. Я остаюсь. Выхожу за ворота монастыря и наблюдаю, с небольшой возвышенности, как братья и сестры грузятся в автобус. Когда обитель пустеет, возвращаюсь обратно. После ночной сцены с очередным «семенем змея», я чувствую себя опустошенным. Не хочется никуда ехать. Лежать бы и плевать в потолок. Так я знакомлюсь с братом Георгием. С тем самым, с раскосыми глазами, который так холодно встретил меня в день приезда. Познакомиться я должен был с ним неизбежно. Он единственный в обители не ездил в Москву на послушания (распространение литературы) и

на литургии.

Брат Георгий лежал на кровати и читал книгу. Я спросил, где его вчерашние товарищи.

– Одного выгнали за пьянку. Второй сам ушёл – лениво ответил Георгий и зевнул. Потом отложил книгу, улыбнулся и протянул мне руку. Так мы познакомились.

Георгий рассказал мне, как выгоняли братьев. Оказывается, братья нашли в монастырском подвале несколько ящиков с водкой. Ужрались «в дым». И где-то за час до приезда отца Иоанна решили на тракторе ехать к бабам. Сели они в трактор, завели его, тут их и застучал настоятель. Анатолия, с бородкой который, сразу выгнали. Его уже предупреждали. А Олег, бывший вор-рецидивист, кстати, сам с ним ушёл. За компанию. Настоятель не хотел его отпускать.

– ...Это что ж получается, вчера, ночью, брата за «неправильный вопрос» выгнали! А другой, набухался и ничего.

Георгий оживляется:

– А что ты хочешь?! Отец Иоанн сказал, что ээки божьи люди. Олег – ээк. Вот ему всё и прощалось. Хотя, сказать по честному, бардака и неразберихи здесь хватает. Я, вот, в православном монастыре почти полгода жил. Когда мать у меня на отце Иоанне окончательно помешалась. Там, я тебе скажу, порядка больше. Значительно больше. Там всё естественней, что ли. Размеренно всё. Благодично. Инок – это инок. Послушник – послушник. А здесь: бардак. За одно хватаются. Другое бросают. Отцу то одна, то другая блажь в голову. Ему-то что? Он по Америкам, по Канадам на форумы экуменические ездит. А вы, тут, дурачки, зарубайтесь.

Крамольная речь Георгия по поводу Береславского и «Богородичного Центра» (и это в самой идеологической обители), показалась мне невероятной. Я тоже осмелел и высказал Георгию свою главную мысль, по поводу «пророка»:

– Думаю, Береславский – религиозный мистификатор. Я его вчера хорошенько рассмотрел. Ни света, ни тьмы в нём нет. Просто ловкий религиозный аферист. Но, только, как же это

страшно, именем Божией Матери спекулировать! Ведь это свято для русского человека. Ведь за это отвечать надо будет. Он, что, мнит себя бессмертным?

– Ты так думаешь, – нервно смеётся Георгий. – А он думает по-другому. Он действительно верит в то, что является великим пророком. Если кто мистификаторы, то это те, кто его направляют. Или, деньги дают.

– Хочешь сказать, чистый «аки лист» Береславский? Тогда почему такой театр вокруг? Почему людей проклинают и изгоняют среди ночи? Откуда это дурацкое учение о «семени змея»? Почему такая ненависть к Московскому Патриархату? Или я сам проклятый и благодати здесь не вижу?

– Кстати, – говорит Георгий, – хорошо, что ты о Московском Патриархате напомнил. Я, когда в монастыре православном был, читал там кое-что о прелести. Да и вообще там о прелести много говорили. Я ещё возмущался, что везде бесов стараются православные видеть. Сейчас понимаю. Был дураком. Знаешь, что такое прелесть?

– Приблизительно. Э-э-э, слышал.

– Духовный самообман. Человек воображаемое выдаёт за действительное. И так верит ветрам своей головы, что ничем его не переубедишь. Ну а потом его от гордыни пучить начинает. Как правило. Ну и тут его «рогатые» полностью в оборот берут. Дара-то духовного трезвения, и различения духов никакого. Самокритика нулевая...

– Постой, как ты сказал, ветрам головы?

– Ах, да, от ветра головы, – смеётся Георгий. – Хорошее выражение. Не помню, кто сказал, слова какого-то православного старца. Из Московской, кстати, Патриархии. Хе-хе.

– Так вот, наш дорогой отец Иоанн в прелести. Начинал хорошо. Кончится всё чем, знаешь?

– Чем? – с неподдельным любопытством спрашиваю я.

– Рано, или поздно, порядок в России наведут. – Невозмутимо продолжает Георгий. – Нашу церковь «богородичную»

прикроют. Тогда отец Иоанн вместе со своими приближенными спокойно себе эмигрирует. Куда-нибудь в Канаду. Будут там пожинать плоды цивилизации. А здесь останутся сотни дурачков с поломанными судьбами. О, конечно же, наш дорогой отец Иоанн будет с утра до вечера скорбеть о них! – Георгий снова нервно засмеялся.

И опять мне показалось невероятным, что мы вот так вот сидим, в самой «идеологической обители» и запросто говорим на такие «крамольные темы».

– А тут демократия, – решил пошутить я. – Для немногих. Для избранных. Ты у них, Георгий, за избранного?

– Я у них за болящего. Пока за болящего. Там посмотрим.

– Что, серьёзно, за болящего?

– Да, нет, брат, – улыбается Георгий, – всё проще. У меня мать здесь. В этой самой обители. Не последний человек, кстати, в «богородичной» церкви. Да, к ней же мы тебя вчера и посылали. – Георгий вздыхает. – Убедился, насколько моя мама поехала «крышей»? Из-за нее-то меня и не выгоняют. Я лежу, никого не трогаю. Никто не трогает меня. Из-за неё, кстати, и в монастыре православном меня не оставили.

Георгий скрипит зубами. Никогда не слышал, что бы так скрипели зубами. Ужасный звук. Сразу вспомнилась строка из Евангелия про ад: «там будет плачь и скрежет зубов».

– Настоятелю православного монастыря рассказал, что у меня мать «богородичники» к себе затягивают – продолжает Георгий. – И настоятель меня благословил быть рядом с матерью, попытаться вытянуть её из секты. Я приехал домой, из монастыря, а мать уже продала квартиру. Я помаялся по квартирам, делать нечего – приехал сюда. К матери. А теперь и не знаю, что делать. Полгода здесь торчу. Сдвигов никаких. Чувствую, что сам уже потихоньку схожу с ума. Не знаю, сколько ещё все это протянется. Такая вот, жизнь. Лежу, лежу целыми днями, читаю книжки, а внутри – полный труп.

Георгий снова скрипит зубами.

– А ты лучше уходи. Человеку с нормальными мозгами здесь

делать нечего. Всё это, всё, что ты видишь, – Георгий широким жестом обводит комнату рукой, – театр одного актёра. Какого, надеюсь, догадываешься. Они тут клянут Московскую Патриархию, ах фарисейские склепы, ах жирные попы, ах постоянное – «Господи помилуй». А не понимают, что истина в Православии. Нормальном, традиционном, проверенном веками. Нет, изобретают новую религию. Что получается, видишь сам. Хе-хе. Неужели наши предки были идиотами, что веру православную хранили... Брат, иди в нормальную православную церковь. Вон, в Москве полно православных храмов. Если негде жить, я тебе могу дать адрес одной квартирки. Правда, в ней мебели нет. Но зато тепло, есть горячая вода, газ.

– Итак, ты советуешь мне идти в Русскую Православную Церковь, Георгий?

– Да.

– Удивительно, но я не против. Кстати, даже думал об этом вчера. Только вот как. Придешь, а тебя как погонят. Что-то не так скажешь. С чем-то не согласишься.

– Понимаю – Георгий ехидно улыбается, – какие-то идеи не пускают. Противоречат Православному вероучению. И все равно. Иди. Сойдешь с ума. Если не сойдешь, то сопьешься. Ветра головы замучат.

– Хорошо, – говорю я, – так и быть, бегу, спасаюсь от ветра головы. Только объясни мне, ты-то кто здесь: агент Московской Патриархии?! Пророк?! – Неожиданно всё во мне закипает. В глубине души я понимаю: Георгий говорит здравые, трезвые вещи, он прав, тысячу раз прав! Но почему Истина, непременно в Православии. Что за узурпация Истины. От этой мысли всё во мне и кипит. Однако Георгий моих едких интонаций не замечает.

– Не-а, – добродушно тянет Георгий. – Пророк у нас отец Иоанн. А я здесь за болящего.

– Брат Георгий, благословлено Вас спросить! – неожиданно, откуда-то снизу, раздаётся женский голос, – брат Георгий, Вы на месте?

Вопросительно смотрю на Георгия.

– Это сестра Татьяна, дежурная на кухне. Не бойся. Больше никого не должно быть. Ладно, пойду, – вздыхает Георгий. – Опять что-нибудь сломалось. А ты размышляй.

Георгий ушёл. С минуту я сидел в полной тишине. Пытался собраться с мыслями. Вдруг услышал шаги. В проеме полуоткрытой двери мелькнула тень. Комната, где мы сидели, была последней по коридору. Дальше хода не было. Можно было только стоять за дверью.

Подслушивали?! Не может быть!

Я кинулся в коридор. Но никого не увидел.

На следующий день ко мне подошёл настоятель.

– Брат, тебе благословлено уехать, – сказал он, смотря мимо меня.

Я промолчал.

Собрал вещи и уехал.

Три года спустя

(Вместо эпилога)

– Каюсь в отречение от последнего российского императора!

– Господи-и-и поми-и-и-луй!

– Каюсь в безбожие и атеизме, – продолжает глухой, с надрывом, баритон отца Мелхиседека.

И опять хор тянет:

– Господи-и-и поми-и-и-луй!

На заднем плане заунывно играет синтезатор.

Звонит телефон. Как раз в тот момент, когда отец Мелхиседек совсем глухим голосом, как бы стесняясь, произносит:

– Каюсь в услаждение блудными помыслами, каюсь в женопоклонничестве, в поклонение нечестивому престолу

блудницы вавилонской.

– Господи-и поми-и-луй!..

Приглушив звук магнитофона, снимаю трубку:

– Аллё.

На том конце провода, сквозь хрипы и равномерный космический свист звучит голос отца Ивана. Как с другой планеты. Ушам своим не верю!

– Аллё! Аллё! Братишка, ты меня слышишь?

– Да слышу, слышу! Иван, ты что ли?

– Я! Слушай, приезжай ко мне на приход. Если не занят... Или ты в Москву опять? Да, кстати, людей Розы Мира нашел?

– Нет, не нашел, – вздыхаю я. – И в Москву не еду.

– Так давай ко мне на приход! Не пожалеешь, честное слово, – не унимается Иван.

Вот заладил – приход, приход, какой ещё приход? Не наркомановский же, церковный что ли...

– Погоди. Ничего не понимаю. Какой приход? Куда приезжать?

– Ах, да, ты же не в курсе, прости, – произносит Иван и в этот момент в трубке исчезает космический свист и почти пропадают хрипы.

– Вадик, я полноценным попом стал, – бьёт прямо в лоб Иван. – Я теперь русский поп отец Иван, батюшка. Полноценный батюшка Русской Православной Церкви Московского Патриархата.

– Ничего себе, вот это новость! – выдыхаю я. А сам с удивлением обнаруживаю, что почему-то совсем не удивлён.

– Как ты в Московский Патриархат перешел! Когда?! – спрашиваю больше для приличия.

– Братишка, долгая история, не по телефону.

– Но ты так бухал! – не унимаюсь я, – ну, когда мы последний раз виделись. Вместе, правда, бухали. Но ты был тогда, как не в себе. Помнишь хоть? Помнишь, как ты Цеппелину по физиономии заехал за то, что он сказал – Бога нет. А как ты собаку генерала Макашова изображал, помнишь?

Мы же тогда так бухали. Тебе голову топором пробивали, помнишь? Ты же на приходе своём подрался, помнишь? Приход твой к греко-католикам собирался присоединяться. А ты упёрся, мол, не хочу быть инопланетянином на своей родной земле. Отродясь на Юге Украины греко-католиков не было. Только зачем ты во время драки «Аллах акбар» вместо «Господи помилуй» кричал? «Бандеровцы» на тебя, за этот «Аллах акбар» епископу твоему «филаретовскому» настучали. Помнишь? Он тебя запретил.

– Да, всё так, – смеётся отец Иван на том конце провода. Между тем, исчезают и хрипы. Связь становится отличной.

– погоди, – продолжаю я, – это ещё не всё. Понимаешь, я тогда не воспринял, всерьёз твоё предложение. Во-первых, не верилось до конца, что ты перейдёшь в Московский Патриархат. Да ещё так быстро. Во-вторых, я ещё не терял надежду, последнюю надежду найти в столице «Розу Мира». И в-третьих: на каком фоне всё это звучало. Ну, идея твоего перехода в каноническую церковь. Идея втянуть меня сразу во внутреннюю жизнь Церкви. А? На каком, блин, фоне. Я то, потрезвее был. А ты себя-то хоть помнишь? Пьяное чудо ползает по полу, не может встать. Агентом Жириновского меня назвал, засланным, якобы, «неньку Украину» разваливать. А после «русского берега», что ты молол? Я, мол, член жидовской мафии. Скоро вас, русских, здесь не останется. Мы вас всех с Украины повыведем. Короче, простите меня батюшка, но я всерьёз твоё предложение помочь тебе по службе не воспринял. А после генерала Макашова и жидовской мафии я даже на тебя обиделся. Думал, друга потерял. Думал, ты теперь не раньше, чем через год после такого падения оправившись.

– Прости, брат! – Кричит в трубку отец Иван. – Прости! Каюсь! Честное слово! Помню всё, как в тумане. Со мной просто чудовищное беснование было. Тут и мои наследственные, родовые бесы. И легион с «бандеровского» села. Ну, теперь всё нормально. Полная реабилитация. Я тогда, как только очнулся, пошёл сдаваться к каноническому епископу.

Ну и пришлось опять всё сначала проходить. Сначала послушание на стройке, потом в алтаре прислуживал. Потом заново рукополагали. А сейчас, тоже в качестве послушания, заткнули в отдалённую дыру под названием Ягорлыцкий Кут. Как бы в командировку. Я буду без семьи. Сам. Тут надо в одном селе приход открыть. опередить «филаретовцев». Церковь прямо в клубе будет. А жить будем в общежитии. Как комсомольцы на Амуре. Короче...ты едешь? Да, или нет?

...Еду ли я, не еду ли я...

– Погоди, дай минуту подумать.

– Вадик, ум здесь не поможет, что сердце говорит? Ладно, думай, но недолго. Жду.

Сажу с телефонной трубкой в руке, как контуженный.

На магнитофонной записи синтезатор продолжает тянуть свою заунывную мелодию, сестра Серафима поет томным густым голосом:

– ...Я умираю от любви, к Тебе Иисусе. Моя безумная любовь, Иисусе-Агнец...

Внутри меня нет чувств, нет мыслей. Одно только огромное ощущение: никуда не денусь, поеду. Поеду, хотя бы потому, что ничего другого в этой жизни у меня нет. Никому я больше не нужен. А так, хоть поеду, помогу, чем смогу. Только чем я могу помочь, представляю смутно.

– ...Я умираю от любви, к тебе Иисусе...

Опять тонкое, едва уловимое ощущение некой потаенной двери внутри себя. Недавно с новой силой это чувство пережил. Двери...

Да, такие двери сторожат границы нашего мира. И такая же дверь есть внутри каждого из нас. И кто знает, может быть предложение старого друга станет способом открыть эту дверь?!

– ...Моя безумная любовь, Иисусе-Агнец...

Так что я ещё думаю?! Еду!

– Хорошо, – бросаю я в трубку, – а ехать когда?

– Прекрасно! Замечательно! – кричит на том конце провода Иван, точнее, отец Иван. – А ехать... чем раньше, тем лучше.

Слушай, я сейчас в интересной дыре, под названием Ягорлыцкий Кут. Это как бы мое первое церковное послушание. Ну, как командировка. Естественно, я без жены. Сам. Тут надо в одном селе приход открыть. опередить «филаретовцев». Церковь прямо в клубе будет. А жить будем в общежитии. Как комсомольцы на Амуре. В общем, романтика.

– Хорошо. И как в твой Кут добратся?

– Слушай, выезжай завтра же утром!

– Хорошо.

– Записывай, как добратся...

Ого, забрался – думаю я, записывая маршрут:

Самый юго-восток области, Ягорлыцкий район... Вокруг не паханная степь, заповедник... Рядом море, Ягорлыцкий залив... Скифские курганы... село Красный Кут, аж сто двадцать километров от районного центра.

– ...Будешь учить самое, что ни на есть каноническое, православное богослужение, – продолжает отец Иван. – Всё на церковнославянском. Наша задача, брат, подготовиться к Пасхе. И отслужить. В общем, деятельность наша будет миссионерская. Приезжай, на всю жизнь не пожалеешь.

Над западным горизонтом неподвижно стоит белая зубчатая гряда облаков. Облака очень напоминают величественные, нездешние горы, что парят в небесах, не касаясь горизонта. Между горизонтом и «подножиями» облаков легкая серая дымка.

А может это и не облака? Может так просвечивают в мир наш небесные горы прекрасной земли Олирны?

Больше на небе ни облачка. Только неподвижная белая зубчатая гряда облаков над западным горизонтом.

На душе светлая грусть – легкая, воздушная грусть, мысли ни о чем.

Утро 12-го марта. Такое же солнечное, как и три год назад. В день отъезда в Москву.

Иллюзии прошли. Прав мой московский знакомый Ярослав, единственный мой московский знакомый, который любил «Розу Мира».

Ярослав говорил, что всечеловеческое братство, «Роза Мира», при данном мироустройстве невозможно. Оно невозможно при тотальном господстве денег, хищничестве, разврате под маской либерализма. Строить то, о чем так мечтал Андреев, в таких условиях – все равно, что пытаться на телеге запряженной лошадьми достичь луны.

И отец Иван, получается, прав! А я с ним так во время последней нашей встречи спорил. Я тогда ещё верил, что найду людей «Розы Мира». А Иван говорил мне, что «Роза Мира» начнется только тогда, когда с нас старческий песок посыплется. И никак не раньше...

За окном автобуса бескрайние голые поля Новороссии. Лесопосадки с прозрачными, без листвы, деревьями. Сухая прошлогодняя трава по обочинам дороги.

Вдали показались развалины какого-то предприятия, или фермы – полуобрушенные, сюрреалистические строения, словно обломанные гнилые зубы на теле земли. Нахлынули воспоминания...

После ухода из «богородичного монастыря» я жил какое-то время на «Калужской». По тому самому адресу, что мне дал Георгий. Действительно, в квартире не было мебели, но стояли, правда, двухъярусные армейские кровати. Откуда они там взялись – я не знаю. На кроватях возлежали братья. К моему удивлению – это были всё те же «богородичники». Правда, очень «неидейные». Я отнёс их к «около-богородичному» кругу. Братья не молились, курили, пили пиво. Иногда, не чаще раза в неделю, ходили на «богородичную» литургию в Д.К. «Серп и молот». Но чаще бегали по всевозможным оккультным организациям, которых в Москве пруд пруди. Количество живущих со мной колебалось от пяти до десяти. Народ уезжал, приезжал, снова уезжал. Работали все грузчиками по вызову.

Полтора года я учился в академии, пока она не перестала существовать (как и многие другие проекты «богородичников»). Сменил я с пяток квартир, пережил дефолт, нищету, крушение своей главной иллюзии по поводу людей «Розы Мира», отчаяние, а потом тупое безразличие спивающегося полубомжа. Да, мои поиски «людей Розы Мира» не увенчались успехами. Конец всем моим надеждам наступил осенью прошлого года.

Гуляя по Замоскворечью, я случайно наткнулся на маленький книжный магазинчик, в подвале старинного трёхэтажного дома. Зашёл и к радости своей увидел полное собрание сочинений Даниила Андреева вперемежку со статьями и воспоминаниями его жены Аллы Андреевой.

Прочитав несколько интервью с Аллой Андреевой, я пришёл в отчаянье. Жена, хранительница «Розы Мира», умоляла всех кто любит Даниила Андреева ничего не создавать. Не надо никаких обществ, всё это оккультизм, не имеющий к духовному наследию Даниила никакого отношения. Автор «Розы Мира» был человеком православным. Это она подчёркивала особо. И просила всех, кто любит творчество Даниила Андреева, не создавать никаких обществ и кружков.

Как же так, как же ничего не создавать! – в отчаянье подумал я. – Как же «Роза Мира» начнется, если ничего не создавать?! И это говорит самый близкий к Даниилу Андрееву человек. Вот почему ничего нет! «Роза Мира» отменяется!

Я почувствовал, как пол уходит из-под ног. Как в тумане выбрался на улицу. По дороге наступил на гигантского черного таракана. Они, как оказалось, в изобилии ползали по полу и книжным стеллажам. Насекомое мерзко хрустнуло под моей ногой, вместе с этим мерзким хрустом умерла моя последняя надежда.

Я вернулся из Москвы мертвым человеком. Никто и не заметил, как я вернулся. Да и некому было замечать. Наше духовное братство, наше АДС, распалось без следа. Как распалось прежде рок-н-рольное братство.

Иван был не известно где (теперь, конечно, известно). Кутерьма внезапно обнаружил, что он еврей, и стремительно эмигрировал в Израиль. Гарсон женился, стал примерным семьянином. Ни трава, ни эзотерика, ни старые знакомые его больше не интересуют. Витамин так и пропал бесследно в Москве. Всех разбросало безжалостным ветром времени, всех засосало сизое болото обыденной жизни. Я остался один, как те руины посреди поля.

До вчерашнего дня я был мертвым человеком. По инерции ходил на работу, ел, пил, что-то говорил, смотрел телевизор. И вот роковой звонок. Я чувствую, как в меня вливаются новые силы.

Я не знаю, чем буду заниматься на приходе у отца Ивана. Но я верю – конец ветрам моей головы...

В неподвижной гряде облаков внезапно открылся просвет, озаренный ослепительными белыми лучами. Как будто открылась та самая, небесная, потаенная дверь.

Это знак – подумал я. И он прочитан, еду.

21июля 2006 г. - 12 сентября 2012 г. Николаев

Примечание: на обложке работа "Light of the Moon" польского скульптора Игоря Митора; установлена на террасе у музея Beelden aan Zee, Scheveningen, Гаага, Нидерланды.